

**ДОНИШГОҶИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ ЗАБОНҶОИ ХОРИҶИИ
ТОҶИКИСТОН БА НОМИ СОТИМ УЛУҒЗОДА**

Бо ҳуқуқи дастнавис

ВБД: 809.155+802.0:82.035 (81.2 Тоҷ+81.2 Англ: 81)

СОҶИБНАЗАРОВА ҲАВАСМОҶ ТИЛЛОЕВНА

**ТАҲҚИҚИ МУҚОИСАВИИ ВОСИТАҶОИ ТАСВИРИ БАДЕӢ ДАР
МАТНИ АСЛ ВА ТАРҶУМА ДАР МИСОЛИ ЗАБОНҶОИ ТОҶИКӢ ВА
АНГЛИСӢ (ҶАНБАҶОИ ЗАБОНӢ ВА ТАРҶУМА)**

Автореферати

диссертатсия барои дарёфти дараҷаи илмии доктори илмҳои филологӣ аз
рӯйи ихтисоси 10.02.20 – Забоншиносии муқоисавӣ-таърихӣ, қиёсӣ ва
муқоисавӣ

ДУШАНБЕ – 2025

Диссертатсия дар кафедраи забоншиносии муқоисавӣ ва назарияи тарҷумаи Донишгоҳи байналмиллалии забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода омода гардидааст.

Мушовири илмӣ: **Турсунов Фаёзҷон Мелибоевич** – доктори илми филология, профессори кафедраи забоншиносии муқоисавӣ ва назарияи тарҷумаи Донишгоҳи байналмиллалии забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода

Муқарризони расмӣ: **Каримзода Шухрат Бозор** – доктори илмҳои филологӣ, дотсент, директори Муассисаи давлатии таълимии “Мактаби Президентӣ барои кӯдакони болаёқат дар ноҳияи Данғараи вилояти Хатлон”

Мақсудов Умед Олимович – доктори илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи забонҳои факултети молия ва баҳисобгирии “Донишкадаи байналмиллалии Хучанд”-и Донишгоҳи байналмиллалии сайёҳӣ ва соҳибқорӣ Тоҷикистон

Сабирова Сановбар Ғаниевна – доктори илмҳои филологӣ, мудири кафедраи “Лингвистика”-и филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов

Муассисаи пешбар: Муассисаи давлатии таълимии “Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав”

Ҳимояи диссертатсия “19” июни соли 2025, соати 13⁰⁰ дар ҷаласаи шурои диссертатсионии 6D.КOA-021-и назди Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (суроға: шаҳри Душанбе, Буни Ҳисорак, бинои таълимии №10, толори шурои олимони факултети филология) баргузор мегардад.

Бо диссертатсия ва автореферат дар китобхонаи марказии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17) шинос шудан мумкин аст.

Автореферат рӯзи “_____” _____ 2025 тавзеъ шудааст.

Котиби илмӣ
шурои диссертатсионӣ,
номзади илми филология

Мирзоёров Ф.Н.

НОМГҶИ ИХТИСОРАҶО ВА АЛОМАТҶОИ ШАРТӢ

автореф. – автореферат

англ. – англисӢ

ВФ – воҳидҳои фразеологӢ

ғ. – ғайра

диг. – дигарон

дисс. – диссертатсия

ЗА – забони асл

ЗТ – забони тарҷума

ИБ – истиораи бадеӢ

ИЗ – истиораи забонӢ

КОА – Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон

ном. – номзад

с. – саҳифа

таҳтул. – таҳтуллафзӢ

тоҷ. – тоҷикӢ

филол. – филологӢ

МУҚАДДИМА

Мубрамии мавзуи таҳқиқ. Диссертатсияи мазкур ба пажӯҳиши ҷанбаҳои забони баъзе намунаҳои барҷастаи воситаҳои тасвири бадеӣ ва вижаҳои тарҷумаи онҳо дар заминаи матнҳои бадеии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ бахшида шудааст. Боиси зикр аст, ки осори адабии форсу тоҷик ва англис дар ниҳоди мардум аз он хотир мақом ва манзалати хоссаеро касб намудааст, ки дар онҳо маънӣ тавассути санъатҳои нозуку латиф ва шевою гуворо баён гардидаанд. Яке аз воситаҳои рангину ҷолиб ва ҷаззоби баёни афкор дар ташаккули адабиёти бадеӣ истифодаи воситаҳои луғавии забон маҳсуб меёбад, ки дар умум тавассути маъноӣ маҷозӣ дар ташаккули воситаҳои тасвири бадеӣ замина мегузоранд. Ин аст, ки таҳқиқ ва омӯзиши равоҷи адабии форсу тоҷик бо адабиёт ва фарҳангу тамаддуни дигар миллатҳо аз аҳди қадим шуруъ шуда, то имрӯз вусъати тоза пайдо карда, ба як мактаби неруманди илмӣ табдил ёфтааст. Самараи таҳқиқ ва ҷустуҷӯҳои илмӣ муҳаққиқони варзидаи тоҷик буд, ки тули қарнҳо ин мактаби илмӣ рушду такомули тоза пайдо намуда, дар тарҷумаи бадеӣ ҷанбаи амалӣ касб кардааст.

Воситаҳои тасвири бадеӣ дар адабиёти бадеӣ бо мақсадҳои гуногуни услубӣ истифода мешаванд ва ҷунон ки маълум аст, сухан дар бораи ҳаммаъноии калимаҳои меравад, ки дарки баланди услубиро тақозо менамоянд.

Яке аз масъалаҳои муҳим дар адабиёти дузабона тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ ба шумор меравад. Муҳаққиқони соҳа дар мавриди тарҷумаи мухталифи воситаҳои тасвири бадеӣ ақидаҳои ҷолиб баён намудаанд, вале татбиқи ин усул ва равандҳои таҳвилоти тарҷумавӣ дар амалияи тарҷума ба эътибор гирифта намешавад ва дар натиҷа дарки мазмуни матни асл дар матни тарҷума барои хонанда монеа эҷод менамояд.

Лозим ба ёдоварист, ки байни таҳвилоти тарҷумавӣ дар тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеии таркиби воҳидҳои бемуодил бештар таҳвили дастурӣ ва дар тарҷумаи воҳидҳои муодил таҳвили луғавӣ истифода шуда, барои ба даст овардани тарҷумаи мукамал шароит фароҳам меоранд.

Масъалаҳои назарии ифодаи воситаҳои тасвири бадеӣ ва истифодаи самараноки он дар матнҳои бадеӣ, аз назм то забони наср, то андозае мавриди таҳқиқ қарор гирифта бошанд ҳам, дар назария ва амалияи тарҷума баҳсҳои зиёде мавҷуданд, ки таваҷҷуҳи мутахассисони соҳаро ҷалб мекунанд.

Аз ин рӯ, дар таҳқиқи мазкур таносуби тарҷумаи баъзе аз намунаҳои барҷастаи воситаҳои тасвири бадеӣ ба таври фарогир баррасӣ шуда, роҳҳои бартараф намудани камбудихои ҷойдошта дар доираи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ таҳқиқ гардидааст. Воситаҳои тасвири бадеӣ дар адабиёти бадеӣ мақоми бузурги эстетикӣ доранд.

Ҳамин тариқ, намудҳои зиёди воситаҳои тасвири бадеӣ вуҷуд доранд, аммо аз сабаби маҳдудияти имконоти диссертатсия муҳимтарини онҳо мавриди таҳқиқи амиқу дақиқи забоншиносӣ қарор дода шуданд, ки натиҷаи усулҳои интиқоли онҳо аз матни асл ба матни тарҷума шарҳу тавзеҳ ёфтаанд.

Аҳаммияти мавзӯи мазкур ҳамчунин дар таҳлили таҷассуми воситаҳои тасвири бадеӣ дар матн ва ҷанбаҳои забонию тарҷумавии онҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ зоҳир мегардад. Дар диссертатсия бори аввал хусусиятҳои луғавӣ-сохторӣ, сарфию наҳвӣ ва услубӣ баррасӣ карда мешаванд, ки то ҳол ба дараҷаи зарурии муқоисавӣ ва тарҷумавии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ омӯхта нашудаанд. Дар рафти таҳқиқ муҳимтарин намунаҳои воситаҳои тасвири бадеӣ, вазифаҳои дастурӣ, тарҷумавӣ ва нақши онҳо дар ташаккули сохторҳои мукаммали муоширатии ҷумлаҳо ба таври муфассал мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд.

Инчунин, шароити далелҳои овардашуда ба интихоби мавзӯи диссертатсионӣ таҳти унвони “Таҳқиқи муқоисавии воситаҳои тасвири бадеӣ дар матни асл ва тарҷума дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ (ҷанбаҳои забонӣ ва тарҷума)” заминаи мусоид фароҳам овард.

Дар асл, омӯзиши хусусиятҳои сохторӣ, маъноӣ, услубӣ ва луғавии воситаҳои тасвири бадеӣ аз аҳаммияти назариявӣ ва амалӣ бархӯрдор аст, зеро мукамал донишмандони ин хусусиятҳо ба дуруст дарк намудан ва истифода бурдани

онҳо дар ҷумла мусоидат намуда, барои тарҷумаи мувофиқ ва мукамал заминаи боэътимод фароҳам меорад. Аз ин рӯ, таҳқиқи вижагиҳои забонии воситаҳои тасвири бадеии интихобшуда муҳим буда, аҳаммияти махсуси илмию назариявӣ ва амалӣ дорад.

Дарачаи таҳқиқи мавзуи илмӣ. Масъалаи омӯзиши низоми воситаҳои тасвири бадеӣ ва ҷанбаҳои забонию тарҷумавии онҳо, яъне вижагиҳои забонии воситаҳои тасвири бадеӣ дар маркази таваҷҷуҳи забоншиносони хориҷию ватанӣ қарор дошта бошад ҳам, то ҳол низоми умумӣ ва ягонае дар тарҷума ва истилоҳнигории онҳо дар фарҳангҳои қорҳои таҳқиқотӣ мавриди омӯзиши пурра қарор нагирифтааст.

Аксари олимони соҳа воситаҳои баён ва навъҳои онро ҷавҳари асосии адабиёти бадеӣ мешуморанд, ки ин аз пажӯҳишҳои мондагору муассири нашршудаи онҳо гувоҳӣ медиҳад, яъне баъзе ҷанбаҳо ва усулҳои баёну роҳҳои ифодаи онҳо дар таҳқиқ ва асарҳои илмии муҳаққиқон муайян шудааст.

Асарҳои илмӣ-таҳқиқотии як қатор муҳаққиқони соҳа ба ин ё он паҳлуи хусусиятҳои адабиёти бадеӣ бахшида шудаанд, ки дар ифодаи онҳо нақши воситаҳои тасвири бадеӣ бориз аст. Асарҳои муҳаққиқони ватанӣ, аз қабилӣ Р. Ватвот, Ҳ.В. Кошифӣ, А.М. Ҳусайнӣ, Т. Зеҳнӣ, А. Мусулмониён, Х. Шарифов, М.Н. Маҳмадаминов, Б. Камолиддинов, У. Тоиров, М. Қурбонов, А. Абдуқодиров, А. Афсаҳзод, Ю. Бобоев, Р. Ғаффоров, М.Қ. Саломов, Г. Нозимова, С.С. Аброров, М.М. Ансорова, С.О. Шералиев, Т.М. Талабова, Ҳ.Қ. Гулямов ва хориҷӣ А.В. Фёдоров, В.В. Виноградов, А.А. Реформатский, И.С. Алексеева, В.В. Сдобников, С. Влахов, С. Флорин, В.М. Жирмунский, Е.А. Беретская, Б.Г. Бобилев, Л.А. Велчева, Л.Б. Бей, Л.В. Рижкова, Д.Э. Розентал, Л.И. Сквортсов, Л.Ю. Иванов, А.Б. Есин, И.Р. Галперин, В.П. Москвин, Н. Абрамов, З.Е. Александрова, Ю.А. Оганесова, Т.Б. Маклакова ва дигарон далели ин гуфтаҳоианд.

Монографияи М.Қ. Саломов таҳти унвони “Ифодаи маҷоз дар ғазалиёти Ҳофизи Шерозӣ” оид ба шарҳи луғавию истилоҳии маҷоз, роҳҳои ифода,

хусусият ва мавқеи он дар забони шеър, сохтори луғавӣ-дастурии ифодаҳои маҷозӣ ва амсоли инҳо бахшида шуда, вижагиҳои забонии он дар ғазалиёти Ҳофизи Шерозӣ баррасӣ гардидаанд.

Дар диссертатсияи Г.С. Нозимова дар мавзуи “Пайдоиш ва таҳаввули тамсил дар адабиёти тоҷик дар асри X ва нимаи аввали асри XI” масъалаи пайдоиш ва таҳаввули санъати тамсил дар адабиёти форс-тоҷик дар асрҳои X ва нимаи аввали асри XI баррасӣ гардида, хусусиятҳои маъноӣ, шинохти тафовути масал аз дигар анвои воситаҳои тасвири бадеӣ ва таҳқиқи сарчашмаҳои масал дар адабиёти паҳлавӣ мавриди пажӯҳиши алоҳида қарор дода шудааст.

Таҳқиқи диссертатсионии С.С. Аброров таҳти унвони “Сохтор, маъно ва хусусиятҳои дастурии ифодаҳои маҷозӣ дар ашъори Ҳоча Ҳусайни Хатлонӣ” ба вижагиҳои сохторӣ, маъноӣ ва дастурии ифодаҳои маҷозии ашъори Ҳоча Ҳусайни Хатлонӣ бахшида шудааст. Таҳқиқи диссертатсионии мазкур аз пажӯҳишии зикршуда бо он фарқ мекунад, ки таҳқиқоти забонию тарҷумавии воситаҳои тасвири бадеӣ дар доираи забонҳои тоҷикию англисӣ дар заминаи асарҳои бадеӣ дар он зикр нагардидааст.

Дар диссертатсияи М.М. Ансорова таҳти унвони “Тасвири забонӣ-рангии ҷаҳон дар забонҳои гуногунсохтор: ҷанбаҳои маъноӣ-услубӣ” ҳадафи асосӣ ба масъалаи асосҳои назариявӣ ва методологии омӯзиши забонии ранг ҳамчун воҳиди луғавии ифодаҳои маҷозидошта ва нақши истиораву хусусиятҳои он дар ифодаи тасвири забонии ҷаҳони тоҷику англис равона гардидааст. Аммо дар кори мазкур навъҳо ва роҳҳои ифодаи истиора дар забонҳои мавриди назар нишон дода нашудааст.

Бояд тазаққур дод, ки хусусиятҳои луғавӣ-дастурии воситаҳои тасвири бадеӣ дар диссертатсияи номзадии Т.М. Талабова таҳти унвони “Воситаҳои дастурий ва луғавии тасвир дар рӯзномаҳои тоҷикӣ ва англисӣ (дар асоси матнҳои сиёсӣ)” инъикос гардидаанд. Фарқи диссертатсияи болозикр аз диссертатсияи мо дар он аст, ки дар он таҳқиқ ва таснифоти хоси воситаҳои тасвири бадеӣ мушоҳида мешаванд, ки ҷойгоҳи хоса доранд. Дар таҳқиқи ӯ дигаргуниҳои

истифодаи хусусиятҳои дастурии тарҷумаи рӯзномаҳои тоҷикӣ ва англисӣ (дискурси сиёсӣ) мавриди таҳқиқ қарор дода шуда бошад ҳам, барои дар сатҳи амалӣ равшан намудани усулҳои интиқоли воситаҳои тасвири бадеӣ кӯшиш ба харҷ дода нашудааст.

Дар пажӯҳиши С.О. Шералиев таҳти унвони “Роҳҳои ифодаи истиораи “самт”, “вақт” ва “ҳаёт” дар забонҳои гуногунсاختор” диққати асосӣ ба ҷузъҳои муҳимми фарҳанги забони тоҷику рус ва англис – истиораи ифодакунандаи фазо, замон ва ҳаёт дода шудааст, вале дар ин ҷо истиора на ба сифати “истиора” (метафора), балки дар умум, чун “мачоз” (троп) мавриди омӯзиш қарор гирифтааст.

Дар монографияи Ҳ.Қ. Гулямов нақш ва вазифаҳои истиора дар ташаккули матни бадеӣ муайян шуда, мавқеи он дар тасвири забони ҷаҳони тоҷику англис дар мисоли матнҳои бадеӣ нишон дода шудааст.

Масъалаи мазкур дар таҳқиқоти муҳаққиқи хориҷӣ, аз ҷумла, Т.Б. Маклакова, “Нақши мачоз ва воситаҳои баён дар матни комил (ҷанбаи симметрӣ-позитсионӣ)” хеле ҷолиб оварда шудааст. Дар он аз мушкилоти асосии омӯзиши воситаҳои тасвири бадеӣ ва масъалаҳои таснифоти онҳо аз нуқтаи назари илмӣ сухан меравад. Дар диссертатсия масъалаҳои таносуб ва фазои воситаҳои тасвири бадеӣ аз нигоҳи тарҷума, умуман, таҳқиқ нагардидааст.

Роҷеъ ба масъалаҳои тарҷума ва ҷанбаҳои тарҷумавии воситаҳои тасвири бадеӣ аз нигоҳи муқоиса дар доираи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ дар Тоҷикистон ва дигар кишварҳо то ҳол таҳқиқоти алоҳида анҷом дода нашудааст, вале баъзе ҷанбаҳои ифодаи онҳо дар заминаи воҳидҳои дигари луғавӣ аз нигоҳи тарҷума дар қорҳои илмӣ-таҳқиқотии муҳаққиқон аз қабилӣ Ф.М. Турсунов [1999, 2016], А. Мамадназаров [2013], Ҷ.Ҷ. Мурувватиён [2018, 2020], С.Р. Кесамирова [2019], А.Х. Наврузов [2021], К.А. Зарипов [2023], М.О. Мақсудов [2024] ва дигарон пажӯҳиш шудааст.

Масъалаи мушкилоти тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеии таркиби воҳидҳои бемуодил дар қорҳои таҳқиқотии Ф.М. Турсунов таҳти унвони

“Таҳлили луғавӣ-маъноии зарбулмасалу мақол дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ: дар асоси асарҳои Фазлиддин Муҳаммадиев” [1999] ва “Таҳқиқи муқоисавии вожаҳои бемуодил аз нигоҳи забоншиносии фарҳангӣ ва тарҷума (дар мисоли забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ)” [2016] хеле ҷолиб нишон дода шудааст. Аммо дар ин қорҳои таҳқиқотӣ танҳо қорбурди воситаҳои тасвири бадеӣ дар таркиби зарбулмасалу мақол, реалия ва, умуман, воҳидҳои бемуодили забон таҳлил шудаанд. Бояд гуфт, ки зарбулмасалу мақол аз нуқтаи назари услубшиносӣ ва адабиётшиносӣ ба гурӯҳи воситаҳои тасвири бадеӣ дохил шуда, воҳидҳои забонӣ дар онҳо ба маъноӣ маҷозӣ қорбурд мешаванд.

Ҳамин тариқ, ин нуқтаи назар дар диссертатсияи докторӣ ҳамчун ҷанбаҳои муқоисавию вазифавӣ ва меъёрҳои мутобиқат дар интиқоли воҳидҳои бемуодил дар асоси маводди адабиёти бадеӣ ва публитсистии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ бо ҷалби маводди забони русӣ таҷассум ёфтааст.

Нақши пешбарандаи воситаҳои тасвири бадеӣ ва қорбурди онҳо дар асарҳои бадеӣ аз ҷониби тарҷумашиносон ва забоншиносон таъкид гардидааст, вале таҳвилоти тарҷумавии онҳо дар назарияи тарҷума ҳанӯз ба таври қофӣ омӯхта нашудааст.

Таҳқиқоти Қ.Қ. Мурувватиён, ки дар гузариши робитаҳои адабӣ саҳми арзанда дорад, ба фаъолияти тарҷума ва тарҷумонӣ бахшида шудааст. Дар диссертатсияи номзадӣ таҳти унвони “Ташаккули романи филологӣ дар адабиёти асри ХХ (дар асоси романи “Фирдавсӣ” -и Сотим Улуғзода)” [2018] ва диссертатсияи докторӣ дар мавзӯи “Мушкилоти ташаккул ва рушди тарҷумаи бадеӣ дар адабиёти асри ХХ (дар асоси тарҷумаҳои Сотим Улуғзода)” [2020] диққати асосӣ ба вижагиҳои тарҷумаи бадеӣ дар Тоҷикистон дар солҳои 30-юм дода шудааст.

Дар бобҳои сеюм ва чоруми диссертатсияи доктории муҳаққиқ ба вижагиҳои тарҷумаи истехзо (ирония) ва истиора (метафора), ки яке аз навҳои воситаҳои тасвири бадеӣ – маҷоз ба шумор мераванд, диққат дода шудааст.

Таҳқиқоти дигари Ҷ.Ҷ. Мурувватиён “Сюжети филологӣ” [2022], “Мулоҳизаҳо оид ба адабиёт ва тарҷумаи бадеӣ” [2024], “Хусусиятҳои тарҷумаи истиора аз забони тоҷикӣ ба забони русӣ дар матни бадеӣ (аз рӯйи таснифоти М.А. Смирнова)” [2022] ва ғайраҳо ба масъалаи воситаҳои тасвири бадеӣ ва хусусияти онҳо бахшида шуда, дар инкишофи адабиёти тоҷик ва алоқаи он бо адабиёти мамолики дигар, ки дар онҳо тарҷума нақши муҳим мебозад, ҳиссаи арзанда гузоштааст.

Моҳияти забонии муодилнокии воситаҳои тасвири бадеӣ дар заминаи воҳидҳои луғавӣ ва татбиқи онҳо дар адабиёти бадеӣ дар диссертатсияи номзодии С.Р. Кесамирова таҳти унвони “Таҳлили муқоисавии дараҷаҳои муодилнокии байнизабонии воҳидҳои лексикӣ аз нигоҳи тарҷума (дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ)” [2019] мушоҳида мешавад. Дар диссертатсия аҳаммияти омӯзиши таҳлили муқоисавии дараҷаи мувофиқати воҳидҳои луғавии байнизабонӣ дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ баръало нишон дода шудааст. Гарчанде дар диссертатсия дар таркиби воҳидҳои луғавии бемуодил ва воҳидҳои луғавии муодил воситаҳои тасвири бадеӣ зиёд бошанд ҳам, онҳо ба таври кулӣ аз нуқтаи назари дигар таҳлил ва хулосабандӣ шудаанд.

Дар диссертатсияи А.Х. Наврузов таҳти унвони “Масъалаҳои мукаммалии тарҷума ва ҳифзи услуби муаллиф дар тарҷумаҳои матни бадеӣ аз забони русӣ ба забони тоҷикӣ (дар мисоли тарҷумаи романи “Дони ором”-и М. Шолохов ба забони тоҷикӣ дар тарҷумаи Э. Муллоқандов” [2021] масъалаи дарки хусусиятҳои услубӣ ҳангоми тарҷума ва нигоҳ доштани ғояи муаллиф дар тарҷумаи адабиёти бадеӣ, ки барои тарҷумон монеаҳои зиёд эҷод мекунад, баён шудааст.

Гарчанде диссертатсияи Қ.А. Зарипов таҳти унвони “Мушкилоти лексикӣ дар тарҷумаи бадеӣ” [2023] ба масъалаҳои мушкилоти тарҷумаи воҳидҳои луғавӣ дар тарҷумаи бадеӣ бахшида шуда, дар он масъалаҳои луғавӣ, маъноӣ ва услубии тарҷумаи воҳидҳои луғавӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд, вале дар бораи воситаҳои тасвири бадеӣ, ки муҳимтарин ҷузъи забони адабиёти бадеиро

ташкил медиҳанд, фикрронӣ нашудааст. Танҳо дар як қисмати он мафҳуми муодилнокӣ ва бемуодилии воҳидҳои фразеологӣ бо ҷалби мисолҳо аз асари бадеӣ таҳқиқ гардидааст, ки қисман ба масъалаҳои кори диссертатсионии мазкур робита дорад.

Масъалаи хусусиятҳои забонии тарҷума дар робита бо тағйироти интиқоли матни бадеӣ, аз ҷумла, масъалаи табодули луғавӣ-маъноӣ, маъноӣ-дастури, нахвӣ-сарфӣ ва услубӣ дар матни бадеӣ дар диссертатсияи доктории У.О. Мақсудов таҳти унвони “Ассиметрияи байнизабонӣ ва таҳвилоти тарҷумавӣ дар матни бадеии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ” [2024] ба таври возеҳ ифода ёфтааст. Диссертатсия ба нобаробарии байнизабонӣ ва таъсири он ба раванди тарҷумаи адабиёти бадеӣ бахшида шудааст. Дар диссертатсия омилҳои забонӣ ва муайян кардани номутобиқатӣ ва номутаносибии воҳидҳои луғавӣ ҳангоми тарҷумаи адабиёти бадеӣ, ки ҷанбаи муҳимми назария ва амалияи тарҷума маҳсуб меёбанд, равшан ифода ёфтааст.

Бо вучуди ин, масъалаи тағйироти забонию тарҷумавӣ ва мушкилоти ифодаи онҳо дар тарҷумаи бадеии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ ва номутобиқатии истилоҳии онҳо дар тарҷума ҳанӯз ба таври кофӣ таҳқиқ нагардидааст.

Таҳқиқоти алоҳидаи марбут ба масъалаи таснифоти воситаҳои тасвири бадеӣ дар луғат ва фарҳангҳои дузабона ва тафсири, мукаммалии онҳо дар дигар сарчашмаҳо дар натиҷаи тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ аз забони тоҷикӣ ба забони англисӣ ва баръакс ба вучуд омадаанд, аммо маъноӣ луғавӣ-истилоҳии воситаҳои ифодаи тасвири бадеӣ ва усулҳои ташаккули онҳо ва таснифоти умумии забоншиносӣ дар доираи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ ва дигар забонҳо ҳанӯз амалӣ нашудааст.

Робитаи таҳқиқ бо барномаҳо ва мавзӯҳои илмӣ. Диссертатсия дар доираи мавзуи илмӣ-таҳқиқотии кафедраи забоншиносии муқоисавӣ ва назарияи тарҷумаи факултети тарҷумонии забони англисии Донишгоҳи байналмилалӣ забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода омода гардидааст. Он, ҳамчунин, бо “Барномаи давлатии тақмили таълим ва омӯзиши забонҳои русӣ ва

англисӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2030” ва лоиҳаи буҷетии “Мушкилоти “тарҷуманопазирӣ” дар шароити тавсеаёбии муносибатҳои байналмилалӣи Тоҷикистони муосир” (2024-2027) робитаи зич дорад.

ТАВСИФИ УМУМИИ ТАҲҚИҚ

Мақсади таҳқиқ таҳлили муқоисавии фарогири ҷанбаҳои забонии воситаҳои тасвири бадеӣ аз нигоҳи тарҷума дар заминаи матнҳои бадеии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ мебошад. Дар раванди таҳқиқ воситаҳои тасвири бадеии мавриди интихоби муаллиф аз нигоҳи сохтор, маъно, роҳҳои ифода ва вижагиҳои вазифавӣ дар низоми адабиёти бадеӣ баррасӣ мегарданд.

Вазифаҳои таҳқиқ. Ҷиҳати ноил гардидан ба ҳадафҳои таҳқиқ татбиқи вазифаҳои мушаххаси зерин ба мақсад мувофиқ аст:

-ҷамъоварӣ ва таҳлили маводди назариявӣ оид ба воситаҳои тасвири бадеӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ;

-тафсири мафҳумҳои луғавӣ, истилоҳнигорӣ ва ифодаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар забонҳои мавриди муқоиса;

-баррасии таснифоти воситаҳои тасвири бадеӣ дар забонҳои мавриди таҳқиқ;

-муайян намудани заминаҳои назариявии мавқеи воситаҳои тасвири бадеӣ дар тарҷумашиносӣ ва тарҷумаи бадеӣ;

-тавсифи муқоисавии истиора, ташбеҳ, киноя, тамсил, метонимия, маҷози мурсал, антономасия, ифодаи эзоҳӣ, муболиға ва тасғир дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ;

-нишон додани роҳҳои тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар тарҷумашиносӣ;

-таҳлили мисолҳои тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ вобаста ба татбиқи таҳвилҳои луғавӣ;

-муайян намудани мавридҳои татбиқи усулҳои таҳвилоти луғавӣ ва дастурӣ дар робита бо воситаҳои тасвири бадеӣ;

-ошкор сохтани мушкилоти “тарчуманопазирӣ” ва таъсири он ба тарҷумани воситаҳои тасвири бадеӣ;

-собит намудани нақши воҳидҳои фразеологӣ ва зарбулмасалу мақолҳо дар тасвири бадеӣ аз нигоҳи тарҷума.

Объекти таҳқиқро воҳидҳои луғавӣ ҳамчун воситаҳои тасвири бадеӣ ва усулҳои тарҷумани онҳо дар доираи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ ташкил медиҳад.

Предмети таҳқиқро таҳқиқи муқоисавӣ ва тарҷумавии вожаҳо – воситаҳои тасвири бадеӣ дар заминаи матнҳои бадеии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ ташкил медиҳад.

Ба сифати **фарзияи** диссертатсия он чараёнро мувофиқ мешуморем, ки ба натиҷаи мазмун ва муҳтавои забони тарҷума таъсири мусбат мерасонад. Раванди истифода ва ташаккули тарҷумани воситаҳои тасвири бадеӣ аз забони асл ба забони тарҷума он вақт самаранок ва комил натиҷа медиҳад, **агар:**

-муаллифи асар онҳоро дуруст истифода намудааст ва дар тарҷума низ калимаи мувофиқи он дарёфт шудааст;

-истифодаи дурусти бадали луғавӣ ҳангоми таҳвилот аз матни асл ба забони тарҷума сураат гирад;

- “таҳлил” ё “ташҳис”-и дурусти сохтори ҷумла, ки ба дуруст дарк намудани мазмуни ҷумла мусоидат мекунад;

- муносибати байни ҷузъҳои ҷудоғонаи таркиби ҷумла (мубтадо, хабар, муайянкунанда, ҳоли сабаб, мақсад, шарт ва ғайра) дар низоми нахвии забон комилан дуруст фаҳмида шаванд.

Асосҳои назариявии таҳқиқро дар асарҳои илмии муҳаққиқони ватанӣ ва хориҷӣ, аз қабилӣ Р. Ватвот, Ҳ.В. Кошифӣ, А. Ҳусайнӣ, Т. Зеҳнӣ, Х. Шарифов, М.Н. Маҳмадаминов, У. Тоиров, М. Қурбонов, А. Абдуқодиров, Ю. Бобоев, Р. Ғаффоров, М.Қ. Саломов, Ҷ.Ҷ. Мурувватиён, Г. Нозимова, С.С. Аброров, А.В. Фёдоров, В.В. Виноградов, А.А. Реформатский, И.С. Алексеева, В.В. Сдобников,

С. Влахов, С. Флорин, В.М. Жирмунский, Е.А. Беретская, Б.Г. Бобилев, Л.А. Велчева, Л.Б. Бей, В.П. Москвин, Т.Б. Маклакова ва дигарон бараъло мушоҳида кардан мумкин аст.

Методҳои таҳқиқ. Барои ҳалли масъалаҳои дар таҳқиқ гузошташуда усулҳои забоншиносии муқоисавӣ ва шарҳи тарҷумавӣ бештар мувофиқанд. Ҳангоми баргараф кардани ин мушкилот шабоҳатҳо ва фарқиятҳои байни забонҳои мавриди назар аҳаммияти назаррас доранд. Дар байни онҳо ба методҳои мушоҳида (таҳлили маводди назариявӣ), таҳлили муқоисавии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ дар қорбурди воситаҳои тасвири бадеӣ, таҳлили сохторӣ ва функционалии онҳо, хусусиятҳои семантикӣ-наҳвӣ ва амсоли инҳо диққати махсус дода шудааст.

Дар диссертатсия, инчунин, усулҳои таҳлили лингвистии калимаҳо, ибораҳо ва ҷумлаҳои мухталифе, ки маъноӣ маҷозӣ доранд, барои пурратар ошкор намудани моҳияти дастурии воситаҳои тасвири бадеии забони тоҷикӣ ва муқоисаи муассири забони англисӣ истифода шуда, ба муайян намудани навъҳои таҳвилоти дастурӣ ҳангоми ифодаи вазифаҳо ва маъноӣ воситаҳои образноки забон диққати хос дода шудааст.

Сарчашмаҳои таҳқиқро адабиёти бадеии тоҷикию англисӣ – “Ёддоштҳо” (Reminesences) ва “Марги судхӯр” (The death of the userer (the death of money-lender)-и С. Айнӣ, “Jane Eyre” (Ҷен Эйр)-и Шарлотта Бронте, “The old man and the sea” (Пирамард ва баҳр)-и Э. Ҳемингвей ташкил мекунанд.

Бояд тазаққур дод, ки дар диссертатсия, бинобар васеъ будани мавзуи таҳқиқ мисолҳо аз баъзе сарчашмаҳои дигар низ истифода шуданд. Ба сифати манбаи мисол, ҳамзамон, ба луғатҳои тафсирий ва дузабона, ки арзиши баланди илмӣ доранд, муроҷиат карда шуд.

Навгони илмӣ таҳқиқ дар он зоҳир мегардад, ки дар заминаи таҳқиқи анҷомдодашуда таҳқиқи муқоисавии воситаҳои тасвири бадеӣ дар матни асл ва тарҷума дар асоси маводди назариявии ду забон омӯхта шуда, кӯшиши омӯзиши

ин воситаҳои муассири забон, усулҳои тарҷума, татбиқ ва фаъолияти онҳо дар низоми асари бадеӣ мушаххас карда шудааст.

Бори аввал тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ ва хусусиятҳои луғавию истилоҳии онҳо дар доираи ду забон ба таври дақиқ таҳлил карда шуд. Омилҳои луғавӣ ва дастурии воситаҳои тасвири бадеӣ, номутобикати истилоҳии онҳо дар луғатҳои тафсирий ва дузабона ва роҳҳои ифодаи онҳо дар таркиби воҳидҳои луғавии бемуодил, ки ба раванди тарҷумаи адабиёти бадеӣ таъсир мерасонанд, мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд.

Дар робита ба ин, дар диссертатсия нахуст кӯшиш карда шуд, то ба низом ва сохтори баъзе воситаҳои тасвири бадеии ду забон, ки ба пуррагӣ то ҳол мавриди пажӯҳиш қарор дода нашудааст, равшанӣ андохта шавад, зеро маҳз дар доираи ду забон ҷанбаи забонӣ ва тарҷумаи онҳо муайян карда мешавад.

Ҷолиби диққат аст, ки ин намунаҳо дар забонҳои муқоисашаванда метавонанд якхела бошанд, аммо низоми забон, дар маҷмӯъ, ҳамеша фарқ мекунад. Дар илми забоншиносӣ собит шудааст, ки ба забонҳои ҳиндуаврупӣ, ки забони тоҷикӣ ба ҳамин оила дохил мешавад, ба истилоҳ, воситаҳои образноки бадеӣ ҳамчун қолабҳои сохтори дорои мафҳуми маҷозибуда дар шакли муайян хос аст.

Таҳлили гуногунии маҷозҳо ва мундариҷаи онҳо, ки дар эҷоди образҳои бадеӣ нақши назаррас доранд, навъҳои зиёди онҳоро аз рӯйи таснифоти махсус нишон медиҳанд. Дар доираи як диссертатсия нишон додани ҳамаи вижагиҳои хоси тамоми намудҳои воситаҳои тасвири бадеӣ ва тарҷумаи онҳо имконнопазир аст ва аз ин хотир, дар диссертатсияи мазкур мо танҳо ба таҳлилу тарҷумаи баъзе аз онҳо, аз қабилҳои истиора, ташбеҳ, метонимия ва навъҳои он, тамсил, киноя, ифодаи эзоҳӣ, муболиға ва тасғир иктифо намудем.

Нуктаҳои ба ҳимоя пешниҳодшаванда:

1. Омӯзиш ва ифодаи маҷоз ҳамчун воситаи тасвири бадеӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ мушкилоти зиёдеро ба бор меорад. Сабаби асосии он мураккабӣ ва гуногунрангии сохтор, маъно ва усулҳои тарҷумаи онҳо мебошад.

Хусусияти маъноии воҳидҳои забони таркиби ҷумлаҳои асарҳои бадеӣ ба таври кофӣ омӯхта нашудаанд.

2. Барои муайян кардани нақши воситаҳои тасвири бадеӣ дар ташаккули адабиёти бадеӣ, кӯшиши таҳлили арзишҳои луғавӣ ва дастурии он, муайян кардани падидаи маҷоз дар сохтори забонҳои мавриди баррасӣ, тавсифи навҳои маҷоз ҳамчун аломатҳои асосии ҷумла, далели аҳаммияти воситаҳои тасвири бадеӣ дар ташаккули таркиби воҳидҳои бемуодил, инчунин, муайян намудани шабоҳат ва фарқияти байни онҳо дар асоси мисолҳои мушаххас амалӣ карда шуданд.

3. Собит карда шуд, ки таҳлили муқоисавии маҷоз ҳамчун яке аз навҳои асосии воситаҳои образнокӣ тасвири бадеӣ аз нигоҳи сохтор ва маъно ва усулҳои ифодаи онҳо ҳангоми тарҷумаи матни забони асл, ки боиси номутобиқатии воҳидҳои луғавӣ мегардад, аҳаммияти назариявӣ ва амалӣ дорад.

4. Хусусиятҳои умумӣ ва фарқкунандаи байни усулҳои ифода ва гурӯҳбандии воситаҳои тасвири бадеӣ дар забонҳои муқоисашаванда муайян карда шуданд.

5. Таҳлили тарҷумаи номукаммали воситаҳои тасвири бадеӣ ва усулҳои истифодаи онҳо ҳамчун воҳиди забон дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ нишон дод, ки номутобиқатии байни воситаҳои тасвири бадеии забони асл ва тарҷума на танҳо дар хусусияти функционалии онҳо, балки бештар дар омилҳои дастурӣ ва луғавӣ-услубӣ зоҳир мегардад.

6. Тасдиқ гардид, ки тафовути сохторӣ ва маъноии байни воситаҳои тасвири бадеии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ сабаби дақиқ ифода нашудани баъзе маҷозҳо дар луғатҳои дузабона гардидааст.

7. Омӯзиши воситаҳои тасвири бадеӣ дар осори насрии ду забон аҳаммияти беназир дорад, зеро ҳангоми тарҷума аз як забон ба забони дигар метавонанд дар сатҳи тарҷума баъзе камбудихо ба вучуд оянд.

8. Татбиқи нодурусти тарзҳои тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ ба ҳосил шудани тарҷумаи таҳтуллафз боис мегардад, ки на ҳамеша натиҷаи дилхоҳ медиҳад.

Аҳаммияти назариявӣ ва амалии таҳқиқ. Натиҷаҳои диссертатсия назарияи воситаҳои тасвири бадеиро аз нигоҳи муқоиса ва тарҷума пурра намуда, барои таҳқиқоти минбаъда дар ин самт заминаи муқоид ва бозътимод фароҳам меорад. Диссертатсия метавонад ҳамчун мавод барои баргузориҳои курсҳои назариявии грамматика, типологияи муқоисавии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ, курсҳои махсус ва барои корҳои илмӣ-таҳқиқотӣ хизмат намояд. Ҳамзамон, вай метавонад барои рушди густариши таҳқиқоти муқоисавии забонҳо дар забоншиносии муқоисавӣ ва маърифатӣ, назария ва амалияи тарҷума, услубшиносӣ ва фарҳангшиносӣ муҳим бошад.

Хулоса ва натиҷаҳои, ки дар рафти пажӯҳиши забонӣ ва тарҷумавии воситаҳои тасвири бадеии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ ба даст оварда шудаанд, метавонанд дар раванди таълими забоншиносии муқоисавӣ, назария ва амалияи тарҷума истифода шаванд. Маълумоти муайяншуда оид ба хусусияти воситаҳои тасвири бадеиро дар дарсҳои грамматикаи амалии забонҳои тоҷикӣ ва англисии муассисаҳои таҳсилоти олӣ, инчунин, дар навиштан ва таҳия намудани китобҳои дарсӣ ва воситаҳои таълимӣ, навиштани диссертатсияҳои номзадию докторӣ ва дигар корҳои илмӣ-таҳқиқотӣ истифода бурдан мумкин аст.

Дарачаи эътимоднокии натиҷаҳои таҳқиқ. Диссертатсия, таҳқиқи муқоисавии татбиқи намунаи баъзе аз воситаҳои тасвири бадеии маъмул ва ҷанбаҳои забонию тарҷумаи онҳоро дар ду забон таъмин менамояд. Таҳлили илмӣ тарҷумаҳо дар таснифи воситаҳои тасвири бадеӣ аз рӯи ақидаҳои олимону муҳаққиқони соҳа, инчунин, тарҷумаи дақиқи навҳои воситаҳои тасвири бадеӣ сурат гирифтааст.

Мутобиқати диссертатсия ба шиносномаи ихтисоси илмӣ. Таҳқиқи диссертатсионии мазкур таҳти унвони “Таҳқиқи муқоисавии воситаҳои тасвири бадеӣ дар матни асл ва тарҷума дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ

(чанбаҳои забонӣ ва тарҷума)» ба рамзи ихтисоси тасдиқнамудаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон 10.02.20 – Забоншиносии муқоисавӣ-таърихӣ, қиёсӣ ва муқоисавӣ мутобиқат мекунад.

Саҳми шахсии доктараби дараҷаи илмӣ дар таҳқиқ дар он зоҳир мегардад, ки бори нахуст таҳқиқи муқоисавии воситаҳои тавсири бадеӣ дар матни асл ва тарҷума аз ҷониби муаллиф мавриди таҳқиқоти махсус қарор гирифта, дурустӣ ва нодурустии тарҷума ҳангоми ифодаи воситаҳои тавсири бадеӣ дар умум ва дар таркиби воҳидҳои бемуодил дар матнҳои бадеии забонҳои мавриди назар баррасӣ шудааст. Маводди назариявӣ ва амалии ҷамъоваринамудаи муаллиф барои ҳалли як қатор масъалаҳои мавҷудаи забоншиносӣ ва тарҷумашиносии тоҷик саҳми арзанда ва муассир мегузорад. Ҳамзамон, ҷамъоварию коркарди маводди таҳқиқ, таҳлили ҷумлаҳо аз адабиёти бадеӣ ва тарҷумаи онҳо, ки ба ҳадафу вазифаҳои диссертатсия мувофиқанд, аз ҷониби муаллиф мустақилона ба даст оварда шудаанд.

Тасвир ва амалисозии натиҷаҳои диссертатсия. Диссертатсия дар кафедраи забоншиносии муқоисавӣ ва назарияи тарҷумаи ДБЗХТ ба номи С. Улуғзода омода шуда, мазмун ва муҳтавои он дар шакли мақола ва маърузаҳо дар конференсияҳои илмӣ-амалии сатҳи байналмилалӣ, ҷумҳуриявӣ ва донишгоҳӣ нашр ва ироа гардидааст, аз ҷумла, конференсияи байналмилалии илмии Россия, Ўзбекистон ва Тоҷикистон таҳти унвони “Масъалаҳои мубрами муоширати байнифарҳангӣ: бо ҳифзи гузашта ояндаро месозем”, – Самарқанд, 2021; конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ таҳти унвони “Ховаршиносии муосир ва дурнамои рушди он: масоили забоншиносӣ, матншиносӣ ва робитаҳои адабӣ”, – Хучанд, 2024); конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ таҳти унвони “Масъалаҳои мубрами тарҷумашиносӣ: назария ва методҳои таҳқиқи “тарҷуманопазирӣ””, – Душанбе, 2024 ва ғ.), конференсияи ҷумҳуриявӣ таҳти унвони “Масъалаҳои муҳими омӯзишу тадриси забонҳои хориҷӣ дар шароити рушди инноватсионӣ”, – Душанбе, 2021; конференсияи ҷумҳуриявӣ таҳти унвони “Масъалаҳои тарҷума ва тарҷумашиносии тоҷик: вазъият ва дурнамо”, –

Душанбе, 2023; конференсияи ҷумҳуриявии илмӣ-амалӣ таҳти унвони “Забони тоҷикӣ дар арсаи паёмадҳои нав”, – Душанбе, 2024 ва ғ.); конференсияи илмӣ-амалии ҳайати профессорону устодон ва донишҷӯёни ДДЗТ ба номи С. Улуғзода таҳти унвони “Омӯзиши масъалаҳои умдаи филология ва тарҷума дар даврони соҳибистиклолӣ”, – Душанбе, 2021 ва ғ.). Диссертатсияи мазкур дар ҷаласаи муштаракӣ кафедраҳои забоншиносии муқоисавӣ ва назарияи тарҷума, забоншиносии умумӣ ва забоншиносӣ ва рӯзноманигории Донишгоҳи байналмиллалӣ забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода (суратҷаласаи №6/1 аз 30.01.2025) муҳокима ва ба ҳимоя пешниҳод шудааст.

Интишорот аз рӯйи мавзӯи диссертатсия. Мавод ва нуктаҳои асосии таҳқиқи диссертатсионӣ дар конференсияҳои байналмилалӣ ва ҷумҳуриявии илмию амалии Тоҷикистон ва берун аз он (солҳои 2017-2025) ва ҳамчунин, дар 43 мақолаи чопшудаи муаллиф дар маҷаллаҳои илмӣ, аз ҷумла, 17 мақолаи банаширрасида дар маҷаллаҳои тақризшавандаи шомили феҳристи КОА-и назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон инъикос гардидааст.

Сохтор ва ҳаҷми диссертатсия. Диссертатсия аз муқаддима, панҷ боб, хулоса ва рӯйхати адабиёт иборат аст.

ҚИСМИ АСОСИИ ТАҲҚИҚ

Дар муқаддимаи диссертатсия оид ба мубрам будани мавзӯи таҳқиқ, дараҷаи таҳқиқи мавзӯ, робитаи таҳқиқ бо барномаҳо ва мавзӯҳои илмӣ, мақсад, вазифаҳо, объект, предмет, асосҳои назарӣ, сарчашмаҳо ва наwgонии илмии таҳқиқ, нуктаҳои ба ҳимоя пешниҳодшаванда, аҳаммияти назариявӣ ва амалии таҳқиқ, мутобиқати мавзӯи диссертатсия бо шиносномаи ихтисоси илмӣ, саҳми шахсии довталаби дараҷаи илмӣ дар таҳқиқ, тасвиби амалии натиҷаҳои таҳқиқ, нашри таълифоти илмӣ дар мавзӯи диссертатсия, сохтор ва ҳаҷми диссертатсия маълумот дода шудааст.

Боби якуми диссертатсия “Ҷанбаҳои назариявии таҳқиқи воситаҳои тасвири бадеӣ дар забоншиносӣ” унвон дошта, аз 2 ҷисм иборат мебошад.

Дар фасли якуми боби якум тахти унвони **“Бозбинии таҳқиқоти забоншиносӣ вобаста ба корбурди воситаҳои тасвири бадеӣ”** таҳқиқоти забоншиносӣ вобаста ба корбурди воситаҳои тасвири бадеӣ бозбинӣ шудаанд.

Аслан, “калимаи бадеӣ дар сухане ифода мешавад, ки аксар вақт нейтралӣ (бетараф) набуда, тобишҳои гуногуни эҳсосӣ ва экспрессивӣ дошта, дорои оҳанги пурмазмун ва гуногунранг аст” [15, с. 12]. Ақидаи Рижков-Гришинро М. Сперанский ҷонибдорӣ намуда, чунин баён кардааст: Каломи бадеӣ, яъне “қоидаҳои сухани баландтарин” – ин хусусияти суханронӣ аст. Дар ин гуна калимаҳо хусусият гуфта, ман он чиро дар назар дорам, ки аз дили суханвар ба дили шунавандагон сухан меронад, дар он ҷо тафаккур аз тахайюл аланга мезанад, лаззат аз завқ тавлид мешавад” [16, с. 23]. Вай итминони комил дорад, ки “суханвари бофасоҳат дар маъбади боҳашамат зиндагӣ мекунад” [16, с. 23]. Ин гуфтаҳо аз он шаҳодат медиҳанд, ки суханварӣ – забони шоирӣ аст ва як маҳорати пурасрор ва азими қобилият ва ҳунар буда, дар ҷараёни тарҷума нишон додани ин маҳорат кори басо душвор аст.

Қобили зикр аст, ки дар забони тоҷикӣ таърифи “воситаи тасвири бадеӣ” ҳамчун муодили тарҷумаи мафҳумҳои мураккаби қолабҳои русӣ ба мисли “изобразительно-выразительные средства” ё “средства изображения” ва “средства выражения” сохта шудааст, ки чи дар адабиёти бадеӣ ва чи дар нутқи гуфтугӯӣ ба таври васеъ истифода мешавад. Мафҳуми “санъати бадеӣ” низ зери таъсири мафҳуми русии “художественное средство или искусство” (воситаи бадеӣ ё санъати бадеӣ) қарор гирифта, вазифаи нави маърифатӣ пайдо кардааст, ки дар маънои мафҳумҳои эмотсионалӣ-экспрессивии калимаҳои таркиби ҷумла омӯхта шуда, дар доираи “илми бадеӣ” (риторика), яъне ҳамчун омӯзиши усулҳои бадеӣ дар назму наср тадрис карда мешавад. Аз ин ҷо бармеояд, ки ифодаҳои “воситаҳои тасвири бадеӣ” ва “санъатҳои бадеӣ” якдигарро пурра иваз карда метавонанд, яъне доираи корбурди онҳо як хел мебошад.

Оғози омӯзиши ҷиддии масъалаҳои забонии санъатҳои бадеӣ аз ҷониби олимони шуравӣ маншаъ гирифтааст, ки дар диссертатсия ба таври муфассал баррасӣ гардидаанд.

Ҳамин тавр, воситаҳои тасвири бадеӣ дар ороиши забонии матни бадеӣ нақши муҳим доранд ва бинобар зарурат ва тарзи корбурди онҳо дар таҳқиқоти илмии муҳаққиқони ватаниву хориҷӣ ба таври васеъ ва муфассал баррасӣ гардидаанд, ки дар ин фасли кор таҳқиқ намудем.

Дар фасли дуюм таҳти унвони **“Марзгузори мафҳумҳои луғавӣ ва истилоҳии воситаҳои тасвири бадеӣ дар заминаи фарҳангҳо”** мафҳумҳои луғавӣ ва истилоҳии воситаҳои тасвири бадеӣ дар асоси фарҳангҳои тафсирию дузабона таҳлил гардида, истилоҳоти мувофиқ барои ифода намудани воситаҳои тасвири бадеӣ пешниҳод гардидаанд. Ҳангоми баррасии таърифи онҳо дар луғатҳо ва китобҳои илмӣ чанд маъноро дучор шудан мумкин аст ва ҳар як муҳаққиқ онҳоро ба таври худ таъриф мекунад. Ба ақидаи бархе адабпешагони дунёи илм “санъатҳои бадеӣ ба ду гурӯҳи калон ҷудо мешаванд *санъатҳои маънавӣ*, ки бар пояи маъноӣ калима, ибора ва ҷумла эҷод мешаванд; *санъатҳои лафзӣ*, ки ба сохтори калима, ибора ва ҷумла асос ёфтаанд” [1, с. 13; 18, с. 6]. Андешаи А. Ҳусайниро Т. Зеҳнӣ ҷонибдорӣ намуда, дар асоси гуфтор ва ифодаи маъноӣ, ӯ гурӯҳҳои зиёди маҷозҳоро муайян мекунад ва шарҳу тавзеҳ медиҳад: ташбеҳ, истиора, муболиға, киноя ва ғайраҳо [7, с. 61], вале, аслан, дар китоб муаллиф ин таснифотро муҳим наметонад: “Санъатро ба ду гурӯҳ ҷудо кардан қатъӣ ва собит нест. Баъзе аз муаллифон санъатеро лафзӣ шумурда бошанд, баъзе аз онҳо он санъатро маънавӣ ҳисоб кардаанд. Инчунин, як қисм аз муаллифон санъатеро ҳам ба гурӯҳи маънавӣ, ҳам ба гурӯҳи лафзӣ мансуб доштаанд. Мо дар ин асари худ санъатҳое, ки бисёртар аз калимабозӣ, ҳарфбозии маҳз иборатанд, ба гурӯҳи лафзӣ мансуб дошта, боқимондари ба гурӯҳи маънавӣ дохил кардем, ки дар даруни онҳо санъатҳои духӯра низ ҳастанд” [7, с. 61]. Аз ин рӯ, дар асари мазкур онҳоро аз рӯйи имло ва суҳанпардозӣ ба лафзӣ ва маъноӣ ҷудо кардааст ва тамоми санъатҳоро ба ин ду гурӯҳ шомил намудааст.

Фикри Т. Зехнӣ қобили қабул аст, зеро тамоми санъатҳои бадеӣ ба ҳамдигар таъсир мерасонанд ва ҳарчанд санъатҳои лафзӣ ба латофату назокати калима ва санъатҳои маънавӣ ба сифати маъно муайян карда мешаванд, аммо маъно зери таъсири санъатҳои лафзӣ дилработару дилкаштар мешавад. Аз ин рӯ, шакли калима ва ё ҳар гуна ифода агар маънои хуб дошта бошад, бояд то андозае ба зебӣ ва муассирӣ ноил шавад. Аз ин ҷост, ки “санъатҳои маънавӣ дар асоси ба назар гирифтани маънои калима, ибора ва ҷумлаҳо сохта мешаванд. Аммо санъатҳои лафзӣ ба шакли калимаву ибораҳо асос ёфтаанд. Аз ин рӯ, мегӯянд, ки мундариҷа шакро таъин мекунад ва дар навбати худ шакл низ ба мундариҷа таъсир накарда намонад” [7, с. 62].

Ҳамин тариқ, дар тахайюли бадеӣ тахайюли образнок ва дар тафаккури эҷодӣ тафаккури образнокро мушоҳида кардан мумкин аст. Ин суханон гувоҳӣ медиҳанд, ки санъати бадеӣ ифодаи афкори нависанда буда, ба воситаи он офаранда тахайюлотии рангини худро рӯйи қоғаз таҷассум мекунад.

Дар мавриди эҷоди мавқеи ҳунар ва адабиёт ва, умуман, назмшиносӣ, ки бо усули шинохту асли тафаккур ва тахайюл муайян карда мешавад, гуфтан лозим аст, ки на танҳо забони шоирона, балки ҳунари бадеӣ дар қиёс бо адабиёти хориҷӣ то ҳол дар луғатҳои русӣ-тоҷикӣ, тоҷикӣ-русӣ ва дигар маъхазҳои илмӣ, яъне вижагиҳои хоси санъатҳои бадеӣ дар осори адибони хориҷиву ватанӣ мавриди баррасӣ қарор гирифта шуда бошанд ҳам, дарки маънии онҳо ва ниҳоят тарҷумаи онҳо аз як забон ба забони дигар яке аз масъалаҳои баҳсталабро ба вучуд меорад. Қонуниятҳои корбурди он санъатҳо “ба ҳар шакл” истифода шудаанд. Асоси матнҳои бадеиро образ ташкил медиҳад ва аз ҳамин нуқтаи назар, дар ҳамаи забонҳо роҳу воситаҳои мухталифи интиқоли образҳои бадеӣ мавҷуд аст. Чи тавре ки қайд намудем, образҳои бадеӣ дар ифодаи қиёс, истиора, киноя, тазод, тамсил ва амсоли инҳо мавриди истифода қарор дода мешаванд. Масалан, ба ақидаи муҳаққиқ Т.С. Ғаффорова “Мушаххасоти чунин навъи воситаҳои забонии тасвири бадеӣ арзиш ва ҷаззобияти осорро баланд менамоянд. Ин гуна воситаҳои забонии тасвири бадеӣ дар забоншиносии муосир бо ному

истилоҳоти мухталиф ифода меёбанд ва онҳо чун маҷозҳо, тропҳо, перифразҳо ва ҳамчунин, эвфемизмҳо унвон гирифтаанд” [5, с. 14-17], вале дар дигар сарчашмаҳои илмӣ чӣ тавре қайд намудем, мафҳуми “маҷоз” ин худ муодили русии “троп” аст. Дар қори таҳқиқоти муҳаққиқ санъатҳои бадеӣ дар шакли метафора, гипербола, эпитет, катахреза, антитеза, ирония [5, с. 14-17] ва амсоли инҳо қорбурд шудааст, аммо мафҳумҳои мазкур дар шакли забони тоҷикӣ муодилҳои хоси худро доранд, ки истифодаи онҳо дар шакли сирф тоҷикӣ дар забон беназир арзёбӣ мегардад.

Таҳлили мафҳумҳо нишон медиҳанд, ки маънои навҳои маҷоз дар гунаҳои гуногун дода шуда, ҳангоми тарҷумай ҷумла ба як қатор таҳрифҳо дар мазмуни онҳо мушоҳида мешавад. Аз ин бармеояд, ки тамоми меъёрҳо ва маънои онҳо дар се забон ҷунинанд ва мо ин навъи тарҷумай воситаҳои тасвири бадеиро на ҳамчун силсилаи муродифӣ, балки алоҳида пешниҳод менамоем. Гарчанде як калима ё ибораҳо дар забонҳои муқоисашаванда метавонанд дар шаклҳои гуногуни воситаҳои тасвири бадеӣ истифода шаванд, вале дар ин ҳолат, онҳо метавонанд вазифаҳои худро иҷро кунанд:

Троп м. лит. маҷоз – trop;

Метафора *ж лит.* истиора – metaphor;

Аллегория *ж лит.* рамз, киноя – allegory;

Метонимия *ж лит.* лутф/метонимия –metonymy;

Эпитет *м лит.* ташбеҳ – epithet;

Сравнение муқоиса, қиёс – simile;

Синекдоха *ж лит.* маҷози мурсал (ба ҷойи кулл ҷузъ ва ба ҷойи том ҳисса)
– synecdoche;

Притча *ж книжн.* тамсил – parable;

Ирония *ж* истехзо – irony;

Перифраз *ж лит.* перифраза ё ифодаи эзоҳӣ – periphrasis;

Олицетворение *лит.* ташхис – personification;

Гипербола *ж лит.* муболиға – hyperbole;

Литота ж. лит. тасғир – litote.

Ҳамин тавр, санъатҳои бадеӣ, яъне маҷозҳо чун ҷавҳари асосии мазмуни воситаҳои забонӣ истифода мешаванд ва дар сурати қорбарии нодуруст дар нусхаи тарҷума ғалатҳои пайдо мешаванд, ки мутаносибан маънои матни аслро дода наметавонанд.

Боби дуум таҳти унвони **“Ҷанбаҳои назариявии таҳқиқи воситаҳои тасвири бадеӣ дар тарҷумашиноӣ”** аз 3 фасл иборат аст.

Дар фасли якуми боби дуум таҳти унвони **“Ҷойгоҳи воситаҳои тасвири бадеӣ дар тарҷумашиноӣ”** ҷойи воситаҳои тасвири бадеӣ дар тарҷумашиноӣ муқаррар гардидааст.

Дар маркази назарияи тарҷума масъалаи таносуби бадеӣ ва эстетикӣ матни асл ва матни тарҷума, инъикоси пурраи услуби муаллиф, тавзеҳи эҷодӣ ва услуби шахсии мутарҷим меистад. Ғайр аз ин, робитаи тарҷума бо ақидаҳои эстетикӣ ҳамон давра аҳаммият дорад, зеро тарҷума инъикосгари рушду такомули ҷараёни адабӣ маҳсуб меёбад.

Бе тавачҷуҳ ба воситаҳои забонӣ, ки мутарҷим барои тарҷумайи мукамал истифода мебарад, дар бораи муодили эстетикӣ ва таъсири ягонаи бадеӣ ҳарф задан ғайриимкон аст, зеро маъно ва мазмун худ аз худ вучуд дошта наметавонанд.

Назарияи забоншиносии тарҷума “тавсифи илмии раванди тарҷумаро ҳамчун табодули байнизабонӣ” [3, с. 6] баррасӣ менамояд. Ин нуқтаи назарро В. Фёдоров чунин шарҳ медиҳад, ки “назарияи забоншиносии тарҷума ба матни асл, матни тарҷума ва ҳуди ҷараёни тағйироти қулии матни асл ба матни тарҷума сару қор дорад. Илова бар ин, барои эҷоди тарҷумайи мукамал тарҷумон бояд хусусияти хабари аслии муаллиф, дониш ва таҷрибаи ӯ, инчунин, хусусиятҳои дарки шахсонро, ки тарҷума барои онҳо пешбинӣ шудааст, ва тамоми ҷанбаҳои дигари муоширати байнизабонии ба раванд ва натиҷаи тарҷума таъсиррасонандаро ба инобат гирад” [17, с. 9].

Қайд кардан бамаврид аст, ки дар китоб шарҳи илмӣ, тасниф ва дараҷаҳои санъатҳои бадеӣ усулҳои интиқоли онҳо оварда шудааст, ки ба ақидаи муаллиф онҳо воситаҳои коркарди иттилоотӣ, эҳсосӣ ва эстетикӣ дар асари бадеӣ мебошанд.

Ҳамин тавр, таҳлили сохтор ва маъноии санъатҳои бадеӣ, инъикоси категорияҳои эстетикӣ ва интиқоли тобишҳои муассири бадеӣ ба ҷаҳонбинии мутарҷим вобаста аст, зеро тобишҳои нозуки маъноии калом ва таъсири эстетикӣ онҳо дар асари бадеӣ маҳз бо мавҷудияти услуб муайян карда мешаванд. Санъатҳои бадеӣ ва хосиятҳои гуногуни услубии асарҳои бадеӣ ба эҳсоси эстетикӣ хонанда таъсири мусбат ё манфӣ расонда метавонанд. Аз ин рӯ, риояи услуб дар низоми асарҳои бадеӣ муҳимтарин ҷанба ба ҳисоб меравад.

Таҳлилу баррасии сарчашмаҳои илмии тарҷумашиносӣ собит менамоянд, ки воҳидҳои тасвири бадеӣ дар тарҷума мавқеи хос доранд ва ҷанбаҳои гуногуни масъалаҳои марбут ба онҳо дар қорҳои илмӣ-таҳқиқотии олимони барҷастаи соҳа ба таври фарогир таҷассум ёфтаанд, ки заминаи назариявии боэътимоди таҳқиқи забоншиносии матнҳои бадеиро фароҳам меоранд.

Дар фасли дуюми боби дуюм таҳти унвони **“Роҷеъ ба роҳҳои тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар тарҷумашиносӣ”** роҳу усулҳои тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар асоси фикру ақидаи тарҷумашиносон нишон дода шуда, аз 3 фасл иборат аст.

Асоси матнҳои бадеиро образ ташкил медиҳад ва аз ин нуқтаи назар дар ҳама забонҳо роҳҳои гуногуни баён ва воситаҳои интиқоли тасвирҳои бадеӣ мавҷуданд. Тавре зикр кардем, образҳои бадеӣ барои ифодаи санъатҳои бадеӣ истифода мешаванд. Аз ин рӯ, “зарурати таҳқиқи ҷанбаҳои бадеӣ-эстетикӣ осори адабии форсу тоҷик дар он зоҳир мегардад, ки омӯзиши масъалаҳои бадеият ва зебошинохтии осори бадеии намояндагони адабиёт дар давраҳои мухталиф барои таҳқиқ ва таъйини сабабҳо ва омилҳои тағйири сабқҳо ва ҷараёнҳои адабӣ имкон фароҳам оварда метавонад, зеро тағйири сабқҳо ва ҷараёнҳои адабӣ на танҳо дар ғоя ва мавзӯи осори адабӣ, балки дар таҳаввулоти бадеӣ ва эстетикӣ онҳо низ инъикоси худро пайдо менамоянд” [13, с. 3].

Тақрибан, ҳамаи тарчумашиносон дар мавриди интиқоли санъатҳои бадеӣ нуқтаи назари мухталиф пешниҳод кардаанд, зеро онҳо дар забони асл ибораҳои асосӣ маҳсуб мешаванд ва усулҳои махсуси интиқол доранд. Дар интиқоли санъатҳои бадеӣ нақши муҳимро В.Н. Комиссаров бозидааст. Ба андешаи ӯ, “дастовардҳои забоншиносии муосир дар соҳаи тавсифи он ҷузъҳои иловагии нақшаи мундариҷаи аломатҳои забонӣ, ки, одатан, коннотатсияи он номида мешаванд, барои назарияи тарҷума аҳаммияти муҳим доранд. Дар тарҷума интиқоли ҷанбаҳои эҳсосӣ, услубӣ, образии маъно метавонанд мисли интиқоли мундариҷаи субъектӣ-мантӣ нақши муҳим бозанд” [9, с. 36].

Аз андешаи ӯ метавон ба хулосае омад, ки чунин тарҷума дар низоми воситаҳои баён шакли адабию эстетикиро таъмин намекунад, зеро ҳар як калима дар ин гуна ибораҳо дорои мазмуну мундариҷаи хос мебошанд, ки ҳангоми тарҷума нақши муҳимро мебозанд. Аммо набояд фаромӯш кард, ки ҳар як вожа ва ё ибора дар ЗА муодили махсус ва муродиф дорад, ки калима ё ибораро дар ЗТ иваз кунад. Вазифаи тарҷумон аз он иборат аст, ки маънои мувофиқи иттилооти интиқолшавандаро дар асоси фарҳанги забони асл таъмин карда тавонад.

Хулоса, ҳамаи санъатҳои бадеӣ барои интиҳоби муодил ва мутобиқати пурра ба тағйиротҳо рӯ ба рӯ мегарданд. Ҳангоми тарҷумаи воситаи тасвири бадеӣ мушкилиҳои луғавию дастурӣ пайдо мешаванд, ки бо ёрии таҳвилоти луғавию дастурӣ бартараф карда мешаванд.

Дар фасли сеюми боби дуюм таҳти унвони **“Мулоҳизаҳо дар бобати назария ва амалияи тарҷумаи бадеӣ дар даврони муосир”** масоили назарияи ва амалияи тарҷумаи бадеӣ баррасӣ гардида, вижагиҳои хоси он муайн гардидаанд.

Дар ҷаҳони муосир масъалаи тарҷума ва фаъолияти тарҷумонӣ аҳаммияти хосса касб намуда, яке аз роҳҳои пайвандгари қавму миллатҳои гуногунзабон маҳсуб мешавад, ки дар ғанӣ гардонидани равобити адабӣ барои таҷрибаи нависандагӣ ва эҷодкорӣ нақши мондагор дорад. Муносибати фарҳанг ва

тамаддун, ки дар он омӯзиши адабиёт ва дастовардҳои бузурги адабӣ нақши бориз доранд, метавон раванде арзёбӣ кард, ки фарҳанг ва тамаддуни як миллат тавассути он ба шукуфоии назаррас ноил мегардад ва ба ин маънӣ татбиқи ин амал сабабҳои муфид медиҳад.

Қобили қайд аст, ки дар инкишоф ва таҳаввули равобити адабии форс-тоҷик бо дигар мамолики олам ва бархӯрди тамаддунҳо нақши як иdda муҳаққиқон-тарҷумонон ҳирфаии ватанӣ, аз қабиле Сотим Улуғзода, Иммануил Муллоқандов, Ҳабиб Аҳрорӣ, Анора Остонова, Ҳақим Карим, Шариф Шараф, Лоик Шералӣ, Салими Зарафшонфар ва дигаронро бориз арзёбӣ кардан мумкин аст, ки хидмати онҳо дар тарҷумаи бадеии тоҷик назаррас буда, дар тарҷумаи тоҷик саҳми беназир ва мондагор гузоштаанд.

Аслан, тарҷумаи осори адабӣ на танҳо дар шинохти адибони як халқ ба халқи дигар, балки пайвандгари халқу миллат ва фарҳангу тамаддун буда, василаи инкишофи адабиёти бадеӣ маҳсуб меёбад ва гуфтугӯи фарҳангҳо ва донишмандони дастовардҳои бузурги адабӣ маҳз тавассути тарҷумаи бадеӣ ба вуҷуд омада, баҳри шукуфоии фарҳангу тамаддуни миллат заминаҳои муҳим фароҳам меорад.

Дар ин ҷо метавонем теъдоди зиёди осори адабиёти тоҷику форсиро ба забонҳои ҷаҳонӣ мисол орем. Инро саҳми амалии тамаддуни форс-тоҷик дар фарҳангу тамаддуни ҷаҳонӣ номгузорӣ кардан мумкин аст.

Ба шарофати тарҷума ганҷинаҳои адабиёти форсу тоҷик ба адабиёти ҷаҳонӣ табдил ёфта, ба як мактаби нерӯманди илмӣ табдил ёфтааст. Дар натиҷаи таҳқиқот ва пажӯҳишҳои илмии муҳаққиқони барҷастаи тоҷик ин мактаб дар тӯли садсолаҳо инкишоф ёфта, ба як ҷанбаи амалии касби тарҷумаи бадеӣ мубаддал гашт. “Адибону донишмандон ҳамеша аз осори адабиву бадеӣ ва илмии мардумони дигар маводди зиёдеро тарҷума кардаанд, ки ҳар кадоми аз онҳо ба мавзӯ ва муҳтаво, шаклу сохтори адабиёт ва диду ҷаҳонбинии эҷодкорону олимони бетаъсир набуданд. Аҳди шуравиро дар таърихи тарҷумаи осори бадеӣ метавон марҳалаи махсусе унвон кард. Маҳз дар ҳамин давра

наҳзати тарҷума дар адабиёти тоҷик ба як маҷрои мустақил табдил меёбад ва осори адибону шоирони қавму миллатҳои гуногун ба забони тоҷикӣ тарҷума мешаванд, ки таъсири онҳоро ба адабиёти муосири тоҷик метавон ба хубӣ мушоҳида кард” [4, с. 4].

Қабл аз муайян кардани таъсири илмию адабӣ ба тарҷума бояд сарчашмаҳоеро пайдо кунем, ки боиси ин ҳодисаи илмию адабӣ гардида, дар рушди тарҷума ва тарҷумон саҳм гузоштаанд. Дар масъалаи робитаҳои адабӣ мактабҳои тарҷума аҳаммияти бориз доранд.

Дар замонҳои қадим ҳам аз давраи классицизм ва ҳам афкори тарҷумонӣ дар давраи романтизм сар карда, ба мутарҷим ҳамчун муаллиф муносибат мекарданд, ки қобили қабул доништа мешавад. Масалан, ба тарҷумаи асари “The Gadfly” – “Гурмагас”), ки муаллифи он Э.Л. Войнич аст, мардум чун асари С. Улуғзода, ки тарҷумон аст, мурочиат мекарданд ва дар тафаккури халқ ин асари “тоҷикӣ” маҳсуб меёбад.

Бояд гуфт, ки адибони мо дар соҳаи тарҷума аз матни асл аллакай гомҳои аввалин ва устувор гузошта истодаанд. Китобҳои “Дар пайраҳаи тақдир”-и Абдулҳамид Самад бо номи “Зигзаги судъбы” ба забони русии Ҷ.Ҷ. Мурувватиён, “Lost Enlightenment” (Маърифати гумшуда), “Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик ва Исёни Муқаннаъ” (The Executioners of Bukhara), “Марги судхӯр” (The death of the Usurer) ба забони англисӣ аз ҷониби А. Мамадназаров аз забони тоҷикӣ тарҷума шуда, асарҳои “тозатарҷума” маҳсуб меёбанд.

Асари дигари забони асл “The Old Man and the Sea”-и Э. Ҳемингвей бо номи “Пирамард ва баҳр” аз ҷониби М. Азизмуродов ба забони тоҷикӣ тарҷума шудааст.

Асарҳои мазкур ба равобити адабии тоҷику англис ва инкишофи адабиёти бадеии халқи тоҷик таъсири амиқ мерасонанд.

Ҳамин тавр, таҳлили маъхазҳо нишон доданд, ки тарҷумаи бадеӣ муҳимтарин манбаи латофату нафосат буда, офариниши бадеии рангоранг ва тозаро тақозо мекунад. Вай омили расидан ба сатҳи нави маърифати миллату

тамаддунҳо буда, дар равобити адабии тамоми мамлакати ҷаҳон нақши беназир дорад.

Аз ин рӯ, адабиёти бадеии ҳазорсолаи халқи тоҷик дар баҳри бепоёну беканори назму насри башарӣ чун гавҳари дурахшон, барои рушди равобити адабии миллату халқиятҳо дар ифодаи қувваи бузурги илми тоҷик замина гузошта, ба мақому манзалати бонуфуз ноил гардид, ки ҳамчун гавҳари ноёб абадӣ маҳфуз мемонад.

Боби сеюми диссертатсия таҳти унвони **“Хусусиятҳои луғавӣ-маъноӣ, сохторӣ ва услубии санъатҳои бадеӣ ва роҳҳои ифодаи онҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ”** аз 7 фасл ва 2 зерфасл иборат аст.

Дар фасли якуми боби сеюм таҳти унвони **“Истиора ва роҳҳои ифодаи он дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ”** истиора ва роҳҳои ифодаи он дар забонҳои мавриди назар баррасӣ гардидааст.

Яке аз воситаҳои асосӣ, мураккаб ва маъмултарини воситаҳои луғавии тасвири бадеӣ истиора мебошад. “Истиора як навъи маҷоз аст, яъне он гузариши хусусиятҳои як ашё (падида ё ҷанбаи ҳастӣ) ба ашёи дигар дар асоси шабоҳати онҳо дар таносуби микдорӣ ё таъод мебошад. Бар хилофи қиёс дар он ҳар ду қисми муқоиса ҳузур надоранд” [29, с. 128; 31, с. 290; 15, с. 133], яъне дар истиора ташбеҳшаванда зикр намеёбад. Қобили қайд аст, ки истиора дар забон барои назокату фасоҳати баён ва ҷуброни маъноӣ истифода бурда мешавад ва ба забони бадеӣ ҳусну таровати хосса мебахшад. Ин аст, ки адабпешагони дунёи илм онро ҷузъи ҷудонашавандаи асари бадеӣ мешуморанд: “Истиора дар ифодаи худ доираи устувор дорад ва бисёр чизҳо ба ин монанданд. Норасоии мантиқ дар забони одӣ бо истифода аз истиораҳо ҷуброн карда мешавад. Моҳияти мантиқӣ ва истиоравии матн ду зухуроте мебошанд, ки ҳамдигарро пурра менамоянд” [2, с. 5].

Дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ истиора дар осори шоирону нависандагон ба таври васеъ истифода шудааст:

Худам ду сол зӯр задам, се сол дар мактаб мондам, ғайр аз *кӯрсаводӣ* дигар чизеро ҳосил накард, хунарро бошад, ҳеч ба гардан намегирад. Акнун ин на одам мешавад ва на мулло, рафта-рафта *хар* мешавад [21, с. 45].

Дар ин ҷумла ибораҳои *“кӯрсавод”* ва *“хар”* истиора мебошанд.

Ин истиораҳо дар забони гуфтугӯи тоҷикӣ хеле маъмуланд, зеро, одатан, ба ҷойи *“шахси камсаводу бехунар”* вожаи *“бесавод”* ё *“кӯрсавод”* ва бар ивази *“шахси якрав”* – *“хар”* истифода мешавад.

Айнан ҳамин чизро дар забони англисӣ низ мушоҳида кардан мумкин аст: *“My lily-flower, you are right now as always”* [27, p. 187].

Дар ин ҷумла мафҳуми *“зул”* ба сифати истиора омада, киноя аз шахси зебо ва маҳбуб мебошад. Яъне ин ибораро метавон ҳамчун *“зули савсани сафед”* тарҷума кард. Ин ибора дар забони англисӣ низ ҳамчун *“lily-like”* истифода мешавад, ки дар забони тоҷикӣ бо *“савсан, нилуфар”* мутобиқ мебошад.

Хулоса, истифодаи истиора, хусусан, истиораҳои забонӣ ва бадеӣ барои татбиқи принципи ифоданокӣ, эстетикӣ, муоширатӣ, ҷаззобӣ ва латофату фасоҳати баён муҳим арзёбӣ мегарданд. Бо истифода аз онҳо муаллиф кӯшиш мекунад, ки диққати хонандаро ба мазмуни матн ҷалб намояд.

Дар фасли дуюм таҳти унвони **“Роҳҳои ифодаи ташбеҳ дар забонҳои мавриди назар”** ташбеҳ ва роҳҳои ифодаи он нишон дода шудааст.

Яке аз воситаҳои пуртаъсири баёни муносибати эмотсионалии нависанда ва ё нотик ташбеҳ ба ҳисоб меравад. Ташбеҳ санъати бадеӣ ҳисобида мешавад. Бархе аз муҳаққиқони ин соҳа муътақиданд, ки он метавонад фазои баҳодихии воқеиро ба вучуд биёрад, аммо дар асл ташбеҳ муносибати шахсии нависандаро ифода намуда, муносибати ўро ба воқеият то ин ё он дараҷа нишон медиҳад, яъне *“ибора аст аз монанд кардани чизе ба чизе дар васфе”* [1, с. 149].

Ташбеҳ маҷозест, ки маъноӣ эмотсионалӣ ва мантиқиро дар як калима, ибора ё ҳатто як ҷумла муттаҳид месозад ва барои тавсифи ашё, мурочиат ба хонанда истифода шуда, аксар вақт хусусият ё аломатҳои муайянро ба ашё бо мақсади дарки шахсӣ ва баҳодихии онҳо нисбат медиҳад:

Ман *монанди гунчишки риштабарное*, ки ногаҳонӣ банди вай кушода шуда бошад, *ба парвоз омадам ва хотирҷамъона аз шунидани таънаи “бесабрӣ” дар як сония ба ӯ расида гирифтам* [21, с. 243].

Дар ин ҷумлаҳо муаллиф қаҳрамони асарро ба “гунчишки риштабарпо” муқоиса кардааст, ки дарҳол ба парвоз омадааст ва ба “гурба”, ки чашмасро аз суроҳии мушхона намеканд.

“But he shares Mary’s *apathetic and listless look*: he seems to have more length of limb than vivacity of blood or vigour of brain” [27, p. 183].

Дар мисолҳои ҷавуззикр ташбеҳҳо дорои хислатҳои равоӣ ва ахлоқӣ мебошанд.

Ҳамин тавр, дар забонҳои муқоисашаванда доираи истифодаи ташбеҳ маҳдуд нест. Ибора ва ҷумлаҳои, ки ташбеҳ мешаванд, мустақилияти худро аз даст дода, хусусияти нав касб мекунанд, ки дар доираи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ он дар сохтор ва маъно зухур меёбад.

Аз ин ҷо метавон гуфт, ки аз ҷиҳати сохт ва мазмун навҳои гуногуни ташбеҳҳо мавҷуданд, ки сарфи назар аз шаклашон мақсади истифодаи онҳо дар доираи ду забон як хел аст. Онҳо барои ифодаи сухани образнок ва фасеҳ корбурд мешаванд.

Дар фасли сеюми боби сеюм “**Санъати киноя ва роҳу воситаи ифодаи он дар тарҷумаи асарҳои бадеӣ**” санъати киноя ва роҳҳои ифодаи он дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ мавриди таҳлил қарор гирифтааст.

Санъатҳои бадеӣ дар нутқ ҷойгоҳи хоса касб карда, ҷиҳатҳои адабӣ, услубӣ ва забонии онҳо мавриди таҳқиқи муҳаққиқони соҳа қарор гирифтаанд ва ба таври ошкору пӯшида истифода бурда мешаванд, ки ба онҳо истиора, ташбеҳ, тазод, маҷоз, тамсил, киноя ва амсоли инҳо дохил мешаванд. Киноя гуфта, калимаю ибораҳои меноманд, ки дар худ мафҳуми пӯшидаро таҷассум карда, ҳамчун санъати бадеӣ ё ифодаи адабӣ мавриди истифода қарор дода мешавад:

–“Аз мулло муқаррарӣ шуданаш, *хар шуданаш беҳтар аст*, – гуфт падарам дар ҷавоб” [21, с. 45].

Дар фарҳанги забони тоҷикӣ мафҳуми калима “хар” чун “1. чорпои боркаш, химор; 2. маҷ. аҳмак, аблах” [34, с. 462] истифода шудааст, шакли дуҷум ба ҷумлаи фавқ мувофиқ аст, яъне дар ҷумлаи матни асл “хар” ба ҷойи одами *беадаб* (аблах, аҳмак) ифода шуда, киноя аз шахсе аст, ки аз *одобу рафтори инсонӣ* дур аст. Дар фарҳанги ибораҳои рехта воҳиди мазкур дар чунин шакл корбурд шудааст: “Ба хар муносиб хангос, ба хурӯс муносиб овоз”, яъне хар кас мувофиқи ҳиммат ва қобилияташ кор мекунад, рафтор мекунад” [37, с. 254].

“The old man opened his eyes and for a moment *he was coming back from a long way away*” [24, p. 20].

Дар қисмати дуҷуми ҷумлаи *кинояи мураккабро* воҳурдан мумкин аст, зеро дар алоҳидагӣ “*he was coming back from a long way away*” ба маънои ҷумлаи асли бештар шабоҳат дорад. Аз ин рӯ, гарчанде ба мазмуни сода ҳам корбарӣ шавад, барои дарки мазмун он мушкилӣ пеш меояд.

Ҳамин тавр, моҳияти киноя дар он ифода мегардад, ки муҳтавои баъзе аз баёни фикр ба тафаккури хонанда вобастагии комил дорад.

Фасли чорум “**Ташаккул ва таҳаввули санъати тамсил дар осори бадеии тоҷикиву англисӣ**” унвон гирифта, дар он ташаккул ва таҳаввули санъати тамсил дар осори бадеии тоҷикиву англисӣ нишон дода шудааст.

Таҳқиқ ва истифодаи воситаҳои тасвири бадеӣ, аз қабилӣ санъати тамсил ва ташаккули он дар адабиёти тарҷумашуда бамаврид буда, дар адабиёти ҷаҳонӣ метавон онро яке аз намунаи барҷастаи офариниши асарҳои тамсилии муҳталиф ҳисобид. Ба ақидаи олими тоҷик Х. Шарифов “Тамсил- мафҳумҳои бунбасти бадеӣ буда, бо ёрии истифодаи фаҳмишҳои дин, ишқ, муҳаббат, қон, адолат, фитнаангезӣ, шӯҳрат, қанг, сулҳ, баҳор, тобистон, тирамоҳ, зимистон, марг ва ғайра ифода мешавад” [18, с. 30]. Муҳаққиқи дигар Г.С. Нозимова тамсилро яке аз санъатҳои номидааст, ки бо ҷанбаи бадеӣ-эстетикӣ адабиёт иртибот дорад ва дар тамоми марҳалаҳои таърихи ташаккул ва таҳаввули адабиёти форсу тоҷик яке аз роҷтаҳои санъатҳои бадеӣ буда, ханӯз дар адабиёти қабл аз исломии Эрон зухур намудааст [13, с. 3].

–“Инҳо гургзода буданд, гург шуданд, чунки *“оқибат гургзода гург шавад”* гуфтаанд” [21, с. 15].

Дар чумлаи мазкур дар қисмати аввали чумла калимаҳои *“гургзода”* ва *“гург”* истиора буда, киноя аз шахси кордида будани одамро ифода мекунад, вале дар қисмати дуюми чумла, мурод аз *“оқибат гургзода гург шавад”* гуфтани нависанда масал овардан аст.

“Most true is it that *‘beauty is in the eye of the gazer’*” [27, p. 183-184].

Беҳуда дар урфият нагуфтаанд: *“Хушрӯ хушмехр нест, хушмехр хушрӯст”* [22, с. 170-171].

Чумлаҳои матни асл аз санъати бадеӣ ороста шудааст ва дар он масали *‘beauty is in the eye of the gazer’*-ро мушоҳида кардан мумкин аст, ки дар матни тарҷумавӣ инъикоси худро дар шакли *“Хушрӯ хушмехр нест, хушмехр хушрӯст”* ёфтааст.

Барои дуруст ва мукамал дарк намудани масали мазкур дар асл ба мазмуни матн бояд дуруст сарфаҳм рафт, ки масал дар кадом вазъият ва ҳолат истифода гардидааст. Хусусияти таъкидии баён дар масали мазкур мушоҳида карда намешавад, зеро он ба як масали рӯзмаррае табдил ёфтааст, ки хусусияти маҷозиаши кам ба назар мерасад. Масали мазкур гарчанде дар забони тоҷикӣ чун *“Хушрӯ хушмехр нест, хушмехр хушрӯст”* тарҷума шуда бошад ҳам, мазмун ва муҳтавои масали матни асло дода наметавонад ва дар забони тоҷикӣ муодили он *“Лайлиро ба чаши Мачнун дид”* мавриди истифода қарор мегирад. Дар шакли мазкур тарҷума шудани он чун масал, яъне дар шакли тамсил ифода ёфтани қобили қабул аст. Ифода шудани он дар шакли *“Хушрӯ хушмехр нест, хушмехр хушрӯст”* ба хонандаи асар фаҳмо нест, зеро дар забони тоҷикӣ муодили мазкур корбурд намешавад ва *“Лайлиро ба чаши Мачнун дид”* аллакай дар фаҳмиши хонанда маънои масалро пайдо карда метавонад.

Таҳлилҳо нишон доданд, ки санъати тамсил барои офаридани асарҳои оламшумул ва ҷолиб нақши бориз дорад, ки таҳқиқи ҳамаи паҳлуҳои он

пажӯҳиши алоҳидаро тақозо менамояд. Аз ин рӯ, баррасии комил ва таҳқиқи ҷиддии паҳлуҳои дигари он аҳаммияти илмию амалӣ доранд.

Дар фасли панҷум таҳти унвони **“Метонимия ва ташаккули он дар забонҳои муқоисашаванда”** метонимия ва роҳҳои ифодаи он таҳлил гардида, он аз ду зерфасл иборат мебошад.

Бар хилофи дигар воситаҳои тасвири бадеӣ, ки ба шабоҳати ашё ё падидаҳо асос ёфтаанд, **метонимия** як навъи маҷоз аст, ки асоси онро наздикии тасаввуроте ташкил медиҳад, ки калимаҳо таҷассум менамоянд.

Айёми баҳорон буд, **зардолуҳо** ба шукуфтан сар карда буданд [21, с. 39].

Дар ҷумлаи забони тоҷикӣ вожаи **“зардолуҳо”** метонимия буда, дар ин ҷо ба маънои **“дарахтони зардолуҳо”** омадааст. Ин навъи ҷумла дар забоншиносӣ ҳамчун ҷумлаи эллиптикӣ ё нопурра маъмул мебошад. Тафовут миёни ҷумлаҳои эллиптикӣ ва метонимия дар он зоҳир меёбад, ки дар ҷумлаи эллиптикӣ маънои калима ё қисми ҷумларо аз ҷумлаи қаблӣ барқарор кардан мумкин аст, аммо дар метонимия маънои зери калима – метонимия ниҳон аст.

Мисоли англисиро баррасӣ менамоем:

‘He means to give *the whole school* a treat at Christmas’ [27, p. 399].

Бояд гуфт, ки дар ин ҷумла воҳидҳои луғавии **“the whole school”** (тамоми мактаббачагон) метонимия мебошад, ки он ифодкунандаи **“хонандагони мактаб”** ифода ёфтааст.

Дар зерфасли аввали фасли панҷуми боби сеюм, ки **“Роҳҳои ифодаи маҷозии мурсал (синекдоха) дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ”** ном дорад, маҷозии мурсал дар забонҳои муқоисашаванда мавриди таҳқиқ қарор гирифта, роҳҳои ифодаи он нишон дода шудааст.

Дар забон дар як зумра вожаву ибораҳо аз маънои асли ва муносибати монандӣ алоқаи ҳосе мушоҳида мешавад, ки онро маҷозии мурсал меноманд. Вижагии маҷозии мурсал дар он зоҳир меёбад, ки он яке аз навъи равшан, зебо ва таъсирбахши метонимия буда, ба ҷойи як калима калимаи возеҳу сарехтари дигар интиҳоб карда мешавад:

Акаам дар даруни меҳмонхона ба дастархонпахнкунӣ ва чойкашӣ маъмур буда, ман дар рӯи суфа ба *самоворчӯшонӣ* машғул шудам. Ман *самоворро* чӯшонда тайёр нигоҳ медоштам, чойи даркориро дам карда медодам ва дигарон он *чойникҳоро* ба меҳмонхона бурда медоданд [21, с. 125].

Аз мисолҳои ғавқ бармеояд, ки вожаҳои *“самовор”* ва *“чойникҳо”* маҷози мурсал мебошанд, зеро он чи дар дохили онҳост, яъне *“об дар самовор”* ва *“чой дар чойник”* баён нагардидаанд.

‘Because I disliked you too fixedly and thoroughly ever to lend *a hand* in lifting you to *prosperity* [27, p. 250].

Дар мисоли ғавқ ду маҷози мурсалро мушоҳида кардан мумкин аст. Ҳарчанд калимаи *“a hand”*, одатан, ба маънои асли ҳамаҷун *“даст”* истифода мешавад, муаллиф онро дар ҷумлаи мазкур ба маънии *“одам”* истифода кардааст. Калимаи *“prosperity”* низ маҷози мурсал мебошад. Ҳарчанд ин вожа маънои *“неурафт”*-ро дошта бошад ҳам, дар ин ҷо бо маҷози мурсали инъикосгари истиора ифода шудааст, ки маънои *“инкишоф ва неурафти инсон”*-ро дорад.

Хулоса, маҷози мурсал навъи метонимия мебошад, ки куллро дар як калима таҷассум карда, мафҳуми онро ифода мекунад ва илова бар ин, ҷузъро бо кулл зикр менамояд. Маҷози мурсал суханро бо илова кардани тобишҳои муассир, зебо ва дилҷасп мегардонад.

Дар зерфасли дуюми фасли панҷум таҳти унвони **“Автономасия ва истифодаи он дар забонҳои муқоисашаванда”** роҳҳои ифодаи автономасия дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ муайян шудааст.

Автономасия як навъи метонимия мебошад, ки дар он ба чойи исмиҳои хос исмиҳои ҷинс ва ё баръакс истифода мешаванд. Дар забони тоҷикӣ корбурди вожаҳои маҷозӣ, яъне номи қаҳрамонони асарҳои бадеӣ ба мисли Мачнун, Лайлӣ, Ширину Фарҳод, Фиръавн, Ҳотами Тай ва дар забони англисӣ Napoleon (Наполеон), Byron (Байрон), Hooligan (Хулиган) ҳамчун санъати бадеӣ –

антономасия ба назар мерасанд. Бояд гуфт, ки номҳои қаҳрамонҳо ва ё олимону нависандагони машҳур ҳамчун антономасия истифода шуда метавонанд:

Дигаре ба сухани ӯ илова кард: “Наузу биллоҳ (ба Худо паноҳ металабем), ин худобеҳабар як кофир шуда намондааст, балки монанди *Фиръавн* ва *Намруд* *Шаддод* даъвои худои ҳам мекунад” [21, с. 173].

Дар ин ҷумла исмҳои хоси *“Фиръавн”, “Намруд”* ва *“Шаддод”* барои тавсифи хислатҳои инсон истифода шудаанд.

With *Bewick* on my knee, I was then happy: happy at least in my way [27, p. 9].

Дар ин ҷо калимаи *“Bewick”* антономасия аст, зеро он ифодагари китоби *“History of British Birds”* (Таърихи паррандагони Бритониё) мебошад, ки муаллифаш Бюик аст. Дар ҷумла худи китоб, на муаллифи он дар назар аст.

Таҳлили ин мисолҳо ва андешаҳои олимон дар бораи антономасия аз он шаҳолат медиҳанд, ки антономасия як навъи метонимия буда, барои тақвияти муассирӣ ва зебогии баён истифода мешавад. Дар баробари маҷози мурсал, антономасия низ як навъи махсуси метонимия ба шумор меравад, зеро дар он маънои муайяне ниҳон аст, ки хонандаро мутаассир мекунад.

Фасли шашуми боби сеюм **“Роҳҳои истифодаи ифодаи эзоҳӣ ҳамчун як навъи маҷоз дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ”** ном дошта, дар он ифодаи эзоҳӣ ҳамчун навъи маҷоз дар забонҳои мавриди назар таҳлил гардидааст.

Барои фасоҳату возеҳии баён ва дар баробари ин тақвият додани хусусиятҳои эҳсосотии он дар забон баъзан калимаҳо ё ибораҳои навро ба ҷойи калимаҳои кӯҳна ва мустақим истифода мебаранд, ки онҳоро ифодаи эзоҳӣ меноманд. Масалан, барои возеҳии сухан муаллиф ба ҷойи калимаи *“мурдан”* *“дунёро надруд гуфтан”* истифода мебарад, ки он ифодаи эзоҳӣ дар воҳиди фразеологӣ таҷассумёфта ба ҳисоб меравад. Дар адабиёти бадеии тоҷикӣ ва англисӣ ин навъи санъати бадеӣ зиёд истифода мешавад. “Дар илми бадеъ дар ҷунин мавридҳо роҷеъ ба ифодаи эзоҳӣ мегӯем: ба ҷойи номгузории бевоситаи ашё, ифодаи эзоҳии шоирона, яъне ифодаи тавсифиро истифода мебарем” [6, с. 226].

Вай иборай латифест, ки барои ифодаи ашё ё падида истифода мешавад. Бар ивази калима ва ё иборай кӯтоҳ иборай дарозтар истифода мешавад. Баъзе ибораҳо дар забон хеле маъмул мебошанд:

Ана ба ҳамин сабаб модари меҳрубонам *орзуҳои худро ба хок бурд* [21, с. 378].

Дар ин ҷумла иборай *“орзуҳои худро ба хок бурдан”* ифодагари *“ба орзу нарасидан”* мебошад, ки маънои маҷозӣ дорад. Онҳо як маъно доранд, аммо ҳамчун ибораҳои фразеологӣ ё дигар ифодаҳои эҳсосотӣ ба хонанда таъсири бештар мерасонанд.

Mr. Reed had been dead nine years: it was in this chamber he breathed *his last*; here he lay in state; hence his coffin was borne by the undertaker`s men; and, since that day, a sense of dreary consecration had guarded it from frequent intrusion [27, p. 14].

Дар ҷумлаи англисӣ иборай *“his last”* ифодаи эзоҳии метонимӣ маҳсуб меёбад, зеро дар ин ҷо ба ҷойи *“his last breath”* (*нафаси воқасин*) муаллиф шакли кӯтоҳи онро *“his last”* (*нафаси охирини ӯ*) истифода бурдааст, ки иборай яқум ифодаи эзоҳии истиораӣ ва дуҷум ифодаи эзоҳии метонимӣ ба ҳисоб меравад.

Хулоса, ифодаи эзоҳӣ дар адабиёти бадеӣ яке аз воситаҳои тасвири бадеӣ буда, баёнро возеҳу дилписанд мегардонад, дар он муаллиф ифодаи муассир ва тавсифии як ашёро дар асоси нишон додани хусусиятҳо, сифатҳо ва дигар аломатҳои он ба қор мебарад.

Дар фасли ҳафтум таҳти унвони **“Муболиға, тасғир ва роҳҳои ифодаи онҳо дар забонҳои мавриди назар”** ду муболиға ва тасғир баррасӣ гардида, воситаи ифодаи онҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ нишон дода шудааст.

Дар офаридани образи бадеӣ бо мақсади равшан ва таъсирбахш ифода қардани фикр нависанда онро зиёд ё кам мекунад, ки онро дар адабиёт муболиға меноманд. Вай (гипербола) аз калимаи юнонии “hyperbole” гирифта шуда, маънояш “барзиёд ифода шудани мафҳумҳо” мебошад. Воситаи образнок ва ифодакунандаи забон, яъне маҷоз, “иборай маҷозӣ, ки муболиғаи ҳаҷм, қувват ё маънои падидаҳо дар бар мегирад” [15, с. 101].

Ин ибора дорои вазифаҳои эстетикӣ мебошад, ки дар адабиёти бадеӣ ва нутқи гуфтугӯӣ барои муассир, зебо ва мазҳакаомез кардани баён истифода мешавад.

Агар ту ҳамин некиро дар ҳақиқи ман кунӣ, *ман офтобро гирифта ба ту медиҳам, ки савор шуда ҳама ҷоро тамошо карда мегардӣ* [21, с. 65].

Дар ин ҷумла ду муболиға, ҳамзамон, истифода шудааст, дар он “*ман офтобро гирифта ба ту медиҳам*” ва “*савор шуда ҳама ҷоро тамошо карда мегардӣ*” муволиғаи образнок мебошанд, зеро муаллиф ҳисси дилбастагии қаҳрамони асарро нисбат ба маъшуқааш муволиға карда, ба ӯ ҳар чизеро, ки меҳост, ваъда додааст. Муволиға дар забони англисӣ низ роҳҳои ифодаи худро дорад:

The world may laugh – may call me absurd, selfish—but it does not signify [27, p. 459].

Мисолҳои англисӣ аз он шаҳодат медиҳанд, ки дар адабиёти бадеӣ муволиға зиёд истифода мешавад, зеро андешаҳои муаллифро бидуни муволиға ифода кардан душвор аст. Мисоли якум муволиғаи мукамал буда, маъноӣ маҷозӣ дорад. Дар он “*the world may laugh*” ва “*the world may call me absurd, selfish*” андешаи муаллифро баён карда, муволиға мебошанд, зеро *ҷаҳон намехандад*. Дар ин ҷо муволиғаи метонимию мушоҳида кардан мумкин аст, зеро дар он калимаи “*world*” *одамонеро* ифода менамояд, ки *дар ин ҷаҳон* зиндагӣ мекунад, яъне зикри кулл бар ивази ҷузъ омадааст.

Тасғир (литота) (аз калимаи юнонии *litótēs* – содагӣ, одӣ будан) навъи маҷоз дар ифодаи муассир аст, ки андоза, қувват, арзиши ашё ё падидаҳо аз будаи нишон дода, онро муволиғаи баръакс меноманд. Тасғир дар нутқи метавонад ҳамчун калима, ибора ё як ҷумла ифода шуда, маъноӣ онҳоро аз будаи камтар мекунад.

– Устохоҷа, шумо Лутфуллоро дуо кардед, ки қабул шуданаш мумкин нест ва *ба ӯ якпула ғоида надорад*, кист, ки дар дунё ҳазорсола шавад, кист, ки дар дунё намурад [21, с. 47]?

Тасғир дар ин ҷумла бо ибораи **“якпула ғоида надоштан”** ифода ёфтааст, ки хусусияти баҳодиҳии субъективӣ дар маънои манфӣ дорад.

Now ***the wealth did not weigh on me***: now it was not ***a mere bequest of coin***, – ***it was a legacy of life, hope, enjoyment*** [27, p. 406].

Дар як ҷумлаи англисӣ, ҳолати мазкурро низ мушоҳида кардан мумкин аст, зеро ибораи **“*the wealth did not weigh on me*”** инкорӣ буда, як қисми ҷумлаи **“*a mere bequest of coin*, – *it was a legacy of life, hope, enjoyment*”**-ро тасдиқ менамояд.

Хулоса, муболиға ва тасғир воситаҳои тасвири бадеӣ буда, бо мақсади фасеҳу латиф гардонидани баён истифода мешаванд. Дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ онҳо вазифаи эстетикиро иҷро менамоянд ва нутқро сареҳу дилписанд гардонида, дар баъзе мавридҳо ба он тобиши ҷаззоб мебахшанд. Муболиға, одатан, барои тақвияти ифоданокӣ ва назокат истифода шуда, бо дигар воситаҳои тасвири бадеӣ якҷоя меоянд. Тасғир, баръакс, барои паст кардани таъсирнокии ашё ё падида дар нутқ истифода мешаванд ва бо вучуди ин, ба он тобишҳои ғайриоддӣ мебахшад.

Боби чорум фарогири масъалаи таҳвилоти луғавӣ ва дастурӣ буда, таҳти унвони **“Вижагиҳои татбиқи таҳвилоти луғавӣ ва дастурӣ дар тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ (дар заминаи матнҳои бадеии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ)”** аз 2 фаслу 6 зерфасл иборат аст.

Фасли якуми боби чорум **“Таҳвилоти луғавӣ марбут ба тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ”** унвон дошта, он аз 6 зерфасл иборат мебошад.

Таҳлилҳо нишон медиҳанд, ки навъҳои таҳвилоти тарҷумавӣ яке аз масъалаҳои марказии тарҷумашиносии муосир ба ҳисоб рафта, ақидаи забоншиносон дар масъалаи таснифи таҳвили тарҷума мухолиф аст.

Ба ақидаи олимони дигар, ду намуди таҳвили тарҷума вучуд дорад: **“таҳвили дастурӣ ва таҳвили луғавӣ”** [14, с. 72; 19, с. 43].

Ақидаи олимони дар бораи таснифоти навъҳои таҳвилот фарқ мекунад ва ҳангоми таҳвили воситаҳои ифодаи бадеӣ мо ба назарияи таснифоти пешниҳодкардаи Я.И. Ретскер ва А.Б. Шевнин така намудем, зеро ҳамаи

намудхое, ки муҳаққиқон пешниҳод кардаанд, ба моҳияти таҳвили луғавӣ ва дастурӣ асос ёфтаанд.

Таҳвилоти луғавӣ ифодаи маънои аслии матни асл бо воҳидҳои бемуодил ё ба дигар маъноҳо, номутобиқати байни воҳидҳои луғавии забон дар тарҷума мебошад. Л.К. Латишев ин таҳвилро “дуршавӣ аз мутобиқати луғавӣ” номидааст [11, с. 180]. Мутобиқан “амалиёти мутаносиби тарҷумаро, ки дар он ба сифати унсурҳои мутақобилаи ЗА ва ЗТ калимаҳое баромад мекунанд, муодили системавӣ (парадигматикӣ) нестанд, ҳамчун интиҳоби муобикати тарҷумавии аз ҷиҳати луғавӣ нокифоя меномем” [10, с. 127], яъне моҳияти таҳвили луғавӣ иваз намудани воҳидҳои луғавии забони асл бо воҳидҳои луғавии забони тарҷума мебошад, ки маънои дигар надоранд ва муодили онҳо нестанд.

Қобили зикр аст, ки дар низоми воҳидҳои луғавии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ, ки ифоданокии бадеиро дар бар мегиранд, як қатор монандӣ ва номутобиқатӣ мушоҳида мешавад. Зеро дар низоми тасвири бадеи метавон як зумра воҳидҳои луғавии марбут ба як забонро аз нигоҳи фарҳанг ва урфу одат пайдо кард. Ҳамин тавр, сохтори маъноии калимаҳо, ки ҷузъи ифодаи бадеии забонҳо маҳсуб меёбанд гуногун буда, бевосита тавассути таҳвили луғавӣ амалӣ мешаванд.

Дар тарҷумашиносӣ навъҳои гуногуни таҳвили луғавӣ пешниҳод шудааст, ки дар осори як қатор муҳаққиқони ин соҳа мушоҳида мешавад. Бинобар сабаби дар назарияи тарҷумаи тоҷикӣ вучуд надоштани шакли тоҷикии як қатор истилоҳоти марбут ба таҳвилоти луғавӣ мо аз адабиёти илмии муҳаққиқони рус истифода бурдем. Аз ин рӯ, шакли русии истилоҳоти мавҷуда дар қавс бо забони русӣ оварда мешаванд: мушаххасгардонӣ (конкретизация), умумигардонӣ (генерализация), тарҷумаи антонимӣ (антонимический перевод), илова (приём лексического добавления), чуброн (компенсация), талаф (приём опущения), бадал (замена), ки дар алоҳидагӣ мавриди баррасӣ қарор медиҳем.

Зерфасли аввали фасли якуми боби чорум таҳти унвони **“Мушаххасгардонӣ ва татбиқи он дар тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ”**

фарогири масоили назариявию амалӣ марбут ба яке аз навъҳои таҳвили тарҷумавӣ, мушаххасгардонӣ мебошад.

Мушаххасгардонӣ (Конкретизация – Concretisation) як навъи таҳвили луғавӣ аст, ки дар он вожаҳо ва ибораҳои забони асл бо вожаҳо ва ибораҳои забони тарҷума иваз карда мешаванд. Ин ивазкунӣ миёни вохидҳои луғавии забони асл, ки маънои васеътар дорад ва забони тарҷума, ки маънои маҳдудтар дорад, сурат мегирад. “Мушаххасгардонӣ иваз кардани калима ё ибораи ЗА бо маънои васеътар бо калима ё ибораи ЗТ бо маънои маҳдудтар аст” [12, с. 167; 8, с. 17]. Ин табиист, зеро воситаҳои ифода дар ЗА назар ба ЗТ маънои васеътар доранд. Тавре ки қаблан қайд гардид, ҳангоми тарҷума аз нусхаи асл баъзе хусусиятҳои пайдо мешаванд, ки забони асло аз забони тарҷума фарқ мекунонад, зеро маънои калима ё ифода, хоҳиши муаллифро инъикос карда наметавонад.

Аммо як ҳудам ба танҳои *ин қадар чизро чӣ гуна ба зудӣ мегундорам* [21, с. 115]?

Тарҷума: But how could I *harvest half the crop in just one day* [25, p. 162]?

Дар мисол тарҷумон на танҳо калима, балки як ҷузъи комили ҷумла, яъне якҷанд калимаро дар як вақт ҳамчун аъзои ҷумла нишон додааст. Дар ин ҷо “*ин қадар чизро чӣ гуна ба зудӣ мегундорам*” мушаххас карда шудааст. Дар ин ҷумла калимаи “*чиз*” (thing), ки маънои васеъ дорад, тағйир ё ба маънои маҳдудтаре чун “*the crop*” (ҳосил) иваз шудааст. Нақши матн дар мушаххасгардонидани маънои васеъ муҳим арзёбӣ мегардад, зеро аз рӯйи матн муайян кардан мумкин аст, ки сухан дар бораи *ҳосиле меравад, ки онро ҳар рӯз ҷамъоварӣ кардан лозим аст, то талаф нашавад*. Калимаи дигари таркиби ҷумла “*ин қадар*” (so much) мебошад, ки дар ЗТ ҳамчун “*half*” (ним) зикр шудааст. Дар ин замина, сухан дар бораи ҷамъоварии нисфи ҳосил меравад (*Ман ҳам фикр мекардам, ки “агар имшаб сармо занад, фардо ҳамаи ҷувориҳоро гундошта гирифтани даркор мешавад ва ҳол он, ки ҳанӯз дар замин нимаи ҷувориноя бар пой ва сарҳашон нашикастагӣ буд*” [21, с. 115] ва тарҷумон инро

ба назар гирифта, онро *“half”* тарчума кардааст. Сипас, *“ба зудӣ мезундорам”* дар шакли *“in just one day”* (ҳамагӣ дар як рӯз) инъикос ёфтааст, ки ба маънои маҳдуд корбурд мешавад.

The refreshing meal, the brilliant fire, the presence and kindness of her beloved instructress, or, perhaps, more than all these, something in her own unique mind, had roused her powers within her [27, p. 76].

Дар ин чумла, дар иборои *“the refreshing meal”* ва *“the brilliant fire”* истиораҳои асли ва ғайриаслиро мушоҳида кардан мумкин аст, зеро дар истиораи дуҷум ягон оташ шакли алмоси суфтаре гирифта наметавонад. Тарҷумаи чунин воситаҳои бадеӣ дар ин гуна чумлаҳо ба худ тарҷумон вобаста аст. Дар ин маврид, онҳоро ба таври дигар тарчума кардан мумкин буд, аммо тарҷумон онро ба таври зайл тарчума кардааст:

Тарҷума: Шояд ба *ин чойи хушмазза, алангаи равшани оташдони деворӣ*, хузур ва меҳрубонии мураббияи дӯстдоштаи ӯ сабаб шуд ё шояд вижагиҳои то ҳол номаълуми табиати ба худ хоси ӯ рӯ заданд, аммо гӯиё дар ҷисму ҷони ӯ кадомин нерӯҳои нав бедор гаштанд [22, с. 70].

Дар ин чумла истиораи ғайриасли *“the brilliant fire”* ҳарчанд дуруст ва мукамал тарчума шуда бошад ҳам, аммо дар ин ҷо ҳангоми тарҷума ба ЗТ маънои эстетикӣ калимаи *“brilliant”* гум мешавад, зеро вожаи *“аланга”* бештар бо вожаи *“оташ”* корбаст мешавад. Вожаи *“brilliant”* мутаносибан калимаи *“аланга”*-ро иваз карда наметавонад, зеро хусусияти эмотсионалӣ ва эстетикӣ надорад.

Иборои *“the refreshing meal”* адабӣ тарчума шудааст ва гарчанде маънои калимаи *“meal”* дар ин чумла аз ҷиҳати сохторӣ ба маънои чумлаи матни тарҷума мувофиқат намекунад ва бевосита ба маънои калимаи *“чой”* мувофиқ меояд, ки дар фарҳанги мардуми тоҷик чун *“чой нӯшидан”* ва *“чой хӯрдан”* истифода мешавад. Он дар нутқи гуфтугӯӣ ва адабӣ бештар мавриди истифода қарор мегирад. Тарҷумон дар таъҷиб ба матни русӣ онро ба маънои дигар интиқол додааст.

Ҳамин тавр, таҳлили чумлаҳо нишон доданд, ки мушаххасгардонӣ ҳамчун як навъи таҳвили луғавӣ дар тарҷумаи ҳама намудҳои санъатҳои бадеӣ истифода бурда мешавад.

Зерфасли дуҷуми фасли якуми боби чорум “**Умумигардонӣ ва татбиқи он дар тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ**” унвон гирифта, дар он татбиқи умумигардонӣ дар тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ баррасӣ гардидааст.

Умумигардонӣ (Генерализация – Generalization) муҳолифи мушаххасгардонӣ аст, яъне дар ивази мафҳуми мушаххас мафҳуми умумӣ сурат мегирад:

Шаб шуд. Ман *чароғи сиёхро* даргиронда *бар болои чароғноя* мондам [21, с. 111].

Тарҷума: When night fell, I lit the *lamp* [25, p. 153].

Дар чумлаи тоҷикӣ мафҳуми хоси ташбеҳи “*чароғи сиёҳ*” ба ЗТ ҳамчун маънои васеи “*lamp*” (чароғ) тарҷума шудааст. Ин намуди *чароғ* хоси забони тоҷикӣ аст, зеро дар забони англисӣ шакли муодили худро ҳамчун “*bitch lamp*” (чароғи хурдакак) дорад. Дар ин ҷо тарҷумон бо истифода аз усули умумигардонӣ “*чароғ*”-ро ба маънои умумӣ ё васеъ чун “*lamp*” тарҷума кардааст. Калимаи “*чароғноя*”, ки истиора аст, дар ЗТ ҳамтои худро наёфтааст ва дар ин ҳолат тарҷумон усули талафро истифода кардааст, зеро ин калима дар забони англисӣ истифода намешавад.

But after forty days *without a fish* the boy’s parents had told him that the old man was now definitely and finally *salao*, which is the worst form of unlucky, and the boy had gone at their orders in another boat which caught three good fish the first week [24, p. 6].

Аммо баъд аз чихил рӯзи *бесайдӣ* падару модари писарак ба ӯ гуфтанд, ки пирамард аниқу яқин салао, яъне бадтарин баргаштабахт аст ва писарак бо талқини онҳо ба заврақи дигар рафт, ки воқеан, дар ҳафтаи аввал се моҳии хуб гирифт [24, с. 7].

Дар чумлаи англисӣ асари “Пирамард ва баҳр” (The Old Man and the Sea) дар баъзе мавридҳо вожаи *“fish”*, асосан, дар ЗТ ҳамчун *“caid”* инъикос ёфтааст, маънои васеъро ифода мекунад: “**Сайд** – 1. шикор кардан; 2. он чӣ онро шикор мекунад, чонвари шикоршаванда” [34, с. 176]. Ҳамин тавр, дар забони англисӣ маънои мушаххаси чумла *“without a fish”* дар ЗТ ҳамчун маънои васеи *“бесайдӣ”* умумӣ қорбурд шудааст.

Every day is a new day. It is better to be lucky. But I would rather be exact. Then when luck comes you are ready [24, p. 38].

Ҳар рӯз рӯзи нав аст. Беҳтар ки бахт ёрӣ кунад, вале одам бояд дақиққор бошад. Вақте ки бахт ба рӯят механдад бояд омода бошӣ [24, с. 39].

Дар мисоли матни асл бисёр воситаҳои ифодаро мушоҳида кардан мумкин аст, зеро: *“Every day is a new day”* тамсил ва *“It is better to be lucky. But I would rather be exact”* / *“Then when luck comes you are ready”* истиораи муаллифӣ ё бадеӣ (шоирона) маҳсуб меёбанд.

Истораҳои муаллифӣ ё шоирона зеботарин истиораҳо буда, метавонанд шунавандаро мафтун кунанд ва ба эҷоди образҳои рангину зебо мусоидат кунанд. Дар забони тоҷикӣ онҳоро одатан *“истиораи табъия”* (*истиораи истеъдодӣ*), меноманд, ки барои амалӣ намудани вазифаи эстетикӣ асари бадеӣ тавассути эҷоди эҳсосии инсон қорбаст мешаванд.

Дар ин мисоли забони англисӣ, илова бар ин, тамсили *“Every day is a new day”* дар ЗТ ҳамчун тарҷумаи асл инъикос ёфтааст. Мутарҷим аз усули калка истифода намуда, онро ҳамчун *“Ҳар рӯз рӯзи нав аст”* тарҷума кардааст, ки ба забони асл мувофиқат намекунад, зеро воҳидҳои забонии ЗТ бояд тавре ифода шаванд, ки хонанда ё шунаванда онҳоро «худӣ» шуморад. Аз ин рӯ, дар забони тоҷикӣ мақола ҳаст, ки ба ин масал дар забони англисӣ мувофиқ аст: *“Ҳар дам ғанимат аст...”*.

Дар чумла истиораҳои шоирона: *“It is better to be lucky. But I would rather be exact”* / *“Then when luck comes you are ready”* мавҷуданд, ки дар шакли

“Беҳтар ки бахт ёрӣ кунад, вале одам бояд дақиқкор бошад. Вақте ки бахт ба рӯят меҳандад бояд омода бошӣ” ифода ёфтаанд.

Истиораи якум *“It is better to be lucky. But I would rather be exact”* дар ЗТ муодили худро дар шакли *“Беҳтар ки бахт ёрӣ кунад, вале одам бояд дақиқкор бошад”* пайдо намудааст. Мутарчим ҳангоми тарҷумаи истиора аз усули умумигардонӣ истифода кардааст, зеро дар қисми дуёми ин ибора маънои хоси ҷонишини шахсии *“I”* (ман) ба маънои умумии *“одам”* (шахс) мегузарад. Бояд гуфт, ки қисми якуми ибораи *“It is better to be lucky”* – *“Беҳтар ки бахт ёрӣ кунад”* дар забони тоҷикӣ муодили худро дар шакли *“толеъ баландӣ кунад”* дорад, ки дар ЗТ истифода нашудааст. Беҳтар мебуд, ки тарҷумаи мукамал истифода шавад, зеро маънои тарҷумаи мукамал барои хонанда аз тарҷумаи тахтуллафз равшантар аст.

Истиораи дуум *“Then when luck comes you are ready”* – *“Вақте ки бахт ба рӯят меҳандад бояд омода бошӣ”* мебошад. Усули умумигардонӣ дар ин мисол бомуваффақият истифода шудааст, зеро дар истиора калимаи *“luck comes”* муодили худро дар шакли *“бахт ба рӯят меҳандад”* дорад, яъне маънои хоси *“comes”* ба унвони *“бахт ба рӯйи касе хандидан”* умумӣ шудааст. Ҳарчанд вожаи *“рӯят”* (чеҳраи ту) дар ҷумла шахс ё адади мушаххас дошта бошад ҳам, маънои он дар ҷумла васеъ буда, қисми ин ҷумла дуруст ва ба қадри кофӣ интиқол ёфтааст.

Тарҷумаи воситаҳои услубие, ки маънои асари бадеиро ҳангоми умумигардонӣ инъикос мекунанд, аксар вақт, бинобар доштани хусусиятҳои миллии низоми услубии забонҳои гуногун, барои тарҷумонҳо душворихо ба амал меоварад. Барои рафъи ин мушкилот, донишҷӯи услубии асосии тарҷума ва воситаҳои интиқоли мазмуну мундариҷаи матни асл, яъне донишҷӯи асосӣ, меёро ва услубии калимасозӣ ё таҳвили тарҷумавӣ дар сатҳи луғавӣ, дастурӣ ва услубӣ зарур аст.

Дар зерфасли сеюми фасли якуми боби чорум тахти унвони “**Тарчумаи антонимии воситаҳои тасвири бадеӣ**” қорбасти тарчумаи антонимӣ дар интиқоли воситаҳои тасвири бадеӣ нишон дода шудааст.

Бо дарназардошти мазмуну мундариҷаи матн ҳолатҳои низ вучуд доранд, ки тарҷумон ҳар як мафҳуми матни асло бо мафҳуми муқобили он дар матни тарҷума иваз мекунад, ки онро дар тарҷумашиносӣ *тарчумаи антонимӣ* меноманд:

Акаат ҳеч чой намеравад, ӯ дарсҳои якҷафтагашро такрор карда аз ёд накардааст. *То ҳамоно дарсҳои аз ёд карда аз пеши ман нагузаронад*, ман ӯро на ба тамошо ва на ба бозӣ — ба ҳеч чӣ руҳсат намедихам [21, с. 20].

Тарҷума: “Your brother can’t go anywhere until he’s done his lessons properly. He’s been shilly – shallying about all week and hasn’t done a bit of studying. *So until he shows me he’s learned everything he’s supposed to*, he can’t play or go anywhere” [25, p. 32].

Дар мисоли мазкур метонимияи “*то ҳамоно дарсҳои аз ёд карда аз пеши ман нагузаронад*” мушоҳида карда мешавад, ки дар матни ЗТ муодили худро дар шакли “*So until he shows me he’s learned everything he’s supposed to*” пайдо намудааст. Дар таркиби ин ҷумла метонимия шакли инкории ҷумлаи “дарсҳои аз пеши ман нагузаронад” ба шумор меравад, ки ба сифати шакли тасдиқии ҷумлаи “*shows me he’s learned everything*” ифода ёфтааст. Калимаи асосӣ дар тарҷумаи антонимӣ ифодаи манфии “*аз пеши ман нагузаронад*” дар шакли тасдиқи “*show*” мебошад.

Мисоли дигарро дар забони англисӣ баррасӣ менамоем:

‘If all the world hated you, and believed you wicked, while your own conscience approved you, and absolved you from guilt, *you would not be without friends*’ [27, p. 72].

Тарҷума: Агар саросар олам туро бад бинаду зиштхӯ шуморад ҳам, вақте ки ту дар назди вичдони худ пок ҳастӣ, *ҳамеша дӯстон ёфт мешаванд* [22, с. 65].

Дар ин мисол мутарчим бо истифода аз усули тарҷумаи антонимӣ онро бо шакли тасдиқ интиқол додааст. Шакли инкори иррасони *“would not be”* ба ҷумлаи хабарии тасдиқӣ иваз карда шудааст, яъне инкори ЗА бо истифода аз маъноҳои семантикӣ дар ЗТ дуруст тасдиқ шудааст. Дар ин мисол, сохтори ҷумла низ дар ҳамин шакл интиқол дода шудааст, зеро сарҷумаи ЗА дар шакли сарҷумла дар ЗТ дуруст инъикос ёфтааст.

Намунаҳои таҳлилшуда дар низоми воситаҳои тасвири бадеӣ нишон медиҳанд, ки мувофиқат ва номувофиқатии матни асл ва матни тарҷума ҷузъи мухталифдоранд ва новобаста аз ҷузъи умумӣ, як мазмунро бо воситаҳои луғавии забони дигар ифода мекунанд ва ҳар як ҷузъи он ҳангоми тарҷума бояд ба назар гирифта шаванд.

Ҳамин тариқ, ҳадафи асосии тарҷумаи антонимӣ расидан ба тарҷумаи мувофиқ аст. Дар баъзе мавридҳо вазифаи асосӣ бо дарназардошти хусусиятҳои услуби бадеӣ ҳарчи бештар расонидани хусусиятҳои бадеии матни асл мебошад.

Дар зерифасли чоруми фасли якуми боби чорум таҳти унвони **“Усули иловаи луғавӣ ва татбиқи он дар тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ”** мавридҳои татбиқи усули иловаи луғавӣ дар раванди тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ таҳлил гардидааст. Мақсади тарҷумон дар ин маврид муҳим арзёбӣ мегардад, ба шарте ки дар истифодаи ин усули таҳвил воситаҳоеро интиҳоб намояд, ки ҳамрадифи воситаҳои матни асл бошанд. Яке аз зергурӯҳҳои маъмули таҳвили луғавӣ *усули иловаи луғавӣ* маҳсуб меёбад. Одатан, муқаддимаи чунин вожаҳо тавре ифода мешавад, ки андешаҳои олимони дар забонҳои гуногун ба таври мухталиф маънидод карда мешаванд: “Набудани калимаи мувофиқ ё гунаи луғавӣ-маъноии вожаи додашуда низ сабаби воридшудани калимаҳои иловагӣ ҳангоми тарҷума мешавад” [12, с. 168].

Дар деҳаи Соктаре аз *миракониён* Қорӣ Маҳмуд ном касе буд. Ӯ як шахси ширинкор, хушгап ва ҳозирчавоб буд. Падараш ӯро дар хурдсолиаш барои ҳифзи қардани қуръон ба қорихона монда будааст, ки сифати “қоригӣ” ба ӯ ба ҳамон муносибат дода шудааст. Ӯ баъд аз калонсол шуданаш ба хизмати сипоҳигарӣ

даромада, дар пеши ҳокимони вилоятҳои амирӣ шогирдпешагӣ кардааст [21, с. 89].

Тарҷума: Kori Makhmud *the Persian settler* also lived in Saktare. He was a merry, clever, quick-witted man. When he was a child, his father had sent him to the Koran reciters` school. There, he had learned the holy book of Islam by heart and received the title “kori”, which means “Koran reciter”. When he grew up, he took an office job and carried out various assignments for the emir`s regional administration [25, p.125].

Чунон ки қаблан зикр кардем, барои нигоҳ доштани сабки волои бадеӣ ва роҳ надодан ба такрору равшан намудани мафҳуми ҳунари бадеии тарҷумон онро бо илова намудани баъзе санъату ифодаҳои нав тарҷума мекунанд.

Дар ин мисол ба ғайр аз дигар намудҳои таҳвили луғавӣ, усули иловаро мушоҳида кардан мумкин аст. Дар қисми аввали ҷумла ба ҷойи антономазиёи **“миракониён”**, метонимияи **“the Persian settler”** илова шудааст, яъне ба ҷойи исми чинс исми хос истифода шудааст, ки аз чиҳати мантиқ ва мазмун ба матни асл шабоҳат надорад. Калимаи **“миракони”** ба маънои одамоне, ки дар як ғӯшаи Бухоро зиндагӣ мекунанд корбурд мешавад, яъне калима ифодакунандаи минтақаи ҳамон аҳолии хоси забони тоҷикӣ мебошад. Дар мисоли дигари ин порча аз матни бадеӣ, гарчанде баъзе вожаҳо ба калимаҳои дигар иваз шудаанд, вале усули дигари таҳвили луғавӣ мушоҳида мешавад. Қисми сеюми ин порча бо қабули иловаҳо дар таркиби ҷумла ба ЗТ таҳвил ёфтааст, зеро он ҷумлаи тобеъ дорад, ки сарҷумларо бо ҷумлаи пайрав ба воситаи пайвандаки тобеъкунандаи **ки** мепайвандад (Падараш ўро дар хурдсолиаш барои ҳифз кардани куръон ба қорихона монда будааст, ки сифати **“қоригӣ”** ба ў ба ҳамон муносибат дода шудааст). Ин қисми ҷумла ба ЗТ ҳамчун ҷумлаи мураккаби пайрави ҳоли замон (when he was a child, his father had sent him to the Koran reciters` school) ва пайвандани тобеъкунандаи **“вақте ки”** (when) иваз карда шуд, ки ҳоли замонро ифода карда, ба ЗТ илова шудааст.

Чузъи дуҷуми чумла дар тарҷума “There, he had learned the holy book of Islam by heart and received the title “kori”, which means “Koran reciter” чузъи чумлаи пешина буда, бо илова таҳвил ёфтааст. Дар забони асл он яке аз навъҳои метонимия – маҷози мурсал мебошад, ки дар ЗТ зикри чузъ ба кулл ифода ёфтааст, яъне мақсад дар чумла ин аст, ки ифодаи “*ҳифз кардани қуръон*” дар забони асл ҳамчун чузъи ин чумла ба шумор меравад ва “*had learned the holy book of Islam*” чузъи умумии чумла аст. Ба ҷойи калимаи “*Қуръон*” истиораи “*the holy book of Islam*” илова шудааст. Дар чумлаҳои дигар дар забони асл (Ў баъд аз калонсол шуданаш ба хизмати сипоҳигарӣ даромада, дар пеши ҳокимони вилоятҳои амирӣ шогирдпешагӣ кардааст – When he grew up, he took an office job and carried out various assignments for the emir`s regional administration) дар тартиби чумла ва маънои он тағйирот мушоҳида карда мешавад. Аммо ин навъ илова дар таркиби чумла боиси баъзе тағйироти сохторӣ мегардад, зеро чумлаи мураккаби тобеъ, ки бо истифода аз оҳанг (вергул) пайваст шудааст, ба чумлаи пайрави ҳоли замон ба чумлаҳои ёридиҳанда таҳвил ёфтааст, ки дар он чузъи додасудайи чумла (When he grew up) илова карда мешавад.

Ҳамин тавр, ин чумлаҳо дар ЗА ва ЗТ сохторҳои гуногун доранд, аммо бояд қайд кард, ки дар ҳар ду забон онҳо маънои якхела доранд. Дар забони тоҷикӣ шакли содатари чумлаи пайрав вучуд дорад, ки дар забони англисӣ он мураккабтар аст ва ин боиси фарқи сохтори чумлаи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ мегардад:

Superstition was with me at that moment; but it was not yet her hour for complete victory: *my blood was still warm; the mood of the revolted slave was still bracing me with its bitter vigour* [27, p. 15].

Тарҷума: *Ман аллакай зери ҳукми тарсу ваҳми хурофӣ мондаам, вале лаҳзаи ғалабаи пурраи он ҳоло фаро нарасида. Ҳанӯз хунам дар ҷӯш буду хашими гуломи шӯришбардошта маро ба оташи ҳаётофаринаш месӯзонид* [22, с. 12].

Ҳангоми тарчума ҳолатҳое низ вучуд доранд, ки тарчумон барои мувофиқ кардани ҷумлаи матни асл ба вижагиҳои забони адабии тарчума якҷанд усулҳои тарҷумаи воситаи баёнро истифода мебарад.

Дар ин мисол, қисми аввал *“superstition was with me at that moment”* дар тарҷумаи *“ман аллақай зери ҳукми тарсу ваҳми хурофӣ мондаам”* шакли киноявӣ дорад. Ин ҷо, дар тарчума усули илова танҳо дар қисмати аввали ҷумла мушоҳида мешавад, зеро дар он як қатор воситаҳои ифода илова шудаанд, аз қабилӣ: *“зери тарсу ваҳм қарор доштан”*, ки ба сохтори матни асл иртибот надорад. Бояд гуфт, ки ҳарчанд ибораи маъмулӣ дар ин ҷо ҳамчун нави маҷоз – киноя шуда омадааст, аммо аз нигоҳи маъно метавонад муҳтавои ҷумлаи матни аслро иваз кунад, зеро *“хурофот”* беҳуда, яъне эътиқоди ботил аст, ки таваҷҷуҳи шахсро аз рӯи эътиқодҳои динӣ ба худ ҷалб мекунад ва шахс аз ӯ метарсад.

Дар қисми дигари ҷумлаи *“my blood was still warm the mood of the revolted slave was still bracing me with its bitter vigour”* якҷанд воситаи маҷозиро дар як вақт мушоҳида кардан мумкин аст: *“my blood was still warm”* киноя, *“the mood of the revolted slave”* ва *“bitter vigour”* истиора мебошанд. Ин воситаҳои бадеӣ ҳолати асабонии шахсро ифода мекунанд ва дар ин замина, бо дигар воситаҳои ифодакунандаи бадеӣ тавассути таҳвили луғавӣ тобишҳои нави маъноӣ пайдо намудаанд. Масалан, ифодаи *“my blood was still warm”* дар матни тарҷума дорои маъноӣ мукамал буда, ҳамчун *“ҳанӯз хунам дар ҷӯш буд”* тарҷума шудааст, ки киноя ё ба маъноӣ дигар ифодаи эзоҳӣ шакли кинояро ифода мекунад. Дар қисми дуюми ин ҷумла *“the mood of the revolted slave was still bracing me with its bitter vigour”* тарҷумаи антонимиро мушоҳида кардан мумкин аст, зеро дар он калимаи *“mood”* (рӯҳия, вазъият, ҳолат) дар шакли *“ҳашм”* инъикос ёфтааст, ки ба маъноӣ он вожаи асли мувофиқат намекунад, вале ба далели он ки вожаи *“revolted”* (шӯриш, исён, балво) дар якҷоягӣ бо вожаи *“slave”* (ғулом) шакли манфии *“шӯриш, исён, балво”*-ро дорад, вожаи *“mood”* ба *“ҳашм”* гузаштаст, ки метавонад дар забони тарҷума ҷойгузини *“mood”* бошад. Дар ин тарҷумаи

антонимӣ қисми ҷумлаи тасдиқӣ ба ҷойи инкор оварда шудааст, ки дар он вожаи **“mood”** ба маънои **“хашиш”** муҳолифи худро дорад.

Ҷунон ки таҳлили ҷумлаҳо нишон доданд, усули илова метавонад ба мутарҷим хангоми тарҷумаи асари бадеӣ аз забони тоҷикӣ ба забони англисӣ ва баръакс кӯмак расонад.

Зерфасли панҷуми фасли якуми боби чорум таҳти унвони **“Усули талафу бадал ва корбурди онҳо дар тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ”** ба таҳқиқи корбурди усули талафу бадал дар тарҷумаи востаҳои тасвири бадеӣ равона гардидааст. Талаф як усули таҳвили луғавӣ аст, ки муқобили илова буда, ба усули таҳриф монанд аст. Дар вақти тарҷумаи адабиёти бадеӣ “калимаҳое, ки аз ҷиҳати мазмуни маъноии худ зиёдати мебошанд, аксар вақт талаф меёбанд. Яке аз мисолҳои талаф истифодаи ба истилоҳ “муродифоти ҷуфт” мебошад, ки хоси ҳама услубҳои нутқи хаттии забони англисӣ аст” [12, с. 169]:

Аз ғайри ин, ҳар ҳам он зимистон бо **сериву нурӣ** кӯкбош хӯрда баромад [21, с. 118].

Even after paying out all this, our donkey ate **the green sorghum** all winter long [25, p. 168].

Дар ин мисол истиораи **“сериву нурӣ»** (обод, сарватманд) инъикос наёфтааст, ки калимаи **“all”** (тамоми) онро пурра мегардонад. Ба ҷойи ин, сифати тамоман дигар **«green»** (сабз) илова карда шудааст. Бояд гуфт, ки дар ин маврид, аз рӯйи фаҳмиши тарҷумон, ки сухан дар бораи як навъи растанӣ меравад, ба ҷойи калимаи **«кӯкбош»** (як навъи растанӣ) калимаи **“sorghum”** [ˈsɔːgəm] истифода шудааст, ки дар забони тоҷикӣ тарҷумаи **“ҷойҷуворӣ”**-ро дорад ва истифода аз усули бадали луғавӣ дар доираи фаҳмиши худ тарҷумон муҳтавои онро иваз кардааст.

Мисол англисиро баррасӣ мекунем:

I am in the most magnificent health and spirits, **eating like a bull, sleeping like a tree**, yet I shall not enjoy a moment till I hear my old tarpaulins tramping round the capstan [28, с. 68].

Тарҷума: Ман худро хеле нағз ҳис мекунам, **гов барин мехӯрам, сағ барин мехобам.** Бо вучуди ҳамаи ин, то шамол ба бодбонҳои мо навазад, ман тамоm хушбахт нахоҳам шуд [23, с. 55].

Дар ин мисол ифодаи *“eating like a bull”* (*гов барин мехӯрам*), *“sleeping like a tree”* (*сағ барин мехобам*) қиёс мебошанд, зеро ҳангоми тарҷума ҳарчанд маънои онҳо ба ҳам наздик бошад ҳам, дар байни онҳо тафовути чузъӣ ба назар мерасад. Воқеан, вожаи *“bull”* дар забони англисӣ ба маънои *“барзагов”* истифода шудааст, аммо дар забони тоҷикӣ ҳамчун *“гов”* тарҷума шудааст, ки мувофиқи мақсад аст. Дар луғати тафсирии забони тоҷикӣ ин вожа чун *“гови кории деҳқонӣ, гови чуфтӣ, варзгов”* [35, с. 138] омадааст, ки аслан ба маънои *“аз андоза зиёд хӯрдани хӯрок”* корбурд мешавад. Калимаи дигари бадалёфта дар ин ҷумла омадааст *“tree”* (дарахт), мебошад, ки дар асари тарҷумашуда бояд ба маънои *“дарахт”* кор фармуда шавад, дар ҳоле ки воҳиди мазкур ҳамчун *“сағ”* тарҷума шудааст. Таркиби ин ибораҳо аз ҳамдигар фарқ мекунанд, вале аз ҷиҳати мазмун баробаранд, яъне *орому роҳат хобидан*, вале аз ҷиҳати сохтор ва ҳаракат ба ҳамдигар комилан муҳолифанд. Дар фарҳанги мардуми тоҷик ба ҷойи ибораи *“сағ барин хоб рафтман”* ифодаи дигар – *“хирс барин хоб рафтман”*, истифода мешавад, ки ба *“sleeping like a tree”* муодил буда, мазмуну мундариҷаи онро пурра инъикос менамояд. Ин гуфтаҳо гувоҳӣ медиҳанд, ки вазифаи тарҷумон на танҳо интиқоли мазмуни матн асл, балки ба ҳонандаи забони тарҷумашуда наздик кардани мазмуни матн ва мутобиқ сохтани унсурҳои хоси ҳамагон забон аст.

Дар зерфасли шашуми фасли якуми боби чорум таҳти унвони **“Усули ҷуброни луғавӣ ва татбиқи он дар тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ”** ҳолатҳои татбиқи усули ҷуброн дар тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ таҳлил гардидаанд. Зернавъи навбатии таҳвили луғавӣ усули ҷуброн аст. Дар забони тоҷикӣ ин навъи таҳвилро *“ҷуброн”* (компенсация – compensation) меноманд:

– Ман ҳам мадрасаро агар тамоm мекардам, аҷаб набуд, ки ягон чиз мешудам. Афсӯс, ки ҳамин қашшоқии сабилмонда ба ман имкон надод. Ту хон,

бо ҳар гуна душворӣ бошад ҳам, хон. Умедворам, ки ягон чиз шавӣ, “мо худ нарасидем, ту шояд бирасӣ” [21, с. 71].

Тарҷума: “If I had been able to continue my studies,” he said with a sigh, “perhaps something worth while would have come of me. But poverty forced me to abandon the path of erudition. So study as much and as hard as you can, my son! I have accomplished nothing, so I must hope that you will succeed where I have failed” [25, p. 115]!

Ба тарҷумон лозим буд, ки чубронро барои интиқоли маъноӣ ибораи зерин истифода барад. Албатта, дар ҷузъи аввали ҷумла усули умумигардонӣ мушоҳида мешавад, зеро мутарҷим ба ҷойи метонимияи хоси “*мадраса*” маъноӣ васеи “*study*” (таҳсил)-ро истифода кардааст ва дар қисми дуюми ҷумла ибораи рехтаи “*ачаб набуд, ягон чиз мешудам*”-ро, ки маъноӣ маҷозӣ дорад, чунин инъикос намудааст: “*perhaps something worth while would have come of me*”. Ин ибораҳо метавонанд якдигарро иваз кунанд, аммо бояд қайд кард, ки тарҷумон барои чуброни ин ибора усули иловаи корбасти кардааст, зеро калимаи “*worth*” (арзиш, арзишманд) метавонад ҷойи андешаи муаллифро дар бораи *кӯ фикр мекард* иваз кунад. Дар 3Т ифодаи “*he said with a sigh*” (гуфт ӯ оҳиста), ки дар забони асл вучуд надорад мушоҳида кардан мумкин аст ва тарҷумон онро аз рӯйи суханронии қаҳрамон чуброн кардааст. Ин ҷо дар забони асл ибораи “*имкон надод*” чун “*forced me to abandon*” (маҷбур кард, то тарк кунам) инъикос шудааст, ки қисми охири ин ибора “*the path of erudition*” аст. Аз ин бармеояд, ки маъноӣ ҷумла ба таври умум чуброн карда мешавад.

Вижагиҳои усули чубронро дар мисоли забони англисӣ мушоҳида кардан мумкин аст:

The hell with luck, the boy said [24, p. 164].

Тарҷума: – *Гӯр бар сари бахт*, - гуфт писарак [24, с. 163].

Дар мисоли мазкур воҳиди фразеологӣ (минбаъд ВФ) дар таҷассуми истиора бо дарёфти чуброн ба забони тарҷума гузаштааст, зеро вожаи “*hell*” (чаҳаннам) дар забони тарҷума шакли “*гӯр*” (grave)-ро дорад, ки ба он хос нест.

Тарчумон аз усули чуброн истифода бурда, кинояи *“the hell with luck”*-ро ба забони тарчума чун *“Гӯр бар сари бахт”* интиқол додааст, ки аз рӯйи мувофиқати луғавӣ мутобиқат намекунад. Интихоби тарчумон дар тарчумаи *“The hell with luck” – “Гӯр бар сари бахт”*, яъне интиқоли маъноӣ калимаи *“hell”* дар ЗА ба *“гӯр”* дар ЗТ, бешубҳа, барои баланд бардоштани мутобиқати тарчумаи бадеӣ истифода мешавад. Аммо бояд гуфт, ки дар фарҳанги мардуми тоҷик маъмулан ба ҷойи ин вожа корбурди ибораи тамоман дигар – ВФ *“сабил монад/бало (чин) занад”* маъмуланд, ки бештар ба муҳтавои воҳиди матни асл мувофиқат мекунад: “Сабил монад – бесоҳиб монад, бало ба сараш, зор монад (дар мавриди дилхунуқшавӣ аз касе ё чизе гуфта мешавад)” [37, с. 6].

Ҳамин тавр, таҳлили ҷумлаҳо нишон дод, ки мақсади асосии тарчумон ҳангоми тарчумаи асарҳои бадеӣ бо истифода аз воситаҳои тасвири баён, барои ноил шудан ба тарчумаи мукамал аст, зеро истифодаи тобишҳои миллӣ ва фарҳангии воҳидҳои луғавӣ дар матни бадеӣ барои тарчумон дар додани тарчумаи мувофиқ муносиб монета эҷод мекунад.

Дар фасли дуюм **“Татбиқи таҳвилоти дастурӣ дар тарчумаи воситаҳои тасвири бадеӣ (бо ҷалби мисолҳои забони русӣ)”** мафҳуми “таҳвилоти дастурӣ” шарҳ дода шуда, роҳи ҳолатҳои татбиқи он дар тарчумаи воситаҳои тасвири бадеӣ нишон дода шудааст:

Ҳанӯз аз даҳонат бӯи шир меояд, аммо ту худро сисола мегӯӣ? – гуфт – Қорӣ – Ишкамба [21, с. 127].

Тарчума: *“You’re still wet behind the ears, and here you are pretending to be thirty!” piped up Kori – Ishkamba* [25, p. 302].

Аз мисоли дар боло зикршуда бармеояд, ки хабари ҷумлаи тоҷикӣ устувор буда, ба забони англисӣ шакл ва мазмуни худро дар сохтори наҳвӣ нигоҳ доштааст.

Ҳангоми тарчумаи ибораи мазкур мувофиқати мукамал дар забони англисӣ дар шакли *“to be wet behind ears”* ба ҷашм мерасад. Гарчанде ки дар ин мисол хусусиятҳои эстетикӣ талаф шуда бошанд ҳам, маъноҳои ҷумла дар ҳар

ду забон мувофиқат мекунад. Хабарҳои боқимонда, ки бо феълҳои мувофиқифода ёфтаанд, монандии маъноӣ доранд.

Сохтори мураккабтарро дар забони англисӣ баррасӣ менамоем:

As *the sun set* he remembered, *to give himself more confidence*, the time in the tavern as Casablanca when he had played the hand game with great negro from Cienfuegos *who was the strongest man on the dock* [24, p. 88].

Тарҷума: Пас *аз зӯруби офтоб*, пирамард барои **шердил кардани худ**, замонро ба ёд овард, ки дар майхонаи Касабланка бо зангии азимчуссае аз Сйенфугос, *ки қавитарин мард дар бандар буд*, сабақати дастхамонӣ карда буд [24, с. 89].

Ҳарчанд ҳамаи воҳидҳои луғавии забони англисӣ дар забони тоҷикӣ пурра тарҷума шуда бошанд ҳам, аз ҷиҳати сохтор дар онҳо тафовут дида мешавад. Бояд дар хотир нигоҳ дошт, ки мукаммалии раванди тарҷума бояд ба ҳисоб гирифта шавад, зеро ҳолатҳоро мушоҳида кардан мумкин аст, ки ҳангоми тарҷумаи мукамал тағйироти сохтори ҷумла пурра ва қисман нигоҳ дошта мешавад ва муҳтавои матни асл мукамал интиқол меёбад. Аз ин рӯ, ҳангоми тарҷумаи мукамал на ба сохтори ҷумла, балки ба мазмуни он диққати бештар бояд дод.

Боби панҷуми диссертатсия “**Хусусияти тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар робита ба масъалаҳои “тарҷуманопазирӣ” дар асоси осори бадеии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ**” номгузорӣ шуда, аз 5 фасл иборат аст.

Фасли аввали боби панҷум “**Воситаҳои тасвири бадеӣ ҳамчун падидаи “тарҷуманопазирӣ”**” ном дошта, дар он воситаҳои тасвири бадеӣ чун падидаи “тарҷуманопазирӣ” таҳлилу баррасӣ гардидаанд. Дар забони ҳар як халқу миллат ҳангоми изҳори ҳиссиёт ва эҳсосот, тавсиф, васфу ситоиш ва интиқод як зумра унсурҳои махсусе истифода мешаванд, ки воситаҳои баён ном доранд, ки ифодаи пурраи худро дар дигар забон пайдо карда наметавонанд, зеро дар он баъзе унсурҳои забон на ба маъноӣ асли, балки ба маъноӣ маҷозӣ истифода мешаванд.

Тарчумон ба зарурати интиқоли воситаҳои мухталифи бадеӣ дар матни асл истифодашуда дучор мешавад:

Модар *нӯги каловаи чигилишудаи аҳволи падарамро* ёфта буд. Аммо тафсилот мехост [21, с. 51].

Тарҷума: But now she knew *what line of questioning to pursue*: he had given her the clue she needed [25, p. 78].

Дар ҷумлаҳои матни асл ва тарҷумавӣ дар қисмати аввали ҷумла воҳиди фразеологии “*нӯги каловаи чигилишуда*” чун санъати киноя аз забони мабдаъ ба забони мақсад дар шакли “*a line of questioning to pursue*” интиқол ёфтааст, ки мазмуни матни асло дар ин маврид, шакли “*аз аҳволи касе пурра воқиф шудан*”-ро инъикос карда метавонад. Аслан, “*сари (нӯги) калобаи касеро ёфтан*” ҳангоми *мушкилотеро ҳал кардан* истифода бурда мешавад.

Дар фарҳанги забони адабии ҳозираи тоҷик ибораи “*нӯги калобаро ёфтан*” ба маънои “киноя аз тариқи ҳалли масъалаи муғлақеро ёфтан” [35, с. 197] истифода бурда шудааст. Дар фарҳанги ибораҳои рехта воҳиди “сари калоба (-и корро) ёфтан” ба маънои “роҳи ҳалли масъалае, мушкилиеро ёфтан” [37, с. 44] корбаст мешавад, вале ибораи мазкур боз дар шакли дигар чун “сари чигилро кушодан” истифода шуда, маънои “муаммо, масъалаи мушкилеро ҳал намудан” [37, с. 75]-ро дорад. Ҳамин тавр, муодили ҷумлаи асл дар забони тарҷума дуруст интиҳоб шудааст.

Ҳолати мазкурро дар забони англисӣ низ мушоҳида кардан мумкин аст:

This appeal seemed to produce some effect, for two of the fellows began to look here and there among the lumber, but *half-heartedly*, I thought, and with half an eye to their own danger all the time, while the rest *stood irresolute* on the road [28, p. 48].

Тарҷума: Ин фарёд дуздонро қадре далертар кард. Ду нафар аз онҳо ба кофтуков кардани байни дарахтони чакалак даромаданд, аммо *бо дили нохоҳам*, базӯр-базӯр ҳаракат карда мекофтанд. Онон, чи тавре ки ба назари ман намуд, аз кофтуков кардан дида, зиёдтар фикри гурезро мекарданд. Дигарҳо *сари калобаашонро гум карда* дар миёнаи роҳ меистоданд [23, с. 39].

Дар ин чумла, ибораи “**stood irresolute**” – “**сапи калобаро гум кардан**” маънои маҷозӣ дорад ва ба истиснои чумлаи боло “*a line of questioning to pursue*” гунаи комилан дигар “**stood irresolute**” дорад. Ҳангоми тарҷума истиораи “**stood irresolute**” (*дудила шудан*) дар ЗТ шакли худро дигар карда, ба кинояи “**сапи калобаро гум кардан**” табдил ёфтааст, ки ба маънои ин истиора мувофиқат мекунад.

Дар мисоли фавқуззикр метонимияи “**half-heartedly**” низ мушоҳида мегардад, ки дар шакли “**бо дили нохоҳам**” ба забони тарҷума интиқол ёфтааст. Дар фарҳанги забони тоҷикӣ ба ҷойи ин ибора бештар гунаи дигари он чун “**дилу бедилон**” истифода мешавад, ки онҳоро бар ивази ҳамдигар истифода кардан мумкин аст, зеро дар ҳар ду забон онҳо муодиланд. Дар забони англисӣ “**stood irresolute**” ва “**half-heartedly**” муродиф буда, дар забони тоҷикӣ муодили худро дар шакли “*дудила шудан*” доранд.

Дар фасли дуюми боби панҷум таҳти унвони “**Интихоби муодил ва муродифҳо**” ҳолатҳое таҳлил гардидаанд, ки дар онҳо ҳангоми тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ мутарҷимон аз муодил ва муродифҳо қорбаст намудаанд.

Ман аз ҳамон вақт сар карда бисёр тарсончак шудам, шаб ки торик шуд, ҳар чизе, ки ба назарам намояд, “дев” ё “ачина” гумон карда дар ларза меафтадам, азбаски Султонпошо маро аз нақл кардани ҳикояҳои деу ачина тарсонда буд, ба пеши падару модари худ ҳам аз он воқеаҳо **лаб намекушодам** [21, с. 36].

Тарҷума: From then on, I became very cowardly. Night had hardly fallen when I'd be seeing devils and werewolves in every corner. But having been warned against saying anything by Sultan-posho, I decided **not to tell** my father or my mother [25, p. 58].

Воситаи тасвири бадеӣ дар чумлаи матни асл истиораи “**лаб накушодан**” (нагуфтан, сухан оғоз накардан) мебошад, ки ҳамтои худро дар ЗТ ҳамчун “**not to tell**” (нагуфтан) пайдо намудааст, вале бояд гуфт, ки ин истиора дар забони

тарҷума хусусияти услубӣ ва ифодакунандаи худро гум кардааст. Ин истиора дар забони тоҷикӣ шеваи дигари ифода дорад: “лаб фурӯ бастан – даҳон бастан”.

“The month when the great fish come”, the old man said. *Anyone can be a fisherman in May* [24, p. 18].

Тарҷума: Моҳи омадани моҳии бузург, – гуфт пирамард. – *Дар моҳи май ҳар бӯз хирман мекубад* [24, с. 19].

Дар қисми дуюми ҷумла “*Anyone can be a fisherman in May*” дар матни тарҷума муодили худро дар шакли “*Дар моҳи май ҳар бӯз хирман мекубад*” пайдо намудааст, ки ба сифати киноя ифода шудааст. Ҳангоми тарҷума ҳарчанд маънои онҳо ба ҳамдигар наздик бошад ҳам, дар байни онҳо тафовут ба назар мерасад. Аслан, вожаи “*fisherman*” (моҳигир), ки аз англисӣ тарҷума шудааст, ба маънои “*моҳигир*” аст, ки ба забони тоҷикӣ чун “*бӯз*” инъикос ёфтааст. Вай аз ҷиҳати маъно дуруст интиқол ёфта бошад ҳам, сохтори онҳо ба кулӣ фарқ мекунад. Дар фарҳанги ибораҳои рехта воҳиди мазкур чун “бӯз агар хирман мекуфт ҳочати барзагов набуд” [36, с. 716] монанд аст, ки воқеан ин мафҳумро ифода мекунад.

Пас, маълум мешавад, ки вазифаи тарҷумон на танҳо интиқоли мазмуни матни асл мебошад. Он аз ҳарчи наздиктар ва мутобиқ сохтани мазмуни матни асл ба хонандаи забони тарҷума иборат аст.

Ҳамин тариқ, истифодаи дурусти таҳвили тарҷума ҳангоми тарҷумаи осори бадеӣ боиси пуррагии матни тарҷумашуда мегардад. Бояд қайд кард, ки ҳангоми тарҷумаи осори адабӣ мутарҷим бояд маъно ва мундариҷаи матни асло дар тарҷума нигоҳ дорад, ки бидуни истифодаи таҳвили тарҷумавӣ ғайриимкон аст.

Дар фасли сеюми боби панҷум таҳти унвони “**Тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар таркиби воҳидҳои фразеологӣ**” воҳидҳои фразеологие таҳлил гардидаанд, ки аз воситаҳои тасвири бадеӣ таркиб ёфтаанд. Маълум аст, ки воҳидҳои фразеологӣ хусусиятҳои миллиро таҷассум карда, дар доираи

воситаҳои баёни ду забони мавриди назар аз рӯйи сохторҳои дастурию луғавӣ фарқ мекунанд:

Чинифурӯш *ниёлаи чойро ҳанӯз ҳолӣ накарда*, Қоришкамба даҳони худро аз нон пур кард, ки акнун *на нонро ҳоида метавонист ва на ҳарф зада* ва ӯ дар ҳамин ҳолат, аз тарси он ки чинифурӯш нони боқимондаро хӯрда намонад, як дасти худро ба бурдаи охиринаи нон, ки ба рӯйи бодбезак буд, гузошта, бо дасти дигараш ба чинифурӯш ишора кард, ки *зудтар ниёлро ҳолӣ карда*, ба ӯ *чой кашида диҳад*, то ки вай нонҳои нимҳоидаи дар лунҷаш бударо бо ёрмандии чой фурӯ бурда тавонад [20, с. 11].

Тарҷума: While the ceramic seller *hadn't finished his tea*, Qori Ishkamba stuffed his mouth with so much bread that *he couldn't chew or speak properly*. Anxious that the ceramic seller might eat the remaining bread, Qori Ishkamba placed one hand on the last piece atop the fan and gestured with the other hand for the seller *to quickly empty his cup* and *refill it with tea*. This way, he hoped to wash down the half-chewed bread in his mouth [26, p. 43].

Агар дар ҷумлаи забони тоҷикӣ воҳиди фразеологии “*ниёлро ҳолӣ кардан*” дар матн муносибати метонимию ифода карда, ду маротиба истифода шуда бошад, пас дар забони англисӣ он бо воҳиди фразеологии “*hadn't finished his tea*” интиқол ёфта, тобиши метонимӣ надорад. Воҳиди фразеологии дигар “*to quickly empty his cup*” дар забони англисӣ аз воҳиди фразеологии “*hadn't finished his tea*” аз ҷиҳати ифоданокӣ фарқ карда, тобиши метонимикӣ дорад.

Масалан, дар воҳиди фразеологии “*ниёлро ҳолӣ кардан*” маънои “то охир нӯшидан”-ро дорад ва ин метонимия дар фарҳанги мардуми тоҷик маънои махсуси “*ҳолӣ кардан чизе*”-ро низ ифода карда метавонад. Воҳиди фразеологии дигари маънои маҷозӣ иборати “*ҳарф задан*” мебошад, ки дар забони англисӣ ҳамчун “*to speak properly*” мутобиқати дуруст пайдо кардааст. Аммо, албатта, онҳо муодил шуда наметавонанд, зеро воҳиди фразеологии тоҷикии “*ҳарф задан*” – гап задан, сухан кардан [37, с. 601], нисбат ба “*gap задан*”, ки ҳамчун

шакли маъмулӣ истифода мешавад, хусусияти бештари экспрессивӣ ва эмотсионалӣ дорад.

Мисоли англисиро баррасӣ менамоем:

“Livesey”, returned the squire, “you are always in the right of it. I’ll be as silent as the grave” [28, p. 63].

Тарҷума: *Ливси, - гуфт арбоб дар ҷавоб, - ҳамеша гапи шумо ҳақ аст. Ман мурда барин хомӯш хоҳам буд* [23, с. 51].

Дар ҷумлаи англисӣ ташбеҳи **“grave”** ҳамчун ҷузъи воҳиди фразеологӣ маънои **“гӯр, қабр, лаҳад; марг”**-ро дорад, ки дар забони тоҷикӣ ба вожаи **“мурда”** табдил ёфтааст. Аммо ҳар ду ибора мантиқан мувофиқ буда, маънои **“сукути комил”**-ро ифода мекунанд.

Фасли чоруми боби панҷум, ки **“Тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар таркиби зарбулмасалу мақолҳо”** ном дорад, таҳлили тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар таркиби зарбулмасалу мақолҳоро фарогир мебошад. Зарбулмасалу мақол ва воҳидҳои фразеологӣ як зумра ифодаҳоеро инъикос мекунанд, ки тобишҳои миллиро дар худ таҷассум намуда, ҳамчун эҷодиёти шифоҳии халқ истифода мешаванд ва муҳаққиқон онҳоро ба гурӯҳи алоҳидаи воҳидҳои бемуодил дохил кардаанд. Воҳидҳои забонии мазкур маънои маҷозиро ифода намуда, дар таркиби онҳо санъатҳои бадеӣ фаровон ифода меёбанд:

Шавад обӣ, нашавад лалмӣ [20, с. 5].

Тарҷума: *“Nothing ventured, nothing gained”* [26, p. 35].

Дар ин масали таркиби зарбулмасал дар асари бадеӣ **“шавад обӣ, нашавад лалмӣ”** обуранги миллӣ истифода шудааст, ки дар зарбулмасали англисӣ ҳамчун **“nothing ventured, nothing gained”** – (*таҳтул.*: чизе, ки таваккал нашавад, бурд намекунад) тарҷума шудааст. Мақоли англисии **“nothing ventured, nothing gained”** дар забони тоҷикӣ бо дигар зарбулмасал, **“аз гунҷишк тарсӣ, арзан макор”** мутобиқати маъноӣ пайдо мекунад, ки тобиши манфӣ дошта, норозигиро ифода мекунад. Дар забони англисӣ ба ин маъни зарбулмасалу мақолҳои **“sink or swim”, “do or die”, “or pan or lost”, “double or nothing”** истеъмол мегарданд.

Дар раванди тарҷумаи зарбулмасалу мақолҳо шарҳи маъноии онҳо дар забони тарҷума низ ба назар мерасад, ки ин усул ҳангоми набудан ва ё наёфтани муоидил мувофиқ аз ҷониби тарҷумон ба роҳ монда мешавад:

Ба қавли Саъдӣ: “*Атои ӯро ба лиқои ӯ бахшидам*” – гуфтам ва аз ӯ ҷудо шуда, паси кори худ рафтам [20, с. 31].

Тарҷума: “As Sa` di has said: “To avoid hearing his unpleasant talk, I am willing to give up any benefits from it”. So, I`ll take care of my own affairs and leave him be” [26, p. 65].

Дар ҷумлаи мазкур зарбулмасали “*атои ӯро ба лиқои ӯ бахшидам*”, ки киноя аз *худдорӣ кардан аз атову бахшиши одами турширӯ* мебошад, ки ба забони англисӣ ҳамчун “*to avoid hearing his unpleasant talk, I am willing to give up any benefits from it*” (*таҳмул.*: то аз шунидани гапи нохуши ӯ дӯрӣ чӯям, ман тайёрам, ки аз ҳар гуна манфиат даст кашам) тарҷума шудааст, ки пурра маъноии зарбулмасали забони тоҷикиро ифода карда наметавонад.

Пас аз таҳлили баъзе воҳидҳои фразеологӣ ва зарбулмасалу мақол ба ҳулосае омадан мумкин аст, ки ҳангоми тарҷума дар сохтори онҳо дигаргунӣ мушоҳида карда шавад ҳам, бояд онҳо мазмунан дуруст ва мукамал интиқол ёбанд, зеро мақсади ягонаи тарҷумон дуруст баргардон кардани нусхаи асл ва мувофиқ кунондани он ба асари тарҷумавӣ мебошад.

Дар фасли панҷуми боби панҷум таҳти унвони “**Тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар робита бо реалияҳо**” роҳу усулҳои тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар робита бо реалияҳо таҳқиқ гардидааст. Реалия номи ашё, ҳодисаҳо, мафҳумҳои дар ҳаёти рӯзгор истифодашаванда, баъзе расму оинҳои миллӣ, анъана ва ҷашну маросимҳои миллиро таҷассум карда, бо тобиш ва обуранги миллӣ аз дигар воҳидҳои забонӣ фарқ мекунанд:

Ман гоҳо аз “*молҳои тичорати Раҳим*” ба ду пул қанд ё конфет *харид*а, ба даҳон андохта, бар суфачаи дигар макида менишастам. Ин хариди ман аз ҷиҳати эҳтиёҷам ба ширинӣ набуда, балки барои шунидани суханони ба мазоқи ман аз қанд гуворотари ӯ буд [20, с. 20].

Тарчума: Sometimes I would buy *a sugar or a konfet from Rahimi Qand's goods for two puls*, not because I needed the sweets, but to delight in hearing his words. His words were sweeter than the sugar itself [26, p. 54].

Реалия ҳамчун як қисми метонимияи тасғирӣ “*ба ду пул қанд ё конфет харидан*” ба назар мерасад, ки дар он ду калимаи дохили ибора транскрипсия (*konfet* ва *puls*) ва яке аз онҳо ҳамчун усули калимасозӣ чун (*a sugar*) тарчума шудааст. Агарчи ин ибораҳо дар ЗТ инъикос ёфта бошанд ҳам, беҳтар мебуд, ки тарчумаи онҳо дар асоси назарияи тарчумаи реалия ба тарзи дигар истифода шавад. Ифодаи “қанд – 1. моддаи саҳти ширин, ки аз қиёми шираи найшакар ва лаблабуи қанд ҳосил мешавад: **қанди қоғазпеч, қанди сафед, як лӯнда қанд; ширинӣ, ширавор; 2. маҷ. ширинӣ, ҳаловат, лаззат**” [33, с. 655] дар фарҳанги мардуми тоҷик на ҳамчун “*шакар*” ё “*sugar*”, балки ҳамчун “*қанди сафед*” ё маъмулан “*қанд*” истифода мешавад, ки тарчумаи комилан дигар дорад: “*imp sugar*” ё “*refined sugar*”. Дар таркиби ин метонимия дар тарчума иборайи дигареро мушоҳида кардан мумкин аст, ки мутарҷим онро реалия ҳисоб кардааст. Ин калимаи “*конфет*” аст. Бояд гуфт, ки ҳарчанд ин вожа дар забони тоҷикӣ як экзотизм аст, ки аз забони русӣ нусхабардорӣ шуда, маъноӣ як навъи шириниро дорад, аммо дар луғат ҳамчун “конфет – конфета” ҷой гирифтааст [32, с. 280] ва ҳамчун вожаи “*конфет*” пазируфта шудааст, вале дар забони тарчума он ҳамчун “*konfet*” инъикос ёфтааст ва тавсифи зерини “*konfet – rus. sweets*” [26, с. 54]-ро дорад, ки барои хонанда фаҳмидани он душвор арзёбӣ мегардад. Ё дар тарчума, калимаи “*sweet*” метавонад дар маҷмуъ калимаи “*конфет*”-ро иваз кунад, гарчанде ки маъноӣ маҷозӣ тарчумаи “*хушбӯӣ, меҳрубон, нарм ва ғайра*” аст. Дар ин ҷо метавон маъноӣ ин “*реалия*”-ро ҳамчун калимаи маъмулии “*candy*” – *ам. ҳама навъи қанд* истифода бурд.

Воқеан, “*ду пул*”, ки тарҷумон онро чун реалия қабул карда, таҳтуллафз тарчума кардааст, воҳиди фразеологист, ки ба маъноӣ “пули пучак” *як пули пучак, беарзиш, кам қорбурд* мешавад ва онро дар ЗТ ҳамчун калима-реалияи “*for two puls*” (ба ду пул) тарчума кардан лозим нест. Дар ин ҷо тарҷумон аз ин

ҳолат истифода намуда, онро дар сатҳи транскрипсия тарҷума кардааст ва дар поварақ дар шакли “*pul* – a silver coin of the Emir of Bukhara which was equal to one fourth of a koreck or tin” (пул – сиккаи мисии амири Бухоро, ки баробар ба чоряк тин буд) [26, с. 54] шарҳу тавзеҳ додааст. Ифодаи мазкур дар забони тарҷума умуман шакли дигарро дар шакли “беарзиш”, яъне бо маблағи арзон харидани чизеро дорад, чун воҳиди устувори забон қабул шудааст, ки дар забони асарҳои бадеӣ маъмул аст. Ин ибора ҳамчун тасғири таркиби воҳиди фразеологии “арзон”, яъне бо пули ночиз харидани чизе тарҷумаи комилан дигар дорад, ки маънои ин воҳиди фразеологиро ифода мекунад. Дар забони англисӣ ба ҷойи ифодаи мазкур калимаи “*mite* [*mait*] *n* 1) маблағи бисёр кам, пули ночиз; 2) сахми хоксорона; 3) ҷонвар ё чизи бисёр хурд/ реза” [30, с. 527] истифода бурда мешавад.

Дар забони англисӣ айнан ҳамин ҳолатро мушоҳида кардан мумкин аст:

“Oh,” returned the fairy, “that does not signify! Here is *a talisman will remove all difficulties;*” and she held out a pretty gold ring [27, p. 280].

Тарҷума: “Эй, – гуфт парӣ, – ин муҳим нест! Мана *ин тӯмор ҳамаи душворихои туро осон хоҳад кард*, ва ӯ ба ман ангуштари тиллоiero дод” [22, с. 263].

Дар ҷумлаи англисӣ метонимия-реалия мавҷуд аст. Калимаҳои “*talisman*” реалия буда, ҳамчун ҷузъи воситаи баён мебошад. Калимаи “*talisman*” маънои “*талисман*”-и русиро дорад, ки онро “*тумор*”-и тоҷикӣ иваз карда наметавонад. Ҳарчанд ин ифода дар фарҳанги мардуми тоҷик ҳамчун “порчаи коғаз, ки дар он сура навишта, аз матоъ ҷилд карда, онро мепӯшонанд ва ҳамеша барои нияти хайре ҳамроҳ мегардонанд” истифода мешавад, вале бояд гуфт, ки ин вожа дар байни калимаҳои забони тоҷикӣ чунин тарҷума дорад: “тӯмор – нома, мактуби дароз, номае, ки ба шакли лӯла печонда шуда бошад” [33, с. 382]. Тарҷумон бо истифода аз як фикри хурофотӣ онро ҳамчун “*тумор*” тарҷума кардааст.

Аз ин рӯ, вожаи “*talisman*”-и англисӣ “*тӯмор*”-и тоҷикиро, ки мутарҷим истифода кардааст, иваз карда наметавонад.

Таҳлилҳо нишон доданд, ки реалияҳо калимаву ибораҳои таҷассумкунандаи хусусияти миллӣ-фарҳангии ҳамон миллат буда, барои хонандаи нусхаи тарҷума мушкилӣ эҷод мекунад. Аз ин рӯ, роҳу воситаи муҳимтарини тарҷумаи реалияҳо, ки дар таркиби саъатҳои бадеӣ ба таври зиёд истифода мешаванд, вучуд доранд ва истифодаи дурусту муносиби он ба муаррифии фарҳангу тамаддуни ҳамон миллати забони матни асл кӯмаки беандоза мерасонанд.

ХУЛОСА

Дар таҳқиқи диссертатсионии мазкур ҷанбаҳои забонӣ ва тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар заминаи матнҳои адабии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ таҳлилу баррасӣ гардидаанд.

Бояд тазаққур дод, ки дар офариниши асарҳои бадеӣ воситаҳои тасвири баён мавқеи густурдаеро касб намудаанд. Онҳо ба гуногунрангии миллии асари бадеӣ таъсири мусбат расонида, тобишҳои маънӣ ва нозуктаринро мекушоянд ва бо ин васила, муродифотро дар тамоми сатҳҳои забонию адабӣ фароҳам меоранд.

Матнҳои бадеиро натиҷаи раванди эҷодӣ ташкил дода, дар он тахайюли бою рангини адиб, вижагиҳои миллию фарҳангӣ, тамаддун, расму ойин, урфу одат, далелҳои таърихӣ, тарзи ҳаёт, тафаккур ва амсоли инҳо тавассути образҳои нозуку латиф ва шевою гуворо таҷассум меёбад. Рухияи халқ, ҳуввияти миллӣ, эътиқоди мардум ва табиати нотақрор дар матнҳои бадеӣ аз ҷониби муаллиф бо истифода аз ин воситаҳои тасвири баён моҳирона ва мушикофона рӯйи қоғаз меоянд. Ҳамин аст, ки дарки эҷоди тахайюли муаллиф барои инкишофи равобити адабии форсу тоҷик ва англис, ки дар ниҳоди мардум мақом ва манзали хоссаеро касб намудаанд, муҳим арзёбӣ мегардад. Тасаввуроти худро нависанда ҳамчун субъекти асосии фаъолияти бадеию маърифатӣ, дар заминаи образҳои воқеӣ ифода менамояд.

Бархурди фарҳангу тамаддун, ки дар натиҷаи он адабиёт ва дастовардҳои бузурги адабӣ рушду такомул меёбанд, раванде маҳсуб меёбад, ки фарҳанг ва тамаддуни як миллати дигар тавассути он ба шукуфоии назаррас ноил мегардад.

Воқеан, дар муаррифии фарҳангу тамаддуни халқиятҳо аҳаммияти тарҷума ва фаъолияти тарҷумониро бориз арзёбӣ кардан мумкин аст, ки дар ҷаҳони муосир яке аз роҳҳои пайванди қавму миллатҳои гуногунзабон дар ғанӣ гардонидани равобити адабӣ барои таҷрибаи нависандагӣ ва эҷодкорӣ нақши мондагор дорад.

Тасвири ҳаёлии нутқи адиб тариқи воситаҳои гуногуни тасвири бадеӣ роҳандозӣ шуда, натиҷаи маърифат ва ифодаи образноки олами воқеӣ мебошад.

Раванди таҳқиқ нишон дод, ки истифодаи воситаҳои тасвири бадеӣ осори бадеии адибони тоҷику англис мавқеи назаррасро ишғол менамоянд, ки омӯзиши муқоисавии онҳо аз нигоҳи тарҷума ба ноил шудани тарҷумаи мукамал оварда мерасонад. Дар воситаҳои тасвири бадеӣ калимаву ибораҳо тобиши нави маъноӣ ва услубӣ, хусусан, маҷозӣ қабул мекунанд, ки дарк ва муайян намудани онҳо аз тарҷумон донишҳои манзарӣ ва забонию адабӣ ва дар интиқоли онҳо маҳорату малакаи хуби тарҷумониро тақозо менамояд.

Мусаллам аст, ки воситаҳои тасвири бадеӣ дорои тобиши волоии муассирӣ буда, ҳангоми тарҷума барои тарҷумон мушкилиҳои гуногунро ба бор меорад, зеро дар бештари онҳо тобишҳои миллию фарҳангӣ ниҳон аст ва вазифаи тарҷумон дар ин ҷода, ба хонандаи асари бадеӣ расонидани завқи баланди эстетикӣ маҳсуб меёбад. Аз ин рӯ, барои ноил шудан ба ин мақсад тарҷумон бояд асолати фарҳангию милли, муассирӣ ва назокату фасоҳати матни асло дар матни тарҷума таҷассум намояд.

Мақсад аз интиқол додани воситаҳои тасвири бадеӣ дар раванди тарҷума аз таъсири вижагиҳои хоси забонӣ ва услубӣ дар нусхаи асл ва тобишҳои он дар забони тарҷума иборат мебошад, ки барои таъсири мутақобилаи ин ду силсилаи падидаҳои забонӣ бо ҳифзи мазмуну муҳтавои матни асл заминаи мусоид фароҳам меорад.

Мавриди зикр аст, ки вижагиҳои хоси тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ раванди тарҷумаро душвор гардонид, барои тарҷумаи мукамал монеа эҷод менамоянд. Хусусияти хоси асарҳои бадеӣ дар санъатҳои бадеӣ, аз қабилӣ, маҷозу навъҳои он ва баъзе аз воҳидҳои бемуодил зоҳир мегардад.

Ҳамин тавр, натиҷаҳои таҳқиқ нишон доданд, ки:

1. Хусусияти хоси услуби бадеӣ дар истифодаи воситаҳои тасвири бадеӣ зоҳир мегардад, ки бо ин хусусият онро аз дигар услубҳои забон фарқ мекунонад. Воситаҳои тасвири бадеӣ падидаҳои муҳимтарини забони адабиёти бадеӣ мебошанд, ки ба муъҷазӣ, ифоданокиӣ ва муассирии баён мусоидат менамоянд **[2-М]**;

2. Таҳлили тарҷумаи бадеӣ воситаҳои дигари ғайризабонӣ, эстетикӣ ва муҳимро дар бар мегирад, ки барои жанри бадеӣ хеле муҳиманд. Аз ин рӯ, дар таҳқиқоте, ки ба тарҷумаи бадеӣ бахшида шудаанд, ду ҷанбаро ҷудо мекунанд: адабӣ ва забонӣ **[11-М]**;

3. Баробарии калимаҳои услубӣ ва маъноӣ дар матни асл ва тарҷума робитаи на танҳо хусусияти субъективӣ-мантиқӣ, балки маъноӣ коннотавии онҳоро низ пешбинӣ мекунад, ки ифодагари хусусияти дарки гуёнда мебошад. Мувофиқи ин, дар интишори маъноӣ коннотативии калима дар забони асл ҷузъҳои эмотсионалӣ, услубӣ ва образии он нақши асосиро мебозанд **[2-М]**;

4. Дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ воситаҳои тасвири бадеӣ, яъне маҷозҳо барои ороиши нутқ истифода мешаванд, ки дар сурати нодуруст истифода бурдан фасоҳати гуфтор таҳриф меёбанд **[6-М]**;

5. Дар луғатҳои тафсирий ва соҳавии забонҳои русӣ-тоҷикӣ, русӣ-англисӣ, тоҷикӣ-русӣ ва ғайраҳо мафҳум ва мундариҷаи воситаҳои тасвири бадеӣ тамоюлҳои гуногун доранд, ки дақиқ нестанд ва якҷанд гунаи тарҷума ба як навъи маҷоз муносиб доништа шудаанд. Гунаи тарҷумаҳо дар умум, худӣ ҳамон мафҳумро ифода намекунанд, зеро ҳангоми муқоиса кардан барои тарҷумаи мукамал монеа эҷод мекунанд **[37-М]**;

6. Воситаҳои тасвири бадеӣ дар асоси андешаҳои муҳаққиқони ватанию хориҷӣ тасниф гардида, роҳу воситаи ифодаи онҳо муайян гардиданд. Таҳлилҳо нишон дод, ки таснифи воситаҳои тасвири бадеӣ мухталиф буда, миқдору навъҳои онҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ як хел нестанд **[11-М]**;

7. Истиора маҷозест, ки дар асоси шабоҳати ду ҳодиса ба вучуд омада, аз рӯйи ифода ба қиёс ва ташбеҳ шабоҳат дорад, ки сарфи назар аз ин, байни онҳо тафовути хосса ва нозук ба назар мерасад **[13-М]**;

8. Марзи маъноии корбасти истиора дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ як хел мебошад, аммо миёни онҳо тафовути сохторӣ ба назар мерасад **[12-М]**;

9. Корбурди дақиқ ва муносиби ташбеҳ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ аз рӯйи фарҳангҳои дузабонаи русӣ-тоҷикӣ, тоҷикӣ-русӣ ва дигар фарҳангҳои тафсирий ва фарқи он аз дигар воситаҳои тасвири бадеӣ ба роҳ монда шудааст **[7-М]**;

10. Фарқи киноя аз рамз ва ишора бо далелҳои мустамад асоснок шуда, дар корбасти онҳо муайян гаштааст. Гарчанде ақидаи муҳаққиқони соҳа роҷеъ ба масъалаи мазкур асоснок шуда бошад ҳам, ба андешаи мо киноя рамз нест **[15-М]**;

11. Дар таҳқиқоти муҳаққиқон дар самти “тамсил” ва асарҳои тамсилӣ муваффақияти назаррасро мушоҳида кардан мумкин аст, ки дар онҳо андешаҳои ҷолиб дар хусуси хусусиятҳои хос, моҳият, умумият ва вазифаҳои он дарҷ гардидаанд. Бо вучуди ин, дар луғатҳои дузабона дар тарҷумаи вожаи мазкур иштибоҳ ба назар мерасад **[17-М]**;

12. Метонимия ҳамчун истилоҳ дар луғатҳо “киноя” маънидод шудааст, вале мафҳуми “киноя” тарҷумаи дурусти вожаи “аллегория” мебошад, зеро шарҳи он дар забони тоҷикӣ бо калимаи “аллегория” мувофиқ аст. Ин санъати бадеӣ дар маъхазҳои дигар ба унвони “маҷоз” ифода шудааст, вале бояд гуфт, ки тибқи сарчашмаҳои илмӣ ва фарҳангҳои тафсириву дузабона “маҷоз” на “метонимия”, балки “троп” мебошад. Мо бошам, тарҷумаи метонимияро ҳамчун “санъати лутф” ё “метонимия” пешниҳод мекунем **[2-М]**;

13. Тарзи ифодаи маҷози мурсал дар забони англисӣ мисли забони тоҷикӣ аст, вале тафовут дар таснифоти онҳо мушоҳида мешавад, ки дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ ба таври хос ифода меёбанд **[2-М]**;

14. Антономасия ба сифати воситаҳои тасвири бадеӣ истифода мешавад, ки асоси онро бадали исми хос ба чинс ва баръакс ташкил медиҳад. Дар ифодаи он нақши фарҳангу тамаддуни миллату халқиятҳои алоҳида бориз арзёбӣ мегардад **[2-М]**;

15. Мафҳуми ифодаи эзоҳӣ ҳамчун як навъи маҷоз доираи корбурди худро дошта, барои боназокат ва латофат баён кардани фикр истифода мегардад. Дар ифодаи эзоҳӣ иваз кардани калимаю ибора бо иборои тавсифӣ бо ҳифзи аломатҳои муҳимтарини калима ба назар мерасад **[2-М]**;

16. Муболиға ва тасғир низ воситаҳои тасвири бадеӣ буда, барои фасоҳату назокат бахшидани баён истифода мешаванд. Дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ онҳо вазифаи эстетикиро иҷро намуда, дар эҷоди тасвири воло, таъсири ҳаҷвӣ ва ифодаи мазҳакавӣ нақши бориз доранд ва бо ин васила, баёнро ифоданоку муассир мегардонанд **[2-М]**;

17. Вазифаи тарҷумон ҳангоми тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ муҳим арзёбӣ мегардад, зеро ҳангоми тарҷумаи ин воситаҳо тарҷумон бояд низоми онҳоро дар доираи ҳамон минтақае, ки матни тарҷумашуда ба он тааллуқ дорад, омӯзад ва мутобиқати онҳоро дар ду забон пайдо кунад **[26-М]**;

18. Сарфи назар аз он ки тарҷума хусусиятҳои миллию фарҳангии матни аслро нигоҳ медорад, хусусиятҳои эстетикӣ, ғоявию ахлоқӣ ва услубии муаллифи асар низ бояд ҳифз карда шаванд **[37-М]**;

19. Яке аз воситаҳои сермаҳсули осори бадеӣ сермаъноии калимаҳои он мебошад. Маъноии калимаҳо дар асари бадеӣ комилан ба натиҷаи афкори эҷодии муаллиф вобаста аст, ки аз хонанда баҳо ва хулосаи пурмазмунро талаб мекунад. Аз ин рӯ, вижагиҳои луғавии асари бадеиро унсурҳои ташкил медиҳанд, ки барои тарҷумаи мукамал шароити мусоид фароҳам меоранд **[5-М]**;

20. Ҳангоми тарҷумаи матни бадеӣ мутарҷим бояд на танҳо маънои онро ба забони адабӣ баён кунад, балки тобиши услубӣ ва маъноии онро нигоҳ дорад, зеро дарки пурраи мазмуни асар комилан ба истеъдоди тарҷумони бадеӣ вобаста аст **[5-М]**;

21. Мушкилоти асосии тарҷумаи бадеӣ на танҳо расонидани маънӣ, балки баёни услуби хоси муаллифи асар аст. Аз ин рӯ, назокату латофати баён дар матни тарҷума аз донишу маҳорати тарҷумон вобастагӣ дорад **[19-М]**;

22. Ҳангоми тарҷумаи воситаи тасвири бадеӣ мушкилиҳои луғавию дастурӣ пайдо шуда метавонанд, ки бо ёрии таҳвили луғавию дастурӣ, аз қабилӣ мушаххасгардонӣ, умумигардонӣ, талафу бадал, тарҷумаи антонимӣ, чӯброни маъноӣ ва амсоли инҳо бартараф карда мешаванд **[19-М]**;

23. Омили асосии таҳвили тарҷумавӣ мувофиқати ихтилофоти луғавӣ мебошад, аммо таҳвилоти тарҷумавӣ на танҳо дар сурати мавҷуд набудани интиҳоби муодил ё мувофиқ истифода мешавад, он метавонад ҳангоми мавҷуд будани муодилҳо ва сохторҳои наҳвии забони асл ва забони тарҷума ба вучуд ояд **[14-М]**;

24. Воҳидҳои луғавии бемуодил, аз қабилӣ реалияҳо, лакуна, воҳидҳои фразеологӣ, зарбулмасалу мақол ва амсоли инҳо дар раванди тарҷума мушкилоти муайянеро эҷод мекунанд, ки бо вижагиҳои хоси миллии соҳибзабонон вобастагӣ дошта, тарҷумонро водор месозад, ки ҳангоми тарҷумаи ин гуна воҳидҳои забонӣ на ба соҳти онҳо, балки ба хусусиятҳои маъноии ин воҳидҳои забонӣ эътибор диҳад, то дар забони тарҷума натавонанд мутобиқатҳои сохторӣ, балки маъноии онҳоро дуруст муайян кунад **[28-М]**.

ТАВСИЯҲО РОЦЕЪ БА ИСТИФОДАИ АМАЛИИ НАТИҶАҲОИ ТАҲҚИҚ

Дар заминаи таҳқиқоти анҷомпазирфта бо мақсади такмили омӯзиши масоили назариявӣ ва амалии марбут ба воситаҳои тасвири бадеӣ ва рушди

соҳаҳои забоншиносӣ, тарҷумашиносӣ ва адабиётшиносӣ чунин тавсияҳои илмӣ пешниҳод карда мешаванд:

1. Асосҳои назариявӣ ва натиҷагирӣ аз таҳқиқи мазкур дар ҳалли мушкилоти марбут ба ҷанбаҳои забонӣ ва тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ ва марзгузори байни ин воситаҳо заминаи муҳим фароҳам меорад;

2. Зимни таҳқиқи воситаҳои тасвири бадеӣ дар забонҳои гуногунниҳом ва муайян кардани роҳи воситаҳои тарҷумаи онҳо натиҷаҳои диссертатсияи мазкур маводди муътамади илмӣ ба назар гирифта шавад;

3. Натиҷаҳои таҳқиқи мазкурро ҳамчун мавод дар қорҳои таҳқиқотӣ ва таҳияи барномаҳо ё қорқарди масъалаҳои истифода қардан мумкин аст, ки бо таҳқиқоти воситаҳои тасвири бадеӣ, воҳидҳои луғавии бемуодил, аз қабилҳои реалияҳо, зарбулмасалу мақолҳо, воҳидҳои фразеологӣ дар забонҳои гуногунниҳом ва муайян намудани вижагиҳои онҳо алоқаманданд.

4. Барои мутахассисони соҳаҳои забоншиносӣ, тарҷумашиносӣ ва адабиётшиносӣ натиҷаҳои таҳқиқ метавонанд ҳамчун раҳнамо дар ҳалли масоили назариявӣ ва амалӣ марбут ба воситаҳои тасвири бадеӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ хизмат кунанд.

5. Диссертатсияи мазкурро ҳангоми тадриси фанҳои забоншиносӣ, назария ва амалияи тарҷума, назарияи адабиёт, типологияи муқоисавӣ, мутолиа ва тарҷумаи адабиёти бадеӣ, тарҷума ва алоқии байниҳамдигарии адабиёт, фразеология, луғатнигорӣ, луғатшиносӣ ё ин ки таҳияи фарҳангҳои дузабона, китобу дастурамалҳои дарсӣ метавон ҳамчун маводди илмӣ ва амалӣ истифода қард.

6. Аз рӯйи натиҷаҳои диссертатсия метавон ба донишҷӯён, магистрантон, аспирантон ва докторантон (PhD)-и ихтисосҳои равияҳои ҷамъиятиву гуманитарӣ машғулиятҳоро ба роҳ монд, онро ҳамчун васоити тақмили ҳусни баён истифода бурд.

7. Барои муҳаққиқоне, ки дар соҳаи забоншиносии муқоисавӣ, муқоисавӣ-таърихӣ, тарҷума, махсусан, тарҷумаи бадеӣ, адабиёт ва нақди адабӣ таҳқиқоти муқоисавӣ анҷом медиҳанд, кори мазкур метавонад ҳамчун маводди назариявӣ ва амалӣ хизмат расонад.

8. Омӯзиши вижагиҳои санъатҳои бадеӣ, воситаҳои ифодаи онҳо ва ҳамзамон, муайян кардани роҳи усулҳои интиқоли онҳо дар доираи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ нишон дод, ки дар таҳқиқи масоили муҳталифи воситаҳои тасвири бадеӣ ҳанӯз ҷанбаҳои зиёде ба назар мерасанд, ки пажӯҳиши алоҳидаро тақозо менамоянд. Бинобар ин, бо дарназардошти муҳимияти воситаҳои тасвири бадеӣ метавон ба таҳлили ҷанбаҳои дигари мавзӯи мазкур даст зад.

9. Дар асоси таҳқиқоти мазкур маълум гардид, ки воситаҳои тасвири бадеӣ воҳидҳои махсуси забоние мебошанд, ки дорои маъноӣ маҷозӣ буда, барои ифоданок ва дилҷасп намудани нутқ ва бо ин васила, дар ниҳоди хонанда бедор намудани завқи эстетикӣ дар нутқи гуфтугӯӣ ва адабӣ зиёд истифода мешаванд. Аз ин рӯ, мутарҷим ва муҳаққиқони самтҳои забоншиносӣ, тарҷумашиносӣ ва адабиётшиносиро зарур аст, ки ҳангоми кор бо воситаҳои тасвири бадеӣ ҳамин нозуқиҳоро ба назар гирифта, аз натиҷаҳои дар диссертатсия нишондодашуда истифода баранд.

10. Таълифи диссертатсияи мазкур дар татбиқи “Барномаи давлатии тақмили таълим ва омӯзиши забонҳои русӣ ва англисӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи соли 2030” ва лоиҳаи бучетии “Мушкилоти “тарҷуманопазирӣ” дар шароити тавсеаёбии муносибатҳои байналмилалӣ Тоҷикистони муосир” (2024-2027) хеле муҳим арзёбӣ гардида, дастовардҳои илмӣ он ба мутахассисони соҳа барои ифодаи мафҳумҳои гуногуни илмӣ роҳнамоӣ хубе шуда метавонанд.

НАШРИ ТАЪЛИФОТИ ИЛМӢ ДАР МАВЗУИ ДИССЕРТАТСИЯ

I. Монография

[1-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Назария ва амалияи воситаҳои тасвири бадеӣ. Монография / Ҳ.Т. Соҳибназарова. – Душанбе, 2024. – 232 с.

**II. Таълифоти муаллиф дар мачаллаҳои илмӣ тақризшавандаи
Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии**

Тоҷикистон:

[2-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.**, Саидова, Д.М. Оид ба тарҷумаи баъзе рубоиёти Умар Хайём ба забонҳои русӣ ва англисӣ бо таваҷҷуҳ ба сохторҳои синтаксисӣ / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2020. – №7. – С. 76-81.

[3-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Оид ба хусусияти тарҷумаи воҳидҳои грамматикӣ бемуодил аз забони англисӣ ба забони тоҷикӣ ва баръакс / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2021. – №3. – С. 94-98.

[4-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.**, Зарипов, Қ.А. Таҳлили дараҷаи мутобиқати воҳидҳои лексикӣ забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ (дар мисоли асарҳои С. Айнӣ) / Ҳ.Т. Соҳибназарова, Қ.А. Зарипов // Паёми Донишгоҳи забонҳо. Силсилаи илмҳои филология, педагогика ва таърих. – Душанбе, 2022. – №1 (45). – С. 20-27.

[5-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Разновидность тропов и их общелингвистическая классификация в таджикском и английском языках / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ. Бахши илмҳои филологӣ – Душанбе, 2022. – №6-1 (101). – С. 24-31.

[6-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Ташбеҳ ва нақши он дар тарҷумаи асарҳои бадеӣ (дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ) / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2022. – №6-1 (101). – С. 81-86.

[7-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.**, Мустафоева, М.Р. Ҷумла ва мавқеи он аз нигоҳи забоншиносон / Ҳ.Т. Соҳибназарова, М.Р. Мустафоева // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2023. – №1 (102). – С. 16-20.

[8-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Проблемы использования художественной выразительности в таджикском и английском языках / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2023. – №1. – С. 103-110.

[9-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Взгляды учёных о художественной выразительности / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2023. – №2. – С. 158-164.

[10-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Терминологическое значение выразительных средств языка и способы их образования / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2023. – №3. – С. 134-137.

[11-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Лингвистическая природа метафор и способы их выражения в таджикском и английском языках / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2023. – №8. – С. 85-90.

[12-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Отражение видов метафор в таджикском и английском языкознании (на примере художественных текстов) / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2023. – №10. – С. 183-190.

[13-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т., Давлатова, М.О. Баррасии тахвилоти тарҷумонӣ ҳамчун омили номувофиқатии воҳидҳои луғавӣ ва мушкилоти он дар тарҷумаи бадеӣ / Ҳ.Т. Соҳибназарова, М.О. Давлатова // Паёми Донишгоҳи забонҳо. Силсилаи илмҳои филология, педагогика ва таърих. – Душанбе, 2024. – №2 (54). – С. 89-95.

[14-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Киноя ва нақши он дар тарҷумаи асарҳои бадеӣ (дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ) / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи забонҳо. Силсилаи илмҳои филология, педагогика ва таърих. – Душанбе, 2024. – №3 (55). – С. 73-80.

[15-М]. Турсунов, Ф.М., **Соҳибназарова Ҳ.Т.** Ономастика как феномен безэквивалентной лексики в переводе (на материале английского, русского и тажикского языков) / Ф.М. Турсунов, Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2024. – №3 (110). – С. 7-12.

[16-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Ташаккул ва таҳаввули санъати тамсил дар осори бадеии тоҷикиву англисӣ / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2024. – №6. – С. 47-53.

[17-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Санъатҳои бадеӣ ҳамчун падидаи тарҷуманопазирӣ / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2024. – №7. – С. 58-63.

[18-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Способы передачи средств художественной выразительности в переводоведение / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2024. – №8. – С. 122-127.

III. Мақолаҳои муаллиф дар маҷмуа ва нашрияҳои дигари илмӣ:

[19-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Грамматические трансформации при переводе сказуемого с английского на русском и обратно / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ “Нақши тарҷума дар замони муосир”. – Душанбе, 2017. – С. 178-187.

[20-М]. Турсунов, Ф.М., **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Таносуби мафҳумҳои зарбулмасал, мақол дар забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ аз нигоҳи тарҷума / Ф.М. Турсунов, Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ “Масъалаҳои мубрами тарҷума ва забоншиносӣ дар замони муосир”. – Душанбе, 2020. – С. 282-286.

[21-М]. Турсунов, Ф.М., **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Перевод и диалог цивилизаций / Ф.М. Турсунов, Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ “Забонҳои русӣ ва хориҷӣ: дурнамои тадрис дар

Муассисаҳои олии касбии Тоҷикистон бо истифодаи технологияи муосири таҳсилот”. – Душанбе, 2021. – С. 9-17.

[22-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Безэквивалентные грамматические единицы в английском и таджикском языках и способы их передачи / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ ҳайати профессорону омӯзгорони Муассисаҳои олии касбии Россия, Ўзбекистон ва Тоҷикистон “Масъалаҳои мубрами муоширати байнифарҳангӣ: бо ҳифзи гузашта ояндаро месозем”. – Самарқанд, 2021. – С. 220-224.

[23-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т., Зарипов, Қ.А. Сермаъноии калимаҳо дар матни бадеӣ ва мушкилоти тарҷумаи онҳо / Ҳ.Т. Соҳибназарова, Қ.А. Зарипов // Маводи конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ “Масъалаҳои мубрами забоншиносӣ ва адабиётшиносӣ дар замони муосир”. – Душанбе, 2022. – С. 236-240.

[24-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т., Саидова, Д.М. Ақидаи олимони тоҷик ва хориҷӣ роҷеъ ба таносуби истилоҳии санъатҳои бадеӣ / Ҳ.Т. Соҳибназарова, Д.М. Саидова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ “Забони русӣ дар фазои муосири дузабона”. – Душанбе, 2023. – С. 41-44.

[25-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Санъатҳои бадеӣ –омили барҷастаи офариниши унсурҳои “тарҷуманопазирӣ”-и забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ “Забоннамоёнаи хотираи гузаштаи таърихӣ ва ҳозира”. – Душанбе, 2024. – С. 343-346.

[26-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Аллегория и её способы выражения в переводе художественных произведений / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ “Ховаршиносии муосир ва дурнамои рушди он: масоили забоншиносӣ, матншиносӣ ва робитаҳои адабӣ”. – Хучанд, 2024. – С. 297-304.

[27-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Роҷеъ ба асосҳои назариявии «тарҷуманопазирӣ» / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии

байналмилалии “Масъалаҳои мубрами тарчумашиноӣ: назария ва методҳои таҳқиқи “тарчуманопазирӣ”. – Душанбе, 2024. – С. 12-16.

[28-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Роҳҳои ифодаи вожаҳои урфӣ-реалияҳо дар раванди тарҷумай асарҳои бадеӣ (дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ) / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Масъалаҳои мубрами истилоҳшиноӣ дар забонҳои гуногуншиноӣ”. – Душанбе, 2017. – С. 13-19.

[29-М]. Соҳибназарова Ҳ.Т. Оид ба қорбандии баъзе воҳидҳои бемуодил дар раванди тарҷума (дар мисоли матнҳои бадеӣ) / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Масъалаҳои мубрами муоширати забоншиноӣ ва байнифарҳангӣ”. – Душанбе, 2018. – С. 179-184.

[30-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т., Мирзоева, Г.Х. Ташбеҳ ва усули тадриси онҳангом тарҷумай асарҳои бадеӣ / Ҳ.Т. Соҳибназарова, Г.Х. Мирзоева // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Масъалаҳои мубрами тарҷума ва забоншиноӣ”. – Душанбе, 2019. – С. 141-148.

[31-М]. Давлатова, М.Қ. Соҳибназарова, Ҳ.Т., Фразеологические единицы соматизмом “hand”-“даст” в ассоциативном диапазоне таджикского и английского языков / М.Қ. Давлатова, Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Саҳми тарҷумонҳои касбӣ дар густириши соҳаи сайёҳӣ”. – Душанбе, 2021. – С. 89-93.

[32-М]. Соҳибназарова, Ҳ.Т. Усулҳои истифодаи воҳидҳои фразеологӣ ва қиссасҳои устувор дар раванди тарҷумай асарҳои бадеӣ / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Саҳми тарҷумонҳои касбӣ дар густириши соҳаи сайёҳӣ”. – Душанбе, 2021. – С. 13-17.

[33-М]. Давлатова, М.Қ., Соҳибназарова, Ҳ.Т. Тарҷума ва нақши беназири он дар даврони Истиқлолият / Ҳ.Т. Соҳибназарова, М.Қ. Давлатова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Ташаккул ва рушди тарҷумашиноӣ дар 30 соли Истиқлолияти давлатӣ”. – Душанбе, 2021. – С. 6-11.

[34-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Ташбеҳ ва роҳҳои интиқоли он аз забони англисӣ ба забони тоҷикӣ ва баръакс (дар мисоли асарҳои бадеӣ) / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Масъалаҳои муҳими омӯзишу тадриси забонҳои хориҷӣ дар шароити рушди инноватсионӣ”. – Душанбе, 2021. – С. 29-34.

[35-М]. Турсунов, Ф.М., **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Роҷеъ ба муодилокии воҳидҳои луғавӣ дар тарҷумани бадеӣ (дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ) / Ф.М. Турсунов, Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Ҷанбаҳои забоншиносӣ ва иҷтимоии тарҷума дар шароити бисёрфарҳангии таҳсилот”. – Душанбе, 2022. – С. 59-64.

[36-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Инъикоси истилоҳнигории маҷоз дар илми забоншиносӣ / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Масъалаҳои тарҷума ва тарҷумашиносии тоҷик: вазъият ва дурнамо”. – Душанбе, 2023. – С. 46-54.

[37-М]. Турсунов, Ф.М., **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Баъзе масъалаҳои тарҷуманопазирӣ / Ф.М. Турсунов, Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Усулҳои тақмили таълими забони англисӣ дар муассисаҳои таҳсилоти миёнаи умумӣ ва олии касбии Ҷумҳурии Тоҷикистон”. – Душанбе, 2023. – С. 191-193.

[38-М]. Турсунов, Ф.М., **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Сравнения и их репрезентация в художественном переводе / Ф.М. Турсунов, Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии “Забони тоҷикӣ дар арсаи паёмадҳои нав”. – Душанбе, 2024. – С. 37-41.

[39-М]. **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Таҳлили муодилокии баъзе воҳидҳои фразеологӣ ва зарбулмасалу мақолҳо аз забони тоҷикӣ ба забони англисӣ (дар мисоли асари “Treasure Island”-и Стивенсон) / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маводи конференсияи илми амалии ҳайати профессорону устодон ва донишҷӯёни ДДЗТ ба номи Сотим Улуғзода “Омӯзиши масъалаҳои умдаи филология ва тарҷума дар даврони соҳибистиклолӣ”. – Душанбе, 2021. – С. 87-93.

[40-М]. **Соҳибназарова Ҳ.Т.** Санъати сухан дар раванди тарҷума / Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишкадаи забонҳо. Силсилаи илмҳои филологӣ, педагогӣ, таърих ва фалсафӣ. – Душанбе, 2017. – №1 (25). – С. 12-17.

[41-М]. Бобоалиева З.П., **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Чойгоҳи санъати тамсил дар осори бадеии тоҷику англис / З.П. Бобоалиева, Ҳ.Т. Соҳибназарова // Паёми Донишкадаи забонҳо. Силсилаи илмҳои филологӣ, педагогӣ, таърих ва фалсафӣ. – Душанбе, 2018. – №2-3 (30-31). – С. 57-60.

[42-М]. **Sohibnazarova, H.T.** Grammatical transformations of translating the predicate from English into Tajik and back / H.T. Sohibnazarova // Илми мубрам: Маҷаллаи илмии байналмилалӣ. – Волгоград: НИЦ “Абсолют”, 2017. – № 4. – С. 81-85.

[43-М]. Турсунов, Ф.М., **Соҳибназарова, Ҳ.Т.** Тарҷумонӣ ва худшиносӣ / Ф.М. Турсунов, Ҳ.Т. Соҳибназарова // Маҷаллаи тарҷумонҳои ҷавон “Машъалафрӯз”. – Душанбе, 2019. – №1 (1). – С. 29-36.

[44-М]. **Sohibnazarova, H.T.** The structure and grammatical transformations of predicate from English into Tajik and vice versa / H.T. Sohibnazarova // Паёми Донишкадаи забонҳо. Силсилаи илмҳои филологӣ, педагогӣ ва таърих. – Душанбе, 2020. – №4 (40). – С. 13-18.

**ТАДЖИКСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ СОТИМА УЛУГЗАДЕ**

На правах рукописи

УКД: 809.155+802.0:82.035 (81.2 Тадж+81.2 Англ: 81)

СОХИБНАЗАРОВА ХАВАСМОХ ТИЛЛОЕВНА

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДСТВ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ОРИГИНАЛЕ И
ПЕРЕВОДЕ НА МАТЕРИАЛЕ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКОВ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-
историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

ДУШАНБЕ – 2025

Диссертация выполнена на кафедре сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде

Научный консультант: **Турсунов Фаёзджон Мелибоевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде

Официальные оппоненты: **Каримзода Шухрат Бозор** – доктор филологических наук, доцент, Директор Государственного образовательного учреждения “Президентская школа для одарённых детей в Дангаринском районе Хатлонской области”

Максудов Умед Олимович – доктор филологических наук, доцент кафедры языков факультета финансов и учёта “Худжанского международного института” Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана

Сабирова Сановбар Ганиевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой “Лингвистика” филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение “Бохтарский государственный университет имени Носира Хусрава”

Защита диссертации состоится «19» июня 2025 года, в 13⁰⁰ на заседании диссертационного совета 6D.KOA-021 при Таджикском национальном университете (адрес: город Душанбе, Буни Хисорак, учебный корпус №10, зал учёного совета филологического факультета).

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в центральной библиотеке Таджикского национального университета (734025, город Душанбе, проспект Рудаки, 17).

Автореферат разослан «___» _____ 2025 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Мирзоёров Ф.Н.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

автореф. - автореферат

англ.- Английский

букв. – буквальный

ВАК – Высшая аттестационная комиссия при Президента Республики Таджикистан

дисс. – диссертация

др. – другие

и т. д. - и так далее.

ИЯ – исходный язык

канд. – кандидат

ЛМ – лингвистическая метафора

ПиП – пословицы и поговорки

с. - страница

СХВ – средства художественной выразительности

тадж. – таджикский

ФЕ – фразеологические единицы

филол. – филологический

ХМ – художественная метафора

ЯП – язык перевода

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Настоящая диссертация посвящена изучению лингвистического аспекта некоторых продуктивных видов средств художественной выразительности и особенностей их перевода в художественных текстах таджикского и английского языков. Следует отметить, что персидско-таджикские и английские литературные произведения занимают особое место в мировой литературе, покоряя читателей своей тонкостью, изяществом и эстетической глубиной. Среди наиболее ярких и убедительных инструментов передачи идей в эволюции художественной литературы — использование языковых средств, которые часто служат основой для художественного выражения в переносном значении. Изучение литературных взаимодействий между персидско-таджикской культурой и литературами, культурами и цивилизациями других народов имеет долгую историю, уходящую корнями в глубокую древность. За прошедшие столетия эта область превратилась в устоявшуюся научную школу, обогащенную вкладом выдающихся таджикских ученых. Их труды не только способствовали развитию теоретических знаний, но и позволили получить практическое представление об искусстве художественного перевода, превратив его в сложную и динамичную область исследований.

Средства художественной выразительности (СХВ) используются в художественной литературе в различных стилистических целях, и, как известно, речь идёт о тождестве значений слов, требующих понимание стиля на высоком уровне.

Одной из основных задач, стоящих перед исследователями двуязычной литературы, является перевод СХВ. Несмотря на то, что в научном сообществе уже предложено множество ценных идей по интерпретации различных СХВ, практическая реализация методов перевода и процессов трансформации остается недостаточно изученной. В результате читатели переведенных произведений часто сталкиваются с трудностями в полноценном восприятии содержания оригинального текста.

Примечательно, что при переводе СХВ, относящихся к безэквивалентным единицам, чаще всего применяются грамматические трансформации, в то время как в случае с эквивалентными единицами преобладают лексические трансформации. Эти механизмы играют решающую роль в достижении точного перевода, сохраняющего как семантическую, так и эстетическую целостность исходного текста.

Хотя теоретические проблемы СХВ и их эффективного использования в художественных текстах, начиная с поэмы и заканчивая языком прозы, в некоторой степени изучены, в теории и практике перевода существует множество дискуссий, привлекающих внимание специалистов в данной области.

В данной диссертации на материале таджикского и английского языков проводится комплексный анализ взаимосвязи перевода отдельных продуктивных типов СХВ и исследуются пути и методы преодоления существующих трудностей при их передаче. СХВ играют важнейшую роль в формировании эстетической структуры художественного текста, способствуя его образности и эмоциональной глубине.

Важно отметить, что, хотя СХВ охватывают широкий спектр форм, данное исследование фокусируется только на наиболее продуктивных и репрезентативных типах. Их выбор обусловлен как теоретической важностью, так и практической значимостью. С помощью глубокого лингвистического анализа в данном исследовании оценивается эффективность различных методов перевода в сохранении смыслового и стилистического воздействия СХВ при передаче их из исходного текста в переводной.

Актуальность данного исследования также заключается в углублённом изучении СХВ и их лингвистических и переводческих аспектов в таджикском и английском языках. Цель исследования – выявить лексико-структурные, синтактико-морфологические и стилистические характеристики СХВ, которые остаются недостаточно изученными в сопоставительном контексте двух языков. В этих рамках в исследовании проводится систематический анализ ключевых компонентов СХВ с акцентом на их грамматические и переводческие функции,

а также на их вклад в формирование связных и коммуникативных структур предложения.

Также данные условия и факты послужили благоприятным основанием для выбора диссертации на тему «Сопоставительное исследование средств художественной выразительности в оригинале и переводе на примере таджикского и английского языков (лингвистический и переводческий аспекты)».

Целесообразно изучить структуру, семантику и лексическое значение средств художественной выразительности в оригинале и переводе двух языков, потому что хорошее знание грамматических и стилистических особенностей способствует правильному пониманию и использованию их в предложении и в адекватном переводе. Поэтому, исследование лингвистических особенностей выбранных нами видов СХВ является актуальным, и их изучение представляет собой особую научно-теоретическую и научно-практическую значимость.

Степень изученности научной темы. Несмотря на то, что вопрос об изучении СХВ и их лингвистического и переводческого аспектов, то есть лингвистических особенностей перевода художественной литературы, уже давно находится в центре внимания зарубежных и отечественных лингвистов, до сих пор нет универсальной и единой системы относительно их перевода и терминообразования в словарях и научных работах.

Большинство исследователей считают СХВ и их разнообразные формы ключевым элементом литературного творчества. Эта точка зрения подкреплена значительным объёмом научных работ, демонстрирующих эффективность их аналитических подходов. В этих научных исследованиях подробно рассматриваются различные аспекты и приемы выражения СХВ, что подтверждает их значимость для изучения и интерпретации литературных текстов.

Научно-исследовательские работы ряда учёных в данной области посвящены тому или иному аспекту особенностей художественной литературы, в выражении которых очевидна роль СХВ. Об этом свидетельствуют работы

отечественных исследователей, таких как Р. Ватвот, Х.В. Кошифи, А.М. Хусайни, Т. Зехни, А. Мусулмониён, Х. Шарифов, М.Н. Махмадаминов, Б. Камолетдинов, У. Тоиров, М. Курбонов, А. Абдукодиров, А. Афсахзод, Ю. Бобоев, Р. Гаффоров, М.К. Саломов, Дж.Дж. Мурувватиён, Г. Нозимова, С.С. Аброров, М.М. Ансорова, С.О. Шералиев, Т.М. Талабова, Х.К. Гулямов и зарубежные А.В. Фёдоров, В.В. Виноградов, А.А. Реформацкий, И.С. Алексеева, В.В. Сдобников, С. Влахов, С. Флорин, В.М. Жирмунский, Е.А. Берецкая, Б.Г. Бобилев, Л.А. Вельчева, Л.Б. Бей, Л.В. Рыжкова, Д.Э. Розентал, Л.И. Скворцов, Л.Ю. Иванов, А.Б. Есин, И.Р. Гальперин, В.П. Москвин, Н. Абрамов, З.Е. Александрова, Ю.А. Оганесова, Т.Б. Маклакова и многих других.

В монографии М.К. Саломова под названием «Метафора в газелях Хафиза Ширази» рассматриваются лексическое и терминологическое объяснение тропов, способы их выражения, их характеристики и место в языке поэзии, лексико-грамматическая структура метафорических выражений и т.п., а также языковые особенности СХВ в газелях Хафиза Ширази.

В диссертации Г.С. Нозимовой на тему «Возникновение и развитие аллегории в таджикской литературе X – первой половины XI века» рассмотрен вопрос возникновения и эволюции искусства притчи в персидско-таджикской литературе X и первой половины XI века, отдельно рассматривались семантические особенности, признание отличия притч от других видов СХВ, а изучение источников притч в пехлевийской литературе являются предметом отдельного исследования.

Рассматриваемой проблеме посвящена также диссертационная работа С.С. Абророва под названием «Структура, семантика и грамматические особенности метафорических выражений в поэзии Ходжи Хусайна Хатлони», в которой основное внимание уделяется структурно-семантическим и грамматическим особенностям метафорических выражений в поэзии Ходжи Хусайна Хатлони. Реферируемое диссертационное исследование существенно отличается от упомянутой выше работы, так как специальные исследования лингвистического и переводческого аспектов СХВ в рамках двух языков, то есть таджикского и

английского, с привлечением материалов художественной литературы в нём не упоминаются.

В работе М.М. Ансоровой под названием «Лингвоцветовая картина мира в разноструктурных языках: семантико-стилистический аспект» основное внимание уделяется теоретико-методологическим основам изучения цветообозначений как единиц образного выражения и роли метафоры и метафорических символов в репрезентации цветовой картины мира в рамках двух языков – таджикского и английского. Однако, в данной работе не исследованы типы и способы выражения метафоры в сопоставляемых языках.

Следует отметить, что лексико-грамматические особенности СХВ нашли свое отражение в диссертационной работе Т.М. Талабовой под названием «Лексико-грамматические средства выразительности в таджикских и английских газетах (на основе политических текстов)». Данная диссертация отличается от нашей работы тем, что наше исследование включает в себя комплексное изучение и классификацию средств художественной выразительности (СХВ), которые занимают отдельное и значимое место. Хотя автор данной работы рассматривает грамматические трансформации, используемые при переводе таджикских и английских газет (в рамках политического дискурса), в ней нет явной попытки уточнить способы передачи СХВ на практическом уровне.

В диссертационной работе С.О. Шералиева на тему «Способы выражения метафор «пространство», «время» и «жизнь» в разноструктурных языках» основное внимание уделено важным компонентам таджикской, русской и английской языковых культур – метафоре пространства, времени и жизни, но здесь «метафора», в целом, рассматривается не как «истиора» (метафора), а как «мачоз» (троп).

В монографии Х.К. Гулямова определяются роль и функции метафоры в формировании художественного текста, а также показано ее место в языковой картине мира таджиков и англичан на примере художественных текстов.

Интересно представлен данный вопрос в диссертации и автореферате Т.Б. Маклаковой под названием «Роль тропов и фигур речи в целом тексте

(симметро-позиционный аспект)». В работе речь идёт об основных трудностях изучения СХВ и проблемах их классификации с научной точки зрения. В данной диссертации не исследованы соотносительные и пространственные вопросы СХВ в переводческом аспекте.

Вопросы перевода и переводческие аспекты СХВ в сопоставительном плане в рамках английского и таджикского языков до сих пор не становились объектом специальных научных исследований в Таджикистане и других странах, хотя некоторые аспекты их выражения на примере других лексических единиц в переводческом аспекте изучались в научно-исследовательских трудах отечественных исследователей, таких как Ф.М. Турсунов [1999г., 2016г.], А. Мамадназаров [2013г.], Дж.Дж. Мурувватиён [2018г., 2020г.], С.Р. Кесамирова [2019г.], А.Х. Наврузов [2021г.], К.А. Зарипов [2023г.], М.О. Максудов [2024г.] и др.

Что касается проблем перевода СХВ, то они ярко представлены в работах Ф.М. Турсунова, под названиями «Лексико-семантический анализ пословиц и поговорок в таджикском и русском языках: на материале произведений Фазлиддина Мухаммадиева» [1999г.] и «Сопоставительное исследование безэквивалентной лексики в лингвокультурном и переводческом аспектах (на материале английского и таджикского языков)» [2016г.]. Но дело в том, что в этих работах анализируется только использование СХВ в составе пословиц, поговорок, реалий, ономастики и безэквивалентных единиц языка в целом. Следует отметить, что пословицы и поговорки с точки зрения стилистики и литературы тоже считаются СХВ и используются в переносном значении.

Итак, данная точка зрения отражена в докторской работе как сопоставительные и функциональные аспекты и критерии адекватности при передаче безэквивалентной лексики на материале художественной и публицистической литературы английского и таджикского языков с привлечением материалов русского языка.

Переводоведами и языковедами подчеркнута ведущая роль СХВ и их применение в художественной литературе, однако их переводческие трансформации все еще достаточно неизучены в теории перевода.

Исследования Дж.Дж. Мурувватиён, которые внесли ценный вклад в развитие литературных связей, посвящены переводу и переводческой деятельности. В её кандидатской работе под названием «Становление филологического романа в таджикской литературе XX века (на примере романа «Фирдоуси» Сотима Улугзода)» [2018г.] и докторской работе на тему «Проблемы становления и развития художественного перевода в таджикской литературе XX века (на материале переводов Сотима Улугзода)» [2020г.] основное внимание уделено специфике художественного перевода в Таджикистане в 30-е годы.

В-третьей и четвёртой главах докторской диссертации основное внимание уделено особенностям перевода иронии и метафор, которые являются одним из видов СХВ – тропами.

Далее другие исследовательские работы Дж. Дж. Мурувватиён - «Филологические сюжеты» [2022г.], «Размышления о литературе и художественном переводе» [2024г.] и «Особенности перевода метафор с таджикского языка на русский в художественном тексте (по классификации М.А. Смирновой)» [2022г.] и др. посвящены СХВ и их особенностям, и внесли ценный вклад в развитие таджикской литературы и её взаимосвязей с литературами других стран, где перевод играет важную роль.

Лингвистическая сущность эквивалентности СХВ на примере лексических единиц и их реализации в художественной литературе наблюдается в кандидатской диссертации С.Р. Кесамировой под названием «Сравнительный анализ уровней межъязыковой эквивалентности лексических единиц в переводческом аспекте (на примере таджикского и английского языков)» [2019г.]. В работе чётко отмечена важность изучения и сопоставительного анализа уровней эквивалентности межъязыковых лексических единиц в английском и таджикском языках. Хотя в данной работе, то есть в составе

бэзэквивалентных и эквивалентных лексических единиц, существует много СХВ, но они, в целом, проанализированы по-другому и с другой точки зрения.

В работе А.Х. Наврузова под названием «Проблема адекватности перевода и сохранения авторского стиля в переводах художественного текста с русского языка на таджикский (на материале перевода романа М. Шолохова “Тихий Дон” на таджикский язык, выполненного Э. Муллокандовым)» [2021г.] обсуждается проблема понимания стилистических особенностей при переводе и сохранения авторской идеи при переводе художественных произведений, которая создает немало препятствий для переводчиков.

Хотя диссертационная работа К.А. Зарипова под названием «Лексические проблемы в художественном переводе» [2023г.] посвящена проблемам перевода лексических единиц в художественном переводе и в ней обсуждаются лексическо-семантические и стилистические проблемы перевода лексических единиц, в этой работе не ведутся рассуждения относительно СХВ, которые составляют важнейший компонент художественной литературы. Только в одной её части исследовано понятие эквивалентности и бэзэквивалентности фразеологических единиц с привлечением примеров из художественной литературы, что частично касается вопросов настоящей диссертационной работы.

Вопросы лингвистических особенностей перевода в связи с изменениями в передаче художественного текста, в том числе вопросы лексико-семантических, семантико-грамматических, синтаксическо-морфологических и стилистических замен в художественном тексте подробно рассмотрены в докторской диссертационной работе У.О. Максудова под названием «Межязыковая асимметрия и переводческая трансформация в художественном тексте таджикского и английского языков» [2024г.]. В работе речь идёт о межязыковой неравномерности и её влиянии на процесс перевода художественной литературы. Данная диссертация посвящена лингвистическим аспектам перевода, в частности проблемам, возникающим в связи с несоответствиями и диспропорциями лексических единиц при переводе художественных

произведений. Это важная область исследования в переводоведении как в теоретическом, так и в практическом плане.

Несмотря на это, вопрос о лингвистических и переводческих трансформациях и проблемах СХВ в художественном переводе таджикского и английского языков и их терминологических несоответствиях в переводе исследован недостаточно.

Отдельные исследования, связанные с классификацией СХВ в двуязычных и толковых словарях и словарях, их взаимодополняемость в других источниках в результате перевода образных средств языка с таджикского на английский и наоборот, проводились, но комплексный анализ лексико-терминологического значения образной лексики, механизмов ее формирования и общелингвистической классификации в рамках таджикского, английского и других языков до сих пор не осуществлён.

Связь исследования с программами (проектами) и научными темами.

Диссертационная работа написана в рамках научно-исследовательской работы кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода переводческого факультета Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде. Данная тема также связана с «Государственной программой совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года» и бюджетного проекта «Проблемы «непереводимости» в условиях расширения международных связей современного Таджикистана» (2024-2027 гг.)».

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью диссертационной работы является комплексный сравнительный анализ языковых аспектов средств художественной выразительности в переводческом аспекте на примере таджикских и английских художественных текстов. В процессе исследования средства художественной выразительности, выбранные автором, рассматриваются с точки зрения структуры, семантики,

способов выражения и функциональных особенностей в системе художественной литературы.

Задачи исследования. Для достижения целей исследования целесообразно реализовать следующие конкретные **задачи**:

- сбор и анализ теоретических материалов о средствах художественной выразительности в таджикском и английском языках;

- интерпретация словарных понятий, терминологии и выражения средств художественной выразительности в сравниваемых языках;

- обзор классификации средств художественной выразительности в рассматриваемых языках;

- определить теоретические основы места средств художественной выразительности в переводоведении и художественном переводе;

- сопоставительная характеристика метафоры, эпитета, аллегории, притчи, метонимии, синекдохи, антономазии, перифраза, гиперболы и литоты в таджикском и английском языках;

- демонстрация способов перевода средств художественной выразительности в переводоведении;

- анализ примеров перевода средств художественной выразительности, связанных с лексической трансформацией;

- определить случаи применения приемов лексических и грамматических трансформаций в связи со средствами художественной выразительности;

- выявление проблемы «непереводимости» и её влияние на перевод средств художественной изобразительности;

- подтверждение роли фразеологизмов, пословиц и поговорок в художественном образе с точки зрения перевода.

Объектом исследования являются лексические единицы как средства художественной выразительности и способы их перевода в рамках таджикского и английского языков.

Предметом исследования является сопоставительное и переводческое исследование слов – средств художественной выразительности на примере художественных текстов таджикского и английского языков.

В качестве **гипотезы** диссертации необходимо использовать процесс, способный оказать положительное влияние на результат значения и содержания переводимого языка. Процесс использования и формирования перевода средств художественной выразительности с языка оригинала на язык перевода будет эффективным и совершенным, **если:**

- автор произведения правильно употребляет их и в переводе подбирается подходящее слово;

- происходит правильное использование лексических замен во время трансформации с языка оригинала на язык перевода;

- структура предложения «распознаётся» или «диагностируется» правильно, что способствует правильному пониманию содержания предложения;

- достаточно правильно понимаются отношения между разными компонентами структуры предложения (субъектом, предикатом, определением, обстоятельством причины, цели, условия и т. д.) в синтаксической системе языка.

Теоретические основы исследования составляют научные труды выдающихся отечественных и зарубежных исследователей, таких как Р. Ватвот, Х.В. Кошифи, А. Хусайни, Т. Зехни, Х. Шарифов, М.Н. Махмадаминов, У. Тоиров, М. Курбонов, А. Абдукодиров, Ю. Бобоев, Р. Гаффоров, М.К. Саломов, Дж.Дж. Мурувватиён, Г. Нозимова, С.С. Аброров, А.В. Фёдоров, В.В. Виноградов, А.А. Реформатский, И.С. Алексеева, В.В. Сдобников, С. Влахов, С. Флорин, В.М. Жирмунский, Е.А. Берецкая, Б.Г. Бобилев, Л.А. Вельчева, Л.Б. Бей, В.П. Москвин, Т.Б. Маклаков и другие.

Методы исследования. Решению поставленных в исследовании задач в наибольшей степени отвечают, как нам представляется, **методы** сопоставительного языкознания и переводческой интерпретации. При решении этих задач особое значение обретают сходства и различия между

рассматриваемыми языками. Среди них особое внимание уделяется методам наблюдения (анализ теоретического материала), сравнительно-сопоставительному анализу таджикского и английского языков в сфере проявления СХВ, их структурному и функциональному анализу, семантико-синтаксической характеристике, приёмам субституции.

В работе также использованы приёмы лингвистического анализа слов, словосочетаний, разных предложений, которые имеют переносные значения с целью наиболее полного раскрытия грамматической сущности СХВ таджикского языка для эффективного сравнения их с английским языком и выявления видов грамматической трансформации при переходе функций и значений СХВ в рассматриваемых языках.

Источниками примеров исследования являются таджикская и английская литература – «Ёддоштҳо» (Reminescences – Воспоминания) и «Марги судхӯр» (The death of the userer (the death of money-lender – Смерть ростовщика) С. Айни, «Jane Eyre» (Чен Эйр – Джен Эйр) Шарлотты Бронте, «The old man and the sea» (Пирамард ва баҳр – Старик и море) Э. Хемингуэя.

Важно отметить, что в связи с широким охватом темы исследования в диссертацию включены примеры из нескольких дополнительных источников. Эти примеры были взяты из справочных материалов и двуязычных словарей, которые представляют значительную научную ценность и способствуют глубине и достоверности исследования.

Научная новизна диссертации заключается в том, что на основе проведенного исследования на теоретическом материале двух языков осуществлено сопоставительное изучение СХВ в оригинальном и переводном текстах. Кроме того, предпринята попытка изучить эти эффективные языковые средства, приемы перевода, их применение и функциональную активность в системе художественного произведения.

Впервые был проведен анализ адекватного перевода СХВ и словарно-терминологических особенностей тропов в рамках двух языков. Рассмотрены лексико-грамматические факторы СХВ, их терминологические несоответствия в

толковых и двуязычных словарях и способы их выражения в составе безэквивалентных лексических единиц, которые влияют на процесс перевода художественной литературы.

В связи с этим, в диссертации была предпринята первая попытка внести ясность в систему и структуру некоторых СХВ, которые всё ещё не изучены полностью поскольку именно в рамках двух языков, определяются лингвистический и переводческий аспекты.

Интересно, что эти образцы в сравниваемых языках могут совпадать, но системы в целом почти всегда различаются. В лингвистической науке давно установлено, что в индоевропейских языках, куда входит и таджикский язык, характерны так называемые СХВ языка как структурные образцы, содержащие тропы и фигуры речи в определённой форме.

Анализ многообразия тропов и их содержания, играющих значительную роль в создании художественных образов, показал, что у них много классификаций и разновидностей. В рамках одной диссертации невозможно показать специфику всех видов СХВ и их интерпретации, и мы ограничились лишь анализом и способами перевода некоторых из них, таких как: метафора, эпитет, метонимия и ее разновидности, притча, аллегория, перифраза, гипербола и литота.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Изучение тропов и его видов как СХВ в таджикском и английском языках представляет значительные трудности. Основная причина – сложность и многогранность структуры, семантика и способы перевода. Недостаточно изучены семантические особенности языковых единиц в составе предложений художественных произведений;

2. Для определения роли СХВ в формировании литературных произведений была предпринята попытка анализа его лексической и грамматической значимости, выявить феномен тропов в структуре рассматриваемых языков, описать виды тропов как ключевые особенности построения предложения, доказать значимость СХВ в формировании состава

безэквивалентных единиц, а также на основе конкретных примеров установить сходства и различия между ними.

3. Подтверждено, что сопоставительный анализ тропов как одного из главного вида СХВ с точки зрения структуры и семантики, а также способов их выражения при переводе языка текста оригинала, который вызывает лексические несоответствия, имеет теоретическое и практическое значение;

4. Выявлены общие черты и различия между способами выражения и классификации СХВ в сопоставляемых языках;

5. Анализ неадекватного перевода тропов и способов их использования в составе предложения английского и таджикского языков показал, что несоответствия между СХВ языка оригинала и языка перевода проявляются не только в их функциональных, но в большей степени в грамматических и лексико-стилистических факторах;

6. Установлено, что структурно-семантические несоответствия между СХВ английского и таджикского языков стали причиной неправильного выражения некоторых тропов в двуязычных словарях;

7. Исследование СХВ в прозаических произведениях двух языков имеет большое значение, поскольку при переводе с одного языка на другой могут допускаться некоторые переводческие ошибки;

8. Неправильное применение методов перевода СХВ приводит к дословному переводу, который не всегда дает желаемый результат.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертации дополняют теорию СХВ с точки зрения сопоставления и перевода и представляют благоприятную и надежную основу для дальнейших исследований в этом направлении. Диссертация может служить материалом для проведения теоретических курсов по грамматике, сравнительной типологии таджикского и английского языков, спецкурсов и для научно-исследовательских работ. В то же время, это может иметь значение для развития и расширения сопоставительных исследований языков в сравнительной и когнитивной лингвистике, теории и практике перевода, стилистике и культурологии.

Выводы и результаты, полученные в ходе лингвистического и переводческого исследования СХВ таджикского и английского языков, могут быть использованы в процессе преподавания сравнительного языкознания, теории и практики перевода. Определенные сведения о природе средств художественного образа могут быть использованы на практических уроках грамматики таджикского и английского языков высших учебных заведений, а также при написании и разработке учебников и учебных пособий, написании кандидатских и докторских диссертаций и других научно-исследовательских работ.

Степень достоверности и апробация работы. В диссертации проводится сравнительное исследование примеров применения некоторых продуктивных СХВ и их языковых и переводческих аспектов на двух языках. Научный анализ переводов в классификации СХВ проведен на базе мнений учёных и исследователей в этой области, а также точного перевода видов СХВ.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Данная диссертационная работа на тему «Сопоставительное исследование средства художественной выразительности в оригинале и переводе на примере таджикского и английского языков (лингвистический и переводческий аспекты)» соответствует шифру специальности, утвержденному ВАК при Президенте Республики Таджикистан 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Личный вклад автора состоит в том, что автором впервые осуществлено специальное сравнительное исследование СХВ в тексте оригинала и перевода и рассмотрены достижения и упущения перевода в выражении СХВ в целом и в составе безэквивалентных единиц в художественных текстах рассматриваемых языков. Собранный автором теоретический и практический материал вносит ценный и эффективный вклад в решение ряда существующих проблем таджикского языкознания и перевода. Также автором самостоятельно проведены сбор и обработка исследуемого материала и анализ предложений из

художественной литературы и их переводов, что соответствует цели и задачам диссертации.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.

Диссертация была подготовлена на кафедре сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде, а ее содержание было представлено в виде докладов и статей на международных, республиканских и университетских научно-практических конференциях, таких как Международная научная конференция России, Узбекистана и Таджикистана на тему «Актуальные вопросы межкультурной коммуникации: защищая прошлое, мы создаем будущее», – Самарканд, 2021 (на русском языке); Международная научно-практическая конференция на тему «Современная журналистика и перспективы ее развития: вопросы языкознания, текстологии и литературных связей», – Худжанд, 2024 г. (на русском языке); Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы переводоведения: теория и методы исследования «непереводимости»», – Душанбе, 2024 г. (на таджикском языке) и т.д.), Республиканская конференция на тему «Важные вопросы изучения и преподавания иностранных языков в условиях инновационного развития», – Душанбе, 2021 (на таджикском языке); Республиканская конференция «Проблемы таджикского перевода и переводоведения: состояние и перспективы», – Душанбе, 2023 (на таджикском языке); Научно-практическая республиканская конференция на тему «Таджикский язык в арене новых последствий», – Душанбе, 2024 (на русском языке) и др.), // Научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава и студентов Таджикского государственного института языков имени Сотима Улугзода на тему «Изучение основных вопросов филологии и перевода в эпоху независимости», – Душанбе, 2021 г. (на таджикском языке) и др.).

Данная диссертация обсуждалась на совместном заседании кафедр сопоставительного языкознания и теории перевода, общего языкознания,

лингвистики и журналистики Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде (протокол №6/1 от 30.01.2025).

Публикации по теме диссертации. Материал и основные положения диссертационного исследования отражены в международных и республиканских научно-практических конференциях Таджикистана и за его пределами (2017-2025 годы), а также в 43 опубликованных статьях автора в научных журналах, в том числе 17 статей, опубликованных в рецензируемых журналах, включенных в перечень ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении диссертации приводятся сведения об актуальности исследования, степени изученности темы, связь исследования с научными программами и темами, цель, задачи, объект, предмет, теоретические основы исследования, методы исследования, источники и научная новизна исследования, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования, степень достоверности и апробация работы, соответствие темы диссертации паспорту научной специальности, личный вклад автора ученой степени в исследование, апробация результатов исследования, публикация научных работ по теме диссертации, структура и объем диссертации.

Первая глава диссертации под названием **«Теоретические аспекты исследования средств художественной выразительности в языкознании»** состоит из 2 разделов.

В первом разделе первой главы под названием **«Обзор лингвистических исследований, связанных с использованием средств художественной выразительности»** рассматриваются лингвистические исследования, связанные с использованием СХВ.

Безусловно, «художественное слово – это речь часто не нейтральная, а взволнованная, окрашенная различными эмоционально-экспрессивными

полутонами и оттенками, богато и разнообразно интонированная» [15, с. 12]. Мнение Рыжкова-Гришина поддерживает М.М. Сперанский, который выразил: «Художественное слово – это «правила высшего красноречия» – это речь со странностью. Под странностью в слове я разумею сии места, где сердце оратора говорит сердцу слушателей, где воображение воспламеняется воображением, где восторг рождается восторгом» [16, с. 23]. Далее он отмечает, что «божество красноречия обитающим в великолепном храме» [16, с. 23]. Данное выражение свидетельствует о том, что ораторское искусство – это вопрос поэтического языка, и нечто таинственное и огромная способность и искусство, проявление которых при переводе затруднительное дело.

Следует отметить, что в таджикском языке определение «воситаи тасвири бадей» (средства художественной выразительности) создано как переводной эквивалент русских составных понятий, таких как «изобразительно-выразительные средства» или «средства изображения» и «средства выражения», которые широко используются как в художественной литературе, так и в разговорной речи. Значение «санъати бадей» (досл.: художественное искусство) подверглось влиянию русского понятия «художественное средство или искусство» и приобрело новую познавательную функцию, употребленную в эмоционально-экспрессивных значениях слов в составе предложений, которые изучает «риторика» (илми бадеъ). Этот предмет преподают как изучение художественных методов поэзии и прозы. Из этого следует, что выражения «средства художественного изображения» (воситаҳои тасвири бадей) и «художественное искусство» (санъатҳои бадей) могут полностью заменять друг друга, то есть сфера их употребления одинакова.

Начало серьёзному исследованию языковых проблем художественного искусства было положено советскими учёными, работы которых подробно рассмотрены в диссертации.

Таким образом, СХВ играют важную роль в языковом оформлении художественного текста, и в связи с необходимостью и способом их

использования в научных исследованиях отечественных и зарубежных исследователей подробно рассмотрены в данном разделе работы.

Во втором разделе под названием **«Разграничение лексических и терминологических понятий средств художественной выразительности на базе словарей»** анализируются лексические и терминологические понятия СХВ на базе толковых и двуязычных словарей и предлагаются подходящие термины для их выражения. При рассмотрении определения СХВ в словарях и научных книгах можно обнаружить несколько значений, и каждый исследователь определяет их по-своему. По мнению некоторых исследователей, «художественные искусства делятся на две большие группы: смысловые искусства, которые создаются на основе значения слов, фраз и предложений; речевые искусства, основанные на структуре слов, словосочетаний и предложений» [1, с. 13; 18, с. 6]. Мнение А. Хусайни поддерживается в книге Т. Зехни, и на основе речевой и смысловой выразительности он выделяет много групп тропов: ташбех (эпитет), истиора (метафора), муболиға (гипербола), киноя (аллегория), тазод ва муқобила (антитеза) и другие [7, с. 61], но в основном в книге автор не считает это деление важным: «Деление художественного искусства на две группы не является строгим и фиксированным. Некоторые из авторов считают их смысловыми, а некоторые – речевыми. Также некоторые авторы исследовали их как речевую и смысловую. Мы в своей работе художественные средства, состоящие из каламбуров и игры слов, относим к речевым средствам, а остальные – к смысловым, среди которых встречаются и двойные средства» [7, с. 61]. Поэтому в данной книге с точки зрения правописания и игры слов отнесены к речевым и смысловым средствам и включаются сюда все СХВ

Мнение Т. Зехни приемлемо, так как все СХВ влияют друг на друга, и, хотя речевая выразительность обуславливает красоту слова, а смысловые качества определяют смысл, вероятно, смысл становится лучше и более привлекательным благодаря влиянию речевых выразительностей. Разумеется, форма слова или какого-либо выражения при хорошем влиянии смысла должна в какой-то

степени достигать эстетики и эффективности. Отсюда, «смысловые средства создаются на базе учёта смысла слова, словосочетаний и предложений. Однако речевые средства опираются на форму слов и словосочетаний. Вот почему говорят, что «содержание определяет форму, а форма, в свою очередь, не может не влиять на содержание» [7, с. 62].

Таким образом, можно наблюдать образное воображение в художественном воображении и образное мышление в творческом мышлении. Эти слова свидетельствуют о том, что художественное искусство есть выражение мысли писателя, посредством которого творец воплощает на бумаге свою красочную фантазию.

Рассматривая формирование позиции искусства, литературы и поэтики в целом, сформированной методами познания, а также принципами отражения и представления, важно отметить, что поэтический язык и художественная выразительность широко изучены в русско-таджикских, таджикско-русских словарях и других научных источниках. Однако сопоставительный анализ художественных приемов в зарубежной и отечественной литературе остается актуальным направлением исследований. В частности, особенности художественной выразительности в произведениях как зарубежных, так и отечественных авторов, их интерпретация и перевод этих текстов с одного языка на другой рассматриваются с использованием различных методологических рамок, зачастую без единой концепции применения выразительных средств. В основе художественных текстов лежит понятие образности, которое является универсальным для всех языков, однако методы и средства передачи художественных образов существенно различаются. Как уже отмечалось, эти образы создаются с помощью таких литературных средств, как эпитеты, метафоры, аллегории, притчи и другие стилистические элементы. Эти средства не только обогащают текст, но и способствуют межкультурному пониманию и интерпретации. Например, по мнению исследователя Т.С. Гаффорова, «Спецификация этого рода языковых средств художественного образа повышает ценность и привлекательность произведений. Такие языковые средства

художественной выразительности выражаются в современной лингвистике под разными названиями и называются “маҷозҳо”, “тропҳо”, “перифразҳо” а также “эвфемизмҳо” [5, с. 14-17], но, как мы отмечали в других научных источниках, понятие «маҷоз» является русским эквивалентом «тропа». В работе исследователя художественное средство употреблялось в форме метафоры, гиперболы, эпитета, катахрезы, антитезы, иронии [5, с. 14-17] и др., однако эти понятия имеют свои эквиваленты в таджикском языке, и их использование в форме таджикского языка уникально для данного языка.

Анализ показывает, что значения тропов могут варьироваться, а при переводе предложений могут возникать искажения. Это позволяет предположить, что эталоны и их значения схожи в трех языках. Мы предлагаем рассматривать этот вид перевода художественных средств отдельно, а не как синонимы. Хотя одно и то же слово или словосочетание может использоваться в разных контекстах, они все равно выполняют свои функции:

Троп м. лит. маҷоз – trop;

Метафора ж лит. истиора – metaphor;

Аллегория ж лит. рамз, киноя – allegory;

Метонимия ж лит. лутф/метонимия –metonymy;

Эпитет м лит. ташбеҳ – epithet;

Сравнение муқоиса, қиёс – simile;

Синекдоха ж лит. маҷози мурсал (ба ҷойи кулл ҷузъ ва ба ҷойи том ҳисса)
– synecdoche;

Притча ж книжн. тамсил – parable;

Ирония ж истехзо – irony;

Перифраз ж лит. перифраза ё ифодаи эзоҳӣ – periphrasis;

Олицетворение лит. ташхис – personification;

Гипербола ж лит. муболиға – hyperbole;

Литота ж. лит. тасғир – litote.

Итак, можно отметить, что СХВ, то есть тропы употребляются для украшения речи и при неправильном употреблении появляются речевые ошибки в оригинале, а соответственно и в переводе они даются неправильно.

Вторая глава под названием **«Теоретические аспекты исследования средств художественной выразительности в переводе»** состоит из 3 разделов.

В первом разделе второй главы под названием **«Место средств художественной выразительности в переводе»** устанавливается место СХВ в теории перевода.

В центре теории перевода находится вопрос художественно-эстетического баланса оригинального текста и текста перевода, полного отражения авторского стиля, творческого объяснения и личного стиля переводчика. Кроме того, важна связь перевода с эстетическими идеями того же периода, поскольку перевод отражает развитие и совершенствование литературного процесса.

Не обращая внимания на лингвистические средства, используемые переводчиком для адекватного перевода, невозможно говорить об эстетическом эквиваленте и едином художественном эффекте, поскольку смысл и содержание не могут существовать сами по себе.

Лингвистическая теория перевода рассматривает “научное описание процесса перевода как межъязыковой трансформации” [3, с. 6]. Такой точки зрения придерживается В.А. Фёдоров и считает, что «Лингвистическая теория перевода имеет дело как с текстами на ИЯ и ПЯ, так и самим процессом преобразования текста оригинала в текст перевода. Кроме того, для создания полноценного перевода переводчик должен принимать во внимание особенности автора исходного сообщения, его знания и опыт, а также особенности восприятия людей, которым предназначается перевод, и все прочие аспекты межъязыковой коммуникации, влияющие на ход и результат переводческого процесса» [17, с. 9].

Следует отметить, что в книге даётся научный обзор, классификация, степени изобразительно-выразительных средств речи и способы их передачи, где автор

считает, что это средства оформления эмоционально-эстетической информации в художественном произведении.

При этом можно констатировать, что анализ структуры и семантики СХВ, отражение эстетических категорий и передача ярких красок художественной выразительности зависят от мировоззрения переводчика, так как тонкие смысловые оттенки слова и их эстетическое воздействие в художественном произведении обуславливается именно наличием стиля. Благодаря средствам выразительности и различным свойствам стилей художественных произведений, они могут повлиять на эстетическую эмоцию читателя либо положительно, либо отрицательно. Поэтому стиль является основной в системе речевой формы произведения и свойств художественной формы.

Анализ и обзор научных источников перевода доказывают, что единицы художественного образа занимают особое место в переводе, а различные аспекты связанных с ними вопросов всесторонне воплощены в научно-исследовательских работах выдающихся ученых отрасли, что обеспечивает надежную теоретическую основу лингвистического исследования художественных текстов.

Во втором разделе второй главы под названием **«К вопросу о способах перевода средств художественной выразительности в переводоведении»** показаны способы и методы перевода средств художественного образа, основанные на мнениях специалистов-переводчиков.

Основу художественных текстов составляет образ, и с этой точки зрения во всех языках существуют разные способы выражения и средства передачи художественных образов. Как мы уже упоминали, художественные образы используются для выражения художественного искусства. Поэтому, «необходимость изучения художественно-эстетических аспектов персидско-таджикских литературных произведений проявляется в том, что изучение вопросов искусства и эстетики произведений литературных представителей разных периодов может дать возможность исследовать и определить причины и факторы изменения литературных стилей и направлений. Ведь замена

литературных стилей и направлений отражается не только на идее и тематике литературных произведений, но и на их художественно-эстетической эволюции» [13, с. 3].

Почти все учёные-переводоведы, которые работали в этих областях, предлагали свои точки зрения о передаче СХВ, ведь они считаются основными выражениями в языке оригинала и имеют особые способы передачи. Большой интерес в передаче СХВ проявляет В.Н. Комиссаров. Он предлагает, что «важное значение для теории перевода имеют также достижения современного языкознания в области описания тех дополнительных компонентов плана содержания языкового знака, которые обычно именуется его коннотацией. Передача в переводе эмотивных, стилистических, образных аспектов значения может играть столь же важную роль, как и передача предметно-логического содержания» [9, с. 36].

Из его мнения можно сделать вывод, что такой перевод в системе СХВ не даёт литературную и эстетическую форму, потому что любое слово в составе таких выражений имеет особый смысл и значение, которые при переводе играют важную роль. Но нельзя забывать, что каждое слово или выражение имеет особый эквивалент и аналог в ПЯ, который заменяет слово или выражение ИЯ. Задачей переводчика является обеспечение адекватного смысла передаваемой информации на основе культуры языка оригинала.

Таким образом, все СХВ подвергаются преобразованиям в целях подбора эквивалентов и полных соответствий. При переводе СХВ могут возникать лексические и грамматические проблемы, решаемые при помощи лексических и грамматических трансформаций.

Во третьем разделе второй главы под названием **«Соображения по теории и практике художественного перевода современного периода»** обсуждаются теоретические и практические вопросы художественного перевода, определяются его специфические особенности.

В современную эпоху роль перевода и работа переводчиков приобретают все большее значение, являясь важнейшим механизмом преодоления языковых

и культурных различий между разными народами и странами. Являясь одним из основных факторов межкультурного обмена, перевод играет ключевую роль в укреплении литературных связей, которые необходимы для обогащения писательских традиций и творческого самовыражения. Тесную взаимосвязь между культурой и цивилизацией, в которой изучение литературы и оценка основных литературных достижений занимают центральное место, можно понимать, как развивающийся процесс, благодаря которому культурное и цивилизационное наследие нации достигает значительного роста и признания. В этом отношении систематическое применение перевода служит жизненно важной основой для содействия интеллектуальному и культурному прогрессу.

Важно подчеркнуть, что развитие и эволюция персидско-таджикских литературных связей с другими странами, как и более широкое взаимодействие цивилизаций, в значительной степени определялись самоотверженными усилиями выдающихся отечественных ученых и профессиональных переводчиков, как Сотим Улугзода, Иммануил Муллокандов, Хабиб Ахрори, Анора Остонова, Хаким Карим, Шариф Шараф, Лоик Шерали, Салими Зарафшонфар, внесших неоценимый вклад в развитие таджикского литературного перевода, проложив путь к новым горизонтам межкультурного диалога и оставив неизгладимый след в истории таджикского переводоведения.

Перевод литературных произведений представляет собой не только признание писателей одной нации перед другой, но и служит важным связующим звеном между народами, культурами и цивилизациями. Являясь важнейшим катализатором эволюции художественной литературы, перевод способствует культурному диалогу и позволяет распространять значимые литературные достижения через языковые и национальные границы.

Особо следует отметить, что многочисленные произведения таджикской и персидской литературы были переведены на множество языков мира, что знаменует собой значительный вклад персидско-таджикской цивилизации в мировую культуру.

Благодаря переводам литературные сокровища персидско-таджикской цивилизации стали неотъемлемой частью мировой литературы, породив устоявшуюся традицию научных исследований и переводоведения. На протяжении веков эта интеллектуальная традиция формировалась и совершенствовалась выдающимися таджикскими учеными, укрепляя свое место в качестве важнейшего аспекта литературного перевода. «Писатели и ученые постоянно занимались переводом художественных и научных произведений других культур, оказывая глубокое влияние на тематическую глубину, структурную сложность и философское мировоззрение таджикской литературы и ее литературных деятелей. Особенно значительный этап в истории художественного перевода пришелся на советское время, когда перевод стал самостоятельной дисциплиной в таджикской литературе. В этот период на таджикский язык систематически переводились произведения писателей и поэтов различных национальных и этнических групп, что привело к обогащению литературной среды. Влияние этих переводов очевидно в формировании современной таджикской литературы, поскольку они способствовали ее стилистической эволюции, расширению тематики и более глубокому взаимодействию с мировыми литературными традициями» [4, с. 4].

Прежде чем определить научное и литературное влияние на перевод, нам следует найти источники, вызвавшие это научно-литературное событие и способствовавшие развитию перевода и переводчиков. В вопросах литературных связей явное значение имеют переводческие школы.

На протяжении всей истории человечества, начиная с эпохи классицизма и заканчивая периодом романтизма, переводчики часто считались самостоятельными авторами, и это мнение было широко распространено. Ярким примером этого явления является перевод С. Улугзода романа Э.Л. Войнич «The Gadfly» – «Гурмагас» («Овод») на таджикский язык. Читатели восприняли перевод Улугзода как оригинальное произведение, а в коллективном сознании роман стал считаться неотъемлемой частью таджикской литературы.

Следует отметить, что таджикские писатели добились значительных успехов в искусстве перевода, особенно в переложении текстов непосредственно с языка оригинала. Свидетельством такого прогресса является роман Абдулхамида Самада «Дар пайраҳои тақдир», который был переведен на русский язык Дж.Дж. Мурувватиён под названием «Зигзаги судьбы», а также «Lost Enlightenment» (Маърифати гумшуда – Утраченное просвещение) и «Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик ва Исёни Муқаннаъ» (The Executioners of Bukhara – Герой Таджикистана Тимурмалик и восстание Муканны), и «The death of the Usurer» (Марги судхӯр – Смерть ростовщика), переведенные на английский язык А. Мамадназаровым, считаются одними из последних значительных переводных произведений.

Кроме того, знаменитый литературный шедевр «Старик и море» Э. Хемингуэя, переведённый на таджикский язык М. Азизмурадовым под названием «Пирамард ва баҳр», стал ещё одной важной вехой в таджикском переводе.

Эти переводы сыграли важнейшую роль в укреплении литературных связей между таджикской и английской культурами, а также способствовали более широкому развитию таджикской художественной литературы.

Критическое изучение литературных источников показывает, что перевод – это не просто лингвистическое упражнение, а глубокое творческое усилие, служащее источником совершенствования и художественного вдохновения. Он требует оригинальности и стилистического разнообразия, способствуя созданию новаторских произведений и одновременно укрепляя национальное и цивилизационное самосознание.

Так, тысячелетняя художественная традиция таджикского народа, подобная светящейся жемчужине в огромном океане человеческой поэзии и прозы, заложила прочную основу для межкультурных литературных связей. Воплощая в себе интеллектуальную глубину и философское богатство таджикской мысли, она приобрела выдающийся и непреходящий статус,

оставаясь непревзойденным и неподвластным времени культурным сокровищем.

Третья глава диссертации под названием «**Лингвистико-семантические, структурно-стилистические особенности средств художественной выразительности и способы их выражения в таджикском и английском языках**» состоит из 7 разделов и 2 подразделов.

В первом разделе третьей главы под названием «**Метафора и способы ее выражения в таджикском и английском языках**» рассматриваются метафора и способы ее выражения в рассматриваемых языках.

Одним из основных и наиболее распространённых сложных лексических СХВ является метафора. «Метафора – вид тропа, перенесение свойств одного предмета (явления или аспекта бытия) на другой, по принципу их сходства в количественной соотношении или по контрасту, в отличие от сравнения, где присутствуют оба члена сопоставления» [29, с. 128; 31, с. 290; 15, с. 133], то есть в метафоре уподобление не упоминается. Стоит отметить, что метафора используется в языке для тонкости и красноречивости выражения и смысла, и она придает художественному языку особую красоту и свежесть. Вот почему литературоведы считают ее неотъемлемой частью художественного произведения: «Метафора имеет устойчивую сферу своего выражения, и многие вещи подобны ей. Недостаточность логики в обыденном языке восполняется использованием метафор. Логичность и метафоричность текста – это два дополняющих друг друга его проявления» [2, с. 5].

В таджикском и английском языках метафора широко используется в произведениях поэтов и писателей.

Худам ду сол зӯр задам, се сол дар мактаб мондам, ғайр аз *кӯрсаводӣ* дигар чизеро ҳосил накард, хунарро бошад, ҳеҷ ба гардан намегирад. Акнун ин на одам мешавад ва на мулло, рафта-рафта *хар* мешавад [21, с. 45].

В этом предложении выражения «*кӯрсавод*» и «*хар*» являются метафорами.

Данные метафоры широко известны в таджикском разговорном языке, так как вместо «неграмотного человека» обычно используется «бесавод» или «кӯрсавод» и вместо «упрямого» – «хар».

То же самое можно наблюдать и в английском языке

“*My lily-flower, you are right now as always*” [27, p. 187].

В этом предложении понятие «*flower*» (*цветок*) используется как метафора, намекая на прекрасного и любимого человека. То есть эту фразу можно перевести как «цветок белой лилии». Это выражение также используется в английском языке как «*lily-like*», которому в таджикском языке соответствует «*савсан, нилуфар*» (*лилия, фиолетовый*).

Итак, использование метафоры, особенно языковых и художественных метафор, является важным для реализации принципа функции экспрессивности, эстетичности, эвристичности, коммуникативности, интегративности, прагматичности. Используя их, автор стремится привлечь внимание аудитории к содержанию текста.

Во втором разделе озаглавленном «**Способы выражения эпитета в рассматриваемых языках**», показаны эпитет и способы их выражения.

Одним из наиболее мощных средств выражения эмоционального отношения автора к своему сообщению является эпитет. Эпитет рассматривается как элемент изобразительного искусства и служит одним из наиболее эффективных способов передачи эмоциональной окраски текста. Некоторые исследователи в данной области утверждают, что эпитет может создать атмосферу объективной оценки; однако на самом деле он отражает субъективное восприятие автора и демонстрирует его предвзятость. Эпитет, по своей сути, представляет собой сравнение одного объекта с другим в процессе описания» [1, с. 149].

Эпитет – это троп, сочетающий в себе эмоциональное и логическое значение в слове, словосочетании или даже предложении, используемый для описания объекта, обращения к читателю и часто приписывающий объекту определенные характеристики или черты с целью личного восприятия и оценки:

Ман *монанди гунчишки риштабарное*, ки ногаҳонӣ банди вай кушода шуда бошад, *ба парвоз омадам ва хотирҷамъона аз шунидани таънаи «бесабрӣ» дар як сония ба ӯ расида гирифтам* [21, с. 243].

В этом предложении автор сравнивает героя на «гунчишки риштабарпо» (воробей с нитью на ноге), который взлетел через одну секунду и «гурба» (кошка), который не отрывает глаз от мышиней норы.

“But he shares Mary’s *apathetic and listless look*: he seems to have more length of limb than vivacity of blood or vigour of brain” [27, p. 183].

В приведенном выше примере эпитет выражает психологические и моральные качества.

Таким образом, использование эпитетов в сопоставляемых языках не имеет ограничений. Словосочетания и предложения, выполняющие функцию эпитетов, теряют свою самостоятельность и приобретают новый характер, что проявляется в структуре и значении таджикского и английского языков.

Из этого следует заключить, что существуют различные группы эпитетов, классифицируемые по структуре и содержанию. Однако, несмотря на их наименование, основная цель использования эпитетов остается неизменной: они служат для выражения более эмоциональной и выразительной речи.

В третьем разделе третьей главы **«Искусство аллегории и способы и средства её выражения в переводе художественных произведений»** анализируется искусство аллегории и способы её выражения в таджикском и английском языках.

СХВ занимает значительное место в речи, и их литературные, стилистические и лингвистические аспекты были предметом изучения исследователей данной области, применяясь как открыто, так и скрыто. Аллегория относится к словам и фразам, которые воплощают скрытый смысл и служат художественным или литературным выражением:

–“Аз мулло муқаррарӣ шуданаш, *хар шуданаш беҳтар аст*, – гуфт падарам дар ҷавоб” [21, с. 45].

В словаре таджикского языка значение слова «хар» (осёл) использовано как «1. чорпой боркаш, химор – тягловый скот, осёл; 2. *маҷ.* ахмақ, аблаҳ – глупый, тупой» [34, с. 462], второй вариант соответствует приведенному выше предложению, то есть в оригинальном тексте «хар» (осёл) употребляется вместо *невежливого человека* (дурака, идиота), и является иронией по поводу *человека, далёкого от человеческих приличий и поведения*. В словаре фразеологических единиц эта единица употребляется в следующей форме: «Ба хар муносиб хангос, ба хурӯс муносиб овоз» (Каждому ослу подходит рёв, а петуху голос), имея в виду, что каждый работает и действует в соответствии со своими достоинствами и способностями» [37, с. 254].

“The old man opened his eyes and for a moment *he was coming back from a long way away*” [24, p. 20].

Сложная аллегория обнаруживается во второй части предложения, поскольку «*he was coming back from a long way away*» больше похоже на смысл исходного предложения. Поэтому, даже если используется простой контент, понять его будет сложно.

Таким образом, суть аллегории выражается в том, что содержание некоторых выражений полностью зависит от мышления читателя.

Четвертый раздел называется «**Формирование и развитие искусства притчи в таджикском и английском художественном произведении**» и показывает формирование и развитие искусства притчи в таджикских и английских художественных произведениях.

Исследование и использование таких СХВ, как искусство притчи и его формирование в переводной литературе является целесообразным, а в мировой литературе его можно считать одним из выдающихся примеров создания различных произведений. По мнению таджикского ученого Х. Шарифова, «Притча – это уникальные художественные концепции, которые выражают такие понятия, как религия, любовь, душа, справедливость, крамола, слава, война, мир, весна, лето, осень, зима, смерть и т. д.» [18, с. 30]. Другой исследователь Г.С. Нозимова называет притчу одним из искусств, связанных с художественно-

эстетической стороной литературы, и она является одним из наиболее распространенных художественных искусств на всех этапах истории становления и развития персидско-таджикской литературы, и появилась она уже в доисламской литературе Ирана [13, с. 3].

–«Инҳо гургзода буданд, гург шуданд, чунки *«оқибат гургзода гург шавад»* гуфтаанд» [21, с. 15].

В данном предложении слова *«гургзода»* (волчонок) и *«гург»* (волк) в первой части выступают в роли метафор, символизируя человека, который преодолел тяготы и испытания, тем самым выражая концепцию закалённого и опытного человека. Однако во второй части предложения автор применяет фразу *«оқибат гургзода гург шавад»* (в конце концов, волчонок становится волком) в качестве притчи, подразумевая, что в конечном итоге человек, прошедший через испытания, становится сильным и независимым, подобно волку.

“Most true is it that *‘beauty is in the eye of the gazer’*” [27, p. 183-184].

Беҳуда дар урфият нагуфтаанд: *«Хушрӯ хушмехр нест, хушмехр хушрӯст»* [22, с. 170-171].

Первые предложения ИЯ полностью украшены СХВ, и в них можно наблюдать притчу *«beauty is in the eye of the gazer»*, которая в переведенном тексте отражена в виде *«Хушрӯ хушмехр нест, хушмехр хушрӯст»*.

Для глубокого и всестороннего понимания данной притчи необходимо сначала осознать контекст и обстоятельства, в которых она была использована. В этой притче отсутствует эмфатический характер высказывания, поскольку она стала частью повседневного языка, и ее образность встречается достаточно редко. Хотя данная притча была переведена на таджикский язык как *«Хушрӯ хушмехр нест, хушмехр хушрӯст»*, этот перевод не передает полного смысла и содержания оригинального текста. Более точный эквивалент на таджикском языке звучит следующим образом: *«Лайлиро ба чаши Маҷнун дид»*. В этой интерпретации её можно считать притчей, так как она представлена в притчевом формате. Тем не менее, выражение *«Хушрӯ хушмехр нест, хушмехр хушрӯст»* может быть непонятно читателю, поскольку в таджикском языке этот эквивалент

не употребляется, в то время как *«Лайлиро ба чаими Маҷнун дид»* может восприниматься как пословица.

Анализ показал, искусствов притчи играет значительную роль в создании художественных произведений мирового уровня. В связи с чем возникает необходимость монографического исследования данного явления, которое будет иметь как теоретическое, так и практическое значение.

В пятом разделе озаглавленном **«Метонимия и ее формирование в сравнительных языках»**, анализируется метонимии и способы ее выражения и состоит из двух подразделов.

В отличие от других СХВ – метафоры, эпитета и сравнения, которые основаны по сходству предметов или явлений, **метонимия** — это вид тропа, который основывается на ассоциации по смежности.

Айёми баҳорон буд, *зардолуҳо* ба шукуфтан сар карда буданд [21, с. 39].

В предложении таджикского языка слово *«зардолуҳо»* является метонимией, которой здесь представлена как *«дарахтони зардолуҳо»*. Такой тип предложения в лингвистике называется эллиптическое или неполное предложение. Разница между эллиптическими предложениями и метонимией в том, что в эллиптическом предложении смысл опущенного слова или часть предложения можно восстановить из предыдущего, но в метонимии это скрывается под словом-метонимией.

Рассмотрим английский пример:

‘He means to give *the whole school* a treat at Christmas’ [27, p. 399].

Следует отметить, что в данном предложении *«the whole school»* (вся школа) является метонимией, которая обозначает *«ученики школы»*

В первом подразделе пятого раздела третьей главы под названием **«Способы выражения синекдохи в таджикском и английском языках»** исследуется синекдоха в сопоставляемых языках и показываются способы ее выражения.

В языке употребляется ряд слов и выражений, в которых помимо прямого значения и отношения к сходству наблюдается своеобразная связь, называемая

синекдохой. Особенность синекдох выражается в том, что они являются одним из самых ярких, красивых и действенных видов метонимии, и вместо одного слова выбирается (употребляется) другое, более экспрессивное:

Акаам дар даруни меҳмонхона ба дастархонпахнкунӣ ва чойкашӣ маъмур буда, ман дар рӯи суфа ба *самоворчӯшонӣ* машғул шудам. Ман *самоворро* чӯшонда тайёр нигоҳ медоштам, чойи даркорино дам карда медодам ва дигарон он *чойникҳоро* ба меҳмонхона бурда медоданд [21, с. 125].

Из приведенного примера следует, что слова «*самовор*» и «*чойникҳо*» (*чайники*) являются синекдохой, поскольку то, что они содержат, а именно «*вода в самоваре*» и «*чай в чайнике*», не указаны.

‘Because I disliked you too fixedly and thoroughly ever to lend *a hand* in lifting you to *prosperity* [27, p. 250].

В вышеуказанном примере можно наблюдать две синекдохи. Хотя слово «*a hand*» (рука) обычно употребляется в прямом смысле как «*рука*», но здесь автор использовал это слово как «*человек*». Слово «*prosperity*» (улучшение, процветание) тоже является синекдохой. Хотя данное слово имеет значение «*процветание*», но здесь оно выражается как синекдоха воплощения метафорой в форме «*развитие и прогресс человека*».

Итак, синекдоха представляет собой разновидность метонимии, которая позволяет выразить целое через одно слово и, наоборот, передать смысл целого через его часть. Этот приём обогащает речь, придавая ей разнообразие, экспрессию и утонченные оттенки значения.

Во втором подразделе пятого раздела под названием «**Антономасия и ее употребление в сопоставимых языках**» определяются способы выражения антономасии в таджикском и английском языках.

Антономасия является одним из видов метонимии, в котором вместо собственного существительного используется нарицательное или наоборот. В таджикском языке закрепилось использование переносных слов, то есть имен других литературных героев Мачнун (Меджнун), Лайли (Лейли), Ширину Фарход (Ширин и Фархад), Фиръавн (Фараон), Хотами Тай (Хотам Тай) и в

английском языке Napoleon (Наполеон), Byron (Байрон), Hooligan (Хулиган), которые могут использоваться как изобразительно-выразительное средство художественной речи –антономазии. Следует отметить, что в качестве антономазии могут использоваться имена героев или известных ученых и писателей:

Дигаре ба сухани ӯ илова кард: «Наузу биллоҳ (ба Худо паноҳ металабем), ин худобеҳабар як кофир шуда намондааст, балки монанди *Фиръавн* ва *Намруд* *Шаддод* даъвои худои ҳам мекунад» [21, с. 173].

В данном предложении имена собственные «*Фиръавн*», «*Намруд*» и «*Шаддод*» используются для описания человеческого характера.

With *Bewick* on my knee, I was then happy: happy at least in my way [27, p. 9].

Здесь слово «*Bewick*» является антономазией, так как в книге речь идёт о книге Бьюик под названием «History of British Birds» (история британские птицы), автором которой является Бьюик. Подразумевается в предложении сама книга, а не её автор.

Анализ примеров и мнений учёных об антономазии показывает, что она представляет собой вид метонимии, используемый для повышения выразительности и эстетики языка. На уровне синекдохи антономазия также рассматривается как особая форма метонимии, поскольку в ней скрыто значение, способное впечатлить читателя.

Шестой раздел третьей главы называется «**Способы выражения перифразы как разновидности тропа в таджикском и английском языках**» и в нем анализируется перифраза как разновидность тропа в рассматриваемых языках.

Для более выразительности и эмоциональности речи в языке иногда используются новые слова или выражения взамен старых и прямых, которые называются перифраза. Например, для более экспрессивности речи вместо слова «*мурдан*» автор использует «*дунёро надруд гуфтан*», что считается перифразой воплощения фразеологической единицы. Данный вид иносказательно-выразительного СХВ часто используется в таджикских и английских

художественных произведениях. «В поэтике в таких случаях мы говорим о перифразе: вместо прямого названия предмета – поэтическая перифраза, т. е. описательное выражение» [6, с. 226].

Перифраза – образное выражение, применяемое для описания предмета или явления, когда вместо одного слова или короткой фразы используется более сложная конструкция, некоторые выражения широко употребляются в языке:

Ана ба хамин сабаб модари мехрубонам *орзуҳои худро ба хок бурд* [21, с. 378].

Здесь в таджикском предложении выражение «*орзуҳои худро ба хок бурдан*» имеет переносное значение «*ба орзу нарасидан*» (не достигать желаемого). В целом, эти выражения имеют схожий смысл, однако, как фразеологизмы или более эмоциональные формулировки они производят на читателя гораздо большее впечатление.

Mr. Reed had been dead nine years: it was in this chamber he breathed *his last*; here he lay in state; hence his coffin was borne by the undertaker`s men; and, since that day, a sense of dreary consecration had guarded it from frequent intrusion [27, p. 14].

В английском предложении данный оборот используется как «*his last*», который считается как метонимической перифразы, так как здесь вместо «*his last breath*» (*нафаси вонасин –последний вздох*) автор использует «*his last*» (его последний вздох), который первая считается метафорической перифразой, а вторая метонимической перифразой.

Итак, перифраза – это иносказательно-выразительное СХВ в литературе, при котором автор использует переносное и описательное выражение одного объекта на основе выделения его признака, качества и других особенностей.

В седьмом разделе под названием «**Гипербола, литота и способы их выражения в рассматриваемых языках**» рассматриваются гипербола и литота и показаны способы их выражения в таджикском и английском языках.

Чтобы яснее и эффективнее выразить мысль в литературном образе писатель увеличивает или уменьшает его, что в литературе называется гиперболой. Гипербола образована от греческого слово «*hyperbole*», которое

имеет значение «преувеличение». Она является изобразительно-выразительным средством языка, то есть тропом, это «образное выражение, содержащее преувеличение размера, силы или значения какого-либо явления» [15, с. 101].

Данное выражение имеет эстетические функции, используется в художественной литературе и разговорной речи, чтобы сделать выражение более эффективным, красивым и ироничным.

Агар ту хамин некиро дар хаққи ман кунӣ, *ман офтобро гирифта ба ту медиҳам, ки савор шуда ҳама ҷоро тамошо карда мегардӣ* [21, с. 65].

В данном предложении одновременно употребляется две гиперболы, так как «*ман офтобро гирифта ба ту медиҳам*» (отдам тебе солнце) и «*савор шуда ҳама ҷоро тамошо карда мегардӣ*» (ездишь верхом и осматриваешься везде) являются образными гиперболами, ведь автор преувеличивает чувства и любовь героя к своей любовнице и обещает ей всё, что она хочет. Гипербола имеет свои способы выражения и в английском языке:

The world may laugh – may call me absurd, selfish—but it does not signify [27, p. 459].

Английские примеры показывают, что в художественной литературе существует множество гипербол, поскольку мысли автора сложно выразить без них. Первый пример - сплошная гипербола, имеющая переносное значение. В нём «*the world may laugh*» и «*the world may call me absurd, selfish*» выражают мысль автора, которая преувеличена, так как *мир не смеётся*. Здесь можно наблюдать метонимические гиперболы, потому что под словом «*world*» скрываются «*люди, которые живут в этом мире*», то есть целое выражает часть.

Литота (от гр. *litótēs* – простота) – это вид тропа в образном выражении, который преуменьшает размеры, силу, значение предмета или явления и называют её обратной гиперболой. Литоты в речи могут выступать как словом, словосочетанием и целым предложением, преуменьшая их значения.

– Устохоҷа, шумо Лутфуллоро дуое кардед, ки қабул шуданаш мумкин нест ва *ба ӯ якпула фоида надорад*, кист, ки дар дуньё ҳазорсола шавад, кист, ки дар дуньё намурад [21, с. 47]?

Литота в данном предложении выражается словосочетанием «*якпула ғоида надоштан*», которое имеет субъективно-оценочный характер в отрицательных значениях.

Now *the wealth did not weigh on me*: now it was not *a mere bequest of coin*, – *it was a legacy of life, hope, enjoyment* [27, p. 406].

В английском предложении также можно наблюдать такую ситуацию, поскольку фраза «*the wealth did not weigh on me*» («богатство не тяготило меня») является отрицательной, утверждает часть предложения «*a mere bequest of coin, – it was a legacy of life, hope, enjoyment*» («простое наследство монеты, – это было наследство жизни, надежды, наслаждения»).

Итак, гипербола и литота – это СХВ, используемые для того, чтобы сделать высказывание более красноречивым и элегантным. В английском и таджикском языках они выполняют эстетическую функцию, делая речь более выразительной и привлекательной, а в некоторых случаях придавая ей привлекательную окраску. Гипербола обычно используется для усиления выразительности и элегантности и сочетается с другими средствами художественной выразительности. Литота, напротив, используется для того, чтобы ослабить воздействие предмета или явления в речи, и в то же время придать ему необычный оттенок.

Четвёртая глава «**Особенности применения лексико-грамматических трансформаций при переводе средств художественной выразительности (на материале художественных текстов на таджикском и английском языках)**» посвящена проблеме лексико-грамматических трансформаций и состоит из 2 разделов и 6 подразделов.

Первый раздел четвёртой главы озаглавлен «**Лексические трансформации, относящиеся к переводу средств художественной выразительности**» и состоит из 6 подразделов.

Анализ показывает, что виды переводческих трансформаций являются одним из центральных вопросов в современных исследованиях перевода, и

мнения лингвистов по вопросу классификации видов переводческих трансформаций противоречивы.

По мнению других ученых, существуют два типа переводческих трансформаций: «грамматическая и лексическая трансформация» [14, с. 72; 19, с. 43].

Мнения ученых по поводу классификации видов трансформации расходятся, и когда речь заходит о передаче СХВ, мы опираемся на теорию классификации, предложенной Ю.И. Рецкер и А.Б. Шевнином, поскольку все эти типы, предложенные исследователями, основаны на принципах лексической и грамматической трансформации.

Лексическая трансформация - это выражение оригинального смысла исходного текста неэкспрессивными единицами или, другими словами, несоответствие между лексическими единицами языка при переводе. Л.К. Латышев называет эту переводческую трансформацию как «отклонение от словарных соответствий» [11, с. 180]. Исходя из этого, «соответствующую переводческую операцию, в которой в качестве взаимозаменяемых элементов ИТ и ПТ выступают слова, не являющиеся системными (парадигматическим) эквивалентами, мы будем именовать подбором лексически неадекватного переводческого соответствия» [10, с. 127], то есть суть лексических трансформаций состоит в замене лексических единиц языка оригинала лексическими единицами языка перевода, которые не имеют другого значения и не являются их эквивалентами.

Стоит отметить, что в системе лексических единиц таджикского и английского языков, включающей в себя СХВ, можно наблюдать ряд сходств и несоответствий. Потому что в системе СХВ можно встретить ряд лексических единиц, относящихся к одному и тому же языку с точки зрения культуры и обычаев. Поэтому смысловая структура слов, входящих в состав СХВ в разных языках различна, что реализуется непосредственно посредством лексической трансформации.

В переводоведении предлагаются различные виды лексических трансформаций, которые наблюдались в работах ряда исследователей в данной области. В связи с отсутствием в таджикской теории перевода таджикских форм ряда терминов, связанных с лексическим переводом, мы использовали научную литературу российских исследователей. Поэтому в скобках приводятся формы терминов на русском языке: мушаххасгардонӣ (конкретизация), умумигардонӣ (генерализация), тарчумаи антонимӣ (антонимический перевод), илова (приём лексического добавления), чуброн (компенсация), талаф (приём опущения), бадал (замена), которые мы обсудим отдельно.

В первом подразделе первого раздела четвёртой главы под названием **«Конкретизация и ее применение при переводе средств художественной выразительности»** рассматриваются теоретические и практические вопросы, связанные с одним из видов переводческой трансформации – конкретизация.

Конкретизация (Мушаххасгардонӣ – Concretisation) – это вид лексической трансформации, при котором слова и словосочетания исходного языка заменяются словами и словосочетаниями языка перевода. Такая замена происходит между языком оригинала, имеющим более широкое значение, и языком перевода, имеющим более узкое значение. «Конкретизация – это замена слова или словосочетания ИЯ с более широким значением словом или словосочетанием ПЯ с более узким значением [12, с. 167; 8, с. 17]. Это является естественным, потому что средства выразительности имеют широкое значение в ИЯ, чем в ПЯ. Как уже было отмечено, при переводе с оригинала появляются некоторые особенности, которые отличают язык оригинала от языка перевода, потому что значения слова или выражения не передаются так, как этого хочет автор.

Аммо як худам ба танҳоӣ *ин қадар чизро чӣ гуна ба зудӣ мегундорам* [21, с. 115]?

Перевод: But how could I *harvest half the crop in just one day* [25, p. 162]?

В примере переводчик конкретизирует не только слово, а часть целого предложения, то есть одновременно несколько слов в составе предложения.

Здесь «*ин қадар чизро чӣ гуна ба зудӣ меғундорам*» конкретизировалось. В данной части предложения слово «*чиз*» (thing), которое обозначает широкое значение, поменялось или конкретизировалось на более узкие значения как «*the crop*» (урожай). Роль контекста велика в конкретизации широкого значения слов, так как из контекста можно определить, что речь идёт об урожае, который нужно собирать в день, чтобы не потерять его. Другое слово в составе предложения- «*ин қадар*» (столько), которое конкретизировано в ПЯ как «*half*» (половина). В контексте речь идёт о сборе половины урожая (*Ман ҳам фикр мекардам, ки «агар имшаб сармо занад, фардо ҳамаи ҷувориҳоро ғундошта гирифтани даркор мешавад ва ҳол он, ки ҳанӯз дар замин нимаи ҷувориҳои бар пой ва сарҳашон нашикастагӣ буд* [21, с. 115], и переводчик, приняв это во внимание, переводит его как «*half*» (половина). Далее выражение «*ба зудӣ меғундорам*» (быстро соберу нашло своё отражение на «*in just one day*» (всего за день), которые имеет узкие значения.

The refreshing meal, the brilliant fire, the presence and kindness of her beloved instructress, or, perhaps, more than all these, something in her own unique mind, had roused her powers within her [27, p. 76].

В данном предложении словосочетания *the refreshing meal* и *the brilliant fire* являются подлинными и неподлинными однородными метафорами, то есть огонь не может быть бриллиантовым. Перевод таких художественных средств в подобных предложениях зависит от самого переводчика. В данных случаях их можно было перевести по-другому, но переводчик переводит его так:

Перевод: Шояд ба *ин чойи хушмазза, алангаи равшани оташдони деворӣ*, хузур ва меҳрубонии мураббияи дӯстдоштаи ӯ сабаб шуд ё шояд вижагиҳои то ҳол номаълуми табиати ба худ хоси ӯ рӯ заданд, аммо ғӯиё дар ҷисму ҷони ӯ кадомин нерӯҳои нав бедор гаштанд [22, с. 70].

В этом предложении неподлинная метафора «*the brilliant fire*» переведена правильно и полно, но здесь, при переводе на ЯП, эстетическое значение слова «*brilliant*» теряется, поскольку слово «*аланга*» (пламя) чаще употребляется со

словом «*otau*» (огонь). Слово «*brilliant*» не может заменить слово «*аланга*» (пламя), поскольку оно лишено эмоционального и эстетического характера.

Здесь выражение «*the refreshing meal*» переведено как бы литературно и, хотя значение слова «*meal*» в данном предложении не соответствует структурно, оно автоматически соответствует значению слова «*чай*» (*чай*), которое в культуре таджикского народа употребляется как «*чай нӯшидан*» (*пить чай*) и «*чай хӯрдан*» (*есть, кушать еду*). Она чаще всего употребляется в разговорной и литературной речи. Переводчик, опираясь на текст на русском языке, перевёл его в другом значении.

Итак, анализ предложения показывает, что конкретизация как вид лексических трансформаций может использоваться при переводе всех видов СХВ.

Второй подраздел первого раздела четвёртой главы называется «**Генерализация и ее применение при переводе средств художественной выразительности**» и в нем рассматривается применение генерализации при переводе СХВ.

Генерализация (Умумигардонӣ – Generalization) является противоположностью конкретизации, то есть состоит в замене конкретного понятия общим понятием:

Шаб шуд. Ман *чароги сиёхро* даргиронда *бар болои чароғноя* мондам [21, с. 111].

Перевод: When night fell, I lit the *lamp* [25, p. 153].

В таджикском предложении конкретное значение эпитета «*чароги сиёх*» (коптилка) передано на ПЯ как широкое значение «*lamp*» (свет, лампа). Данный вид *лампы* (*чароғ*) используется только в таджикском языке, так как в английском языке имеет свой аналог как «*bitch lamp*». Здесь переводчик, используя способ генерализации, переводит «*чароғ*» (лампа) как «*lamp*» в общем или широком значении. Слово «*чароғноя*», которое является метафорой, не находит своего аналога в ПЯ и в таком варианте переводчик использует способ опущения, так как данное слово не используется в английском языке.

But after forty days *without a fish* the boy's parents had told him that the old man was now definitely and finally *salao*, which is the worst form of unlucky, and the boy had gone at their orders in another boat which caught three good fish the first week [24, p. 6].

Аммо баъд аз чихил рӯзи *бесайдӣ* падару модари писарак ба ӯ гуфтанд, ки пирамард аниқу яқин салао, яъне бадтарин баргаштабахт аст ва писарак бо талқини онҳо ба заврақи дигар рафт, ки воқеан, дар ҳафтаи аввал се моҳии хуб гирифт [24, с. 7].

В английском предложении из произведения «Старик и море» (The Old Man and the Sea) в некоторых случаях слово «*fish*» в основном находит в ПЯ своё отражение как «*добыча*» (*сайд*), которое обычно употребляется в широком значении: «*Сайд* – 1. охотиться; 2. то, на что охотятся, охотничье животное» [34, с. 176]. Итак, в английском предложение конкретное значение «*without a fish*» генерализовалось на ПЯ как широкое значение «*бесайдӣ*» (*без добычи*).

Every day is a new day. It is better to be lucky. But I would rather be exact. Then when luck comes you are ready [24, p. 38].

Ҳар рӯз рӯзи нав аст. Беҳтар ки бахт ёрӣ кунад, вале одам бояд дақиқкор бошад. Вақте ки бахт ба рӯям механдад бояд омода бошӣ [24, с. 39].

В примере оригинала можно наблюдать много СХВ: «*Every day is a new day*» -притча, «*It is better to be lucky. But I would rather be exact*» / *Then when luck comes you are ready* -авторская или художественная метафора.

Авторские или поэтические метафоры являются самыми красивыми метафорами, и они могут очаровать слушателя и помогать созданию красочных и изящных образов. В таджикском языке их обычно называют «*истиораи табъия*» (*истиораи истеъдодӣ*), которые используются для реализации эстетической функции художественного произведения через эмоциональное человеческое создание.

В данном примере английского языка также использована притча «*Every day is a new day*», которая находит своё отражение на ПЯ как дословный перевод оригинала. Переводчик использует способ калькирования и переводит это как

«*Ҳар рӯз рӯзи нав аст*», что не соответствует языку оригинала, потому что языковые единицы ПЯ должны быть выражены таким образом, чтобы читатель или слушатель считал их «своими». Поэтому в таджикском языке есть такая поговорка, которая подходит данной притче в английском языке: «*Ҳар дам ганимат аст...*».

В предложении поэтические метафоры «*It is better to be lucky. But I would rather be exact*» / «*Then when luck comes you are ready*» нашли свое отражение в форме «*Бехтар ки бахт ёрӣ кунад, вале одам бояд дақиқкор бошад. Вақте ки бахт ба рӯят механдад бояд омода бошӣ*».

Первая метафора «*It is better to be lucky. But I would rather be exact*» находит в ПЯ свой эквивалент в форме «*Бехтар ки бахт ёрӣ кунад, вале одам бояд дақиқкор бошад*». Переводчик использует способ генерализации для перевода метафоры, так как во второй части данного выражения конкретное значения личного местоимения «*I*» (я) передан на общие значения «*одам*» (человек). Следует отметить, что первая часть выражения «*It is better to be lucky*» – «*Бехтар ки бахт ёрӣ кунад*» в таджикском языке имеет свой эквивалент в форме «*толеъ баландӣ кунад*», который не использован в ПЯ. Было бы лучше использовать адекватный перевод, так как смысл адекватного перевода яснее для адресата, чем дословного.

Вторая метафора – «*Then when luck comes you are ready*» – «*Вақте ки бахт ба рӯят механдад бояд омода бошӣ*». Способ генерализации в данном примере использован успешно, так как в составе метафоры слово «*luck comes*» имеет свой аналог в форме «*бахт ба рӯят механдад*», то есть конкретное значение «*comes*» генерализовано как «*бахт ба рӯи касе хандидан*». Хотя в предложении слово «*рӯят*» (твое лицо) имеет определённое лицо или число, но его значение в предложении широкое и часть этого предложения передана правильно и адекватно.

Перевод стилистических приёмов, отражающих значение художественного произведения при генерализации, часто вызывает затруднения у переводчиков в связи с национальными особенностями стилистической системы разных языков.

Для преодоления этих проблем необходимо знать основные способы перевода и средства передачи содержания источника, то есть нужно знать основы, критерии и способы словообразования или передачи содержания исходного текста на лексическом, грамматическом и стилистическом уровне, так как лексика в составе английского и таджикского языков употребляется в соответствии со стилистическими приёмами и нормами.

Третий подраздел первого раздела четвёртой главы, озаглавленный **«Антонимический перевод художественных средств выразительности»**, рассматривается использование антонимического перевода при передаче СХВ.

С учетом контекста и содержания текста встречаются также случаи, когда переводчик заменяет какое-либо понятие исходного текста его противоположностью в переведенном тексте, что называется *антонимическим переводом*:

Акаат ҳеҷ ҷой намеравад, ӯ дарсҳои якҷафтагиашро такрор карда аз ёд накардааст. *То ҳамон дарсҳояшро ёд карда аз пеши ман нагузаронад*, ман ӯро на ба тамошо ва на ба бозӣ — ба ҳеҷ ҷо рухсат намедиҳам [21, с. 20].

Перевод: “Your brother can’t go anywhere until he’s done his lessons properly. He’s been shilly –shallying about all week and hasn’t done a bit of studying. *So until he shows me he’s learned everything he’s supposed to*, he can’t play or go anywhere” [25, p. 32].

В данном примере можно наблюдать метонимию, так как выражение *«то ҳамон дарсҳояшро ёд карда аз пеши ман нагузаронад»*, которое находит в ПЯ свою замену как *«So until he shows me he’s learned everything he’s supposed to»*. В составе данного предложения метонимия считается отрицательной формой предложения «дарсҳояшро аз пеши ман нагузаронад», которое заменилось как утвердительная форма предложения *«shows me he’s learned everything»*. Ключевым словом в составе антонимичного перевода является отрицательное выражение *«аз пеши ман нагузаронад»* – в утвердительной форме *«show»*.

Рассмотрим другой пример на английском языке:

‘If all the world hated you, and believed you wicked, while your own conscience approved you, and absolved you from guilt, *you would not be without friends*’ [27, p. 72].

Перевод: Агар саросар олам туро бад бинаду зиштхӯ шуморад хам, вакте ки ту дар назди вичдони худ пок ҳастӣ, *ҳамеша дӯстон ёфт мешаванд* [22, с. 65].

В данном примере переводчик, используя способ антонимичного перевода, передает его в утвердительном форме. Отрицательная вспомогательная форма «*would not be*» заменена в утвердительным повествовательным предложением, то есть отрицанием ИЯ утверждено правильно с использованием семантического значения на ПЯ. В данном примере структура предложения тоже передавалась в той же форме, так как главное предложение ИЯ нашла правильное отражение в форме главного предложения на ПЯ.

Проанализированные примеры в системе СХВ показывают, что соответствие и несоответствие исходного и переведенного текста имеют разные компоненты, независимо от общего компонента, они выражают одно и то же содержание лексическими средствами другого языка, и каждый компонент должен учитываться при переводе.

Таким образом, основная цель антонимичного перевода – добиться адекватного перевода. В ряде случаев основной задачей с учетом особенностей художественного стиля является максимально передать художественные качества оригинального текста.

В четвёртом подразделе первого раздела четвёртой главы под названием «**Прием лексического добавления и его применение при переводе средств художественной выразительности**» анализируются случаи применения приема лексического добавления при переводе СХВ. Цель переводчика в этом случае становится важным соображением, при условии, что при использовании данного способа передачи он выбирает средства, эквивалентные средствам исходного текста. Одной из наиболее распространенных подгрупп переводческой трансформации является приём лексического добавления. Обычно введение

таких слов выражено таким образом, что идеи ученых трактуются по-разному на разных языках: «Отсутствие соответствующего слова или соответствующего лексико-семантического варианта данного слова тоже является причиной введения дополнительных слов при переводе» [12, с. 168].

Дар деҳаи Соктаре аз миракониён Қорӣ Маҳмуд ном касе буд. Ӯ як шахси ширинкор, хушгап ва ҳозирчавоб буд. Падараш ӯро дар хурдсолиаш барои ҳифз кардани қуръон ба қорихона монда будааст, ки сифати «қоригӣ» ба ӯ ба ҳамон муносибат дода шудааст. Ӯ баъд аз калонсол шуданаш ба хизмати сипоҳгарӣ даромада, дар пеши ҳокимони вилоятҳои амирӣ шогирдпешагӣ кардааст [21, с. 89].

Тарҷума: Kori Makhmud the Persian settler also lived in Saktare. He was a merry, clever, quick-witted man. When he was a child, his father had sent him to the Koran reciters` school. There, he had learned the holy book of Islam by heart and received the title “kori”, which means “Koran reciter”. When he grew up, he took an office job and carried out various assignments for the emir`s regional administration [25, p.125].

Как было упомянуто нами ранее, чтобы сохранить высокий художественный стиль и избежать повторы и затемнения смысла произведения искусства, переводчики переводят его, добавляя новые термины и выражения.

В этом примере, помимо других видов лексической трансформации, можно наблюдать приём добавления. В первой части предложения вместо антономазии «*миракониён*» (поселенцы в одном из сел Бухары), была добавлена метонимия «*the Persian settler*» (поселенец Ирана, то есть иранцы), то есть вместо собственного существительного, использовано нарицательное, не сходное по содержанию и семантике исходного текста. Слово «*миракониён*» означает людей, живущих в одной части Бухары, то есть слово обозначает регион проживания того же населения, что характерно для таджикского языка. В другом примере данного отрывка несмотря на то, что некоторые слова заменены другими словами, наблюдается другой приём лексических трансформаций. Третья часть данного отрывка трансформирована на ПЯ путём приёма добавлений в структуре

предложения, так как в нём придаточное предложение, которое соединяет главного предложения с придаточным посредством подчинительного союза **ки** (Падараш ўро дар хурдсолиаш барои ҳифз кардани қуръон ба қорихона монда будааст, ки сифати «**қоригӣ**» ба ў ба ҳамон муносибат дода шудааст), поменялось на ПЯ как сложноподчиненное предложение с обстоятельственными придаточными времени (далее СПП) (when he was a child, his father had sent him to the Koran reciters` school) и подчинительный союз «вакте ки» (when –когда) обозначает обстоятельство времени, который добавляется в ПЯ.

Вторая часть предложения в переводе - это “There, he had learned the holy book of Islam by heart and received the title “kori”, which means “Koran reciter”, которая является частью предыдущего предложения и трансформирована путём добавления. В языке оригинала она является одним из видов метонимии – синекдохой, которая в ПЯ является упоминанием части целого, то есть целью в этом предложении является то, что выражение «**ҳифз кардани қуръон**» (заучивание Корана) в языке оригинала считается частью данного предложения, а «*had learned the holy book of Islam*» (изучать священного исламского книга) – частью общего. Вместо слова «**Қуръон**» (Коран) добавляется метафора «*the holy book of Islam*». Далее в других предложениях языка оригинала (Ў баъд аз калонсол шуданаш ба хизмати сипоҳигарӣ даромада, дар пеши ҳокимони вилоятҳои амирий шогирдпешагӣ кардааст (Досл.: Став взрослым, он поступил на военную службу и стал учеником губернаторов эмиратских провинций), который поменяли места в языке перевода (When he grew up, he took an office job and carried out various assignments for the emir`s regional administration (Досл.: Когда он вырос, он устроился на офисную работу и выполнял различные поручения областной администрации эмира) можно наблюдать некоторые изменения в порядке предложения и его семантики. Однако добавление такого типа в структуре предложения вызывает некоторые структурные изменения, так как сложноподчинённое предложения, которые соединены при помощи интонации (запятой), трансформированы на СПП с обстоятельственными

придаточными времени, в которых добавлена часть данного предложения (When he grew up (когда он вырос).

Итак, данные предложения в ИЯ и ПЯ имеют разные структуры, но важно отметить, что в обоих языках они имеют одинаковое значение. В таджикском языке существует более простая форма придаточного предложения, тогда как в английском языке она более сложная, что приводит к различиям в структуре предложений между таджикским и английским языками.

Superstition was with me at that moment; but it was not yet her hour for complete victory: *my blood was still warm; the mood of the revolted slave was still bracing me with its bitter vigour* [27, p. 15].

Тарчума: *Ман аллакай зери хукми тарсу ваҳми хурофӣ мондаам*, вале лаҳзаи ғалабаи пурраи он ҳоло фаро нарасида. *Ҳанӯз хунам дар ҷӯш буду хашии гуломи шӯришбардошта маро ба оташи ҳаётофаринаш месӯзонид* [22, с. 12].

При переводе также бывают случаи, когда переводчик использует несколько приёмов перевода СХВ, чтобы адаптировать предложение исходного текста к особенностям переводного языка.

В данном примере первая часть «*superstition was with me at that moment*» имеет форму аллегории в переводе «*ман аллакай зери хукми тарсу ваҳми хурофӣ мондаам*». В переводе можно наблюдать приём добавления только в первой части предложения, так как здесь добавлены некоторые СХВ: «*зери тарсу ваҳм қарор доштан*», которое не имеет отношение к структуре оригинального предложения. Следует отметить, что, хотя обычное выражение здесь передано как СХВ – аллегория, но по семантике может заменить значение оригинала, потому что «*хурофот*» (суеверие) – это суеверие, то есть ложное верование, которое привлекает внимание человека из-за религиозных особенностей и человек боится этого.

В другой части предложения «*my blood was still warm the mood of the revolted slave was still bracing me with its bitter vigour*» можно наблюдать одновременно несколько СХВ: «*my blood was still warm*» является аллегорией, «*the mood of the revolted slave*» и «*bitter vigour*» - метафорами. Эти СХВ

выражают нервное состояние человека и в этом контексте, совместно с другими СХВ, приобретают новые значения посредством лексических трансформаций. Например, «*my blood was still warm*» имеет адекватный перевод «*ҳанӯз хунам дар ҷӯш буд*», в котором аллегория или перифраза передана в форме аллегории. Вл второй части данного предложения «*the mood of the revolted slave was still bracing me with its bitter vigour*» можно наблюдать приём антонимичного перевода, так как в нём выражение «*mood*» (настроение) нашло отражение в форме «*хашм*» (гнев, ярость, злоба, раздражение), которое не соответствует значению слова оригинала, но из-за того, что слово «*revolted*» (восстание, мятеж, бунт) в сочетании со словом «*slave*» (раб, рабиня) имеет негативную форму, как «*шуриш, исён, балво*» (восстание, мятеж, бунт), слово «*mood*» (настроение), получило форму «*хашм*», которая может заменить «*mood*» ИЯ. В данном антонимичном переводе часть утвердительного предложения заменена отрицательной, в которой слово «*mood*» имеет противоположное значение «*хашм*».

Как показал анализ, приём добавления может помочь переводчику при переводе художественного произведения с таджикского языка на английский и наоборот.

Пятый подраздел первого раздела четвёртой главы, озаглавленный «**Приёмы опущения и замены и их применение при переводе художественных средств выразительности**», направлен на исследование применения приёма опущения и замены при переводе СХВ. Опущение – это приём лексических трансформаций, противоположный добавлению. При переводе художественной литературы «опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, с точки зрения их смыслового содержания. Одним из примеров избыточности является свойственное всем стилям письменной речи английского языка употребление так называемых «парных синонимов» [12, с. 169]:

Аз ғайри ин, хар ҳам он зимистон бо *сериву нури* кӯкбош хӯрда баромад [21, с. 118].

Even after paying out all this, our donkey ate *the green sorghum* all winter long [25, p. 168].

В данном примере метафора «*сериву нурӣ*» (зажиточный, богатый) не нашла свое отражение и слово “*all*” (все) дополняет его. Вместо него добавлено совсем другое прилагательное «*green*» (зелёное). Следует отметить, что в данном случае на основе понимания переводчика, речь идёт о виде растений, вместо «*кӯкбош*» (вид растений) он использует слово «*sorghum*» [ˈsɔ: gəm] (сорго обыкновенное), которые в таджикском языке имеет перевод как «*чойчуворӣ*» (сорго) и, используя прием лексической замены в пределах своего понимания, переводчик меняет его содержание.

Рассмотрим английский пример:

I am in the most magnificent health and spirits, *eating like a bull, sleeping like a tree*, yet I shall not enjoy a moment till I hear my old tarpaulins tramping round the capstan [28, c. 68].

Перевод: Ман худро хеле нағз ҳис мекунам, **гов барин мехӯрам, саг барин мехобам**. Бо вучуди ҳамаи ин, то шамол ба бодбонҳои мо навазад, ман тамом хушбахт нахоҳам шуд [23, с. 55].

В данном примере «*eating like a bull*» (*гов барин мехӯрам*), «*sleeping like a tree*» (*саг барин мехобам*) являются сравнениями, так как при переводе, хотя их смысл и близок друг к другу, между ними наблюдается различие по структуре. На самом деле слово «*bull*» в английском языке означает «*барзагов*» (бык), но в таджикском языке оно переведено как «*гов*» (корова), и что вполне уместно. В толковом словаре таджикского языка это слово употребляется как «говии кории деҳқонӣ (досл. сельскохозяйственная корова), говии чуфтӣ (парная корова), варзгов (сельхоз корова)» [35, с. 138] что на самом деле означает «*аз андоза зиёд хӯрдани хӯрок*» (переедание).

Еще одно слово в этом предложении имеет похожую ситуацию – «*tree*» (дерево), которое в переводном произведении следует употреблять в значении «*дарахт*» (дерево), при этом, эта единица переведена как «*собака*». Строение этих выражений различается, но по содержанию они равны, то есть *спать*

спокойно и комфортно, но по строению и движению совершенно противоположны друг другу. В культуре таджикского народа вместо словосочетания «*саг барин хоб рафтан*» (досл.: спать как собака) используется другой термин – «*хирс барин хоб рафтан*» (спать как медведь), что соответствует значению «**sleeping like a tree**» (досл.: спать как дерево). Эти утверждения свидетельствуют о том, что задача переводчика состоит не только в том, чтобы передать содержание оригинального текста, но и приблизить содержание текста к читателю переведенного языка и адаптировать элементы, характерные для этого же языка.

В шестом подразделе первого раздела четвертой главы под названием «**Приём лексической компенсации и его применение при переводе художественных произведений**» анализируются случаи применения приёма компенсации при переводе художественных произведений. Следующий подвид лексической трансформации – приём компенсации. На таджикском языке такой вид трансформации называется «чуброн» (Compensation):

– Ман ҳам мадрасаро агар тамом мекардам, ачаб набуд, ки ягон чиз мешудам. Афсӯс, ки ҳамин қашшоқии сабилмонда ба ман имкон надод. Ту хон, бо ҳар гуна душворӣ бошад ҳам, хон. Умедворам, ки ягон чиз шавӣ, «мо худ нарасидем, ту шояд бирасӣ» [21, с. 71].

Перевод: “If I had been able to continue my studies,” he said with a sigh, “perhaps something worth while would have come of me. But poverty forced me to abandon the path of erudition. So study as much and as hard as you can, my son! I have accomplished nothing, so I must hope that you will succeed where I have failed” [25, p. 115]!

Переводчику нужно было использовать приём компенсации, чтобы передать значение нижеследующего выражения. Безусловно, в первую часть, в предложении можно наблюдать способ генерализации, так как вместо конкретной метонимии «*мадраса*» (медресе) переводчик использует широкое значение «*study*» (учиться), а во второй части предложения «*ачаб набуд, ягон чиз мешудам*» (стал бы кем-то), которая имеет переносные значения, отразилось

как «*perhaps something worth while would have come of me*» (возможно стал бы достойным). Данные выражения могут заменить друг друга, но следует отметить, что переводчик использует способ добавления, компенсировав это выражение, так как слово «*worth*» (достойный, ценный) может заменить мнение автора о том, *кто думал*. В ПЯ можно наблюдать выражение «*he said with a sigh*» (он сказал вздохом), которое отсутствует в языке оригинала, и переводчик компенсирует его исходя из речи героя. Здесь в языке оригинала выражение «*имкон надод*» (не дал возможности) нашло отражение как «*forced me to abandon*» (заставил меня отказаться), последней частью которого является «*the path of erudition*» (путь эрудиции). Из этого следует, что смысл предложения компенсирован в целом.

Специфику приёма компенсации можно рассмотреть на примере английского текста и его перевода:

The hell with luck, the boy said [24, p. 164].

Перевод: – *Гӯр бар сари бахт*, - гуфт писарак [24, с. 163].

В данном примере фразеологическая единица (далее ФЕ) в воплощении аллегории перешла в языке перевода путем приёма компенсации, поскольку слово «*hell*» (ад) в языке перевода имеет свой несоответствующий вариант как «*гӯр*» (могила). Переводчик использует приём компенсации и переводит данную аллегорию «*the hell with luck*» (черт возьми) так: «*Гӯр бар сари бахт*» (букв.: могила на голову удачи, к черту удачи), что не соответствуют по лексическому составу. Выбор переводчика в переводе «*The hell with luck*» (черт возьми) «*Гӯр бар сари бахт*» (к черту удачи), то есть перенос значение слова «*hell*» (ад) в ИЯ на «*гӯр*» (могила) в ПЯ, несомненно, употребляется для повышения адекватности художественного перевода. Но следует отметить, что в культуре таджикского народа вместо данного выражения обычно употребляется совсем другое выражение – ФЕ «*сабил монад/бало (чин) занад*» (чёрт возьми), которое больше всего совпадает с едиинцей ИЯ: «Сабил монад – стать покинутым, горе кому-то, стать беспомощным (используется, когда кто-то или что-то заставляет вас чувствовать себя плохо)» [37, с. 6].

Таким образом, анализ предложения показывает, что основной целью переводчика при переводе художественного произведения с использованием СХВ является достижение адекватного перевода, поскольку использование национально-культурных оттенков лексических единиц в художественном тексте создает препятствия для адекватного перевода.

Во втором разделе «**Применение грамматических трансформаций при переводе художественных средств выразительности (с привлечением примеров русского языка)**» разъясняется понятие «грамматическая трансформация», показываются способы и обстоятельства его применения при переводе СХВ:

Ҳанӯз аз даҳонат бӯи шир меояд, аммо ту худро сисола мегӯӣ? – гуфт – Қорӣ – Ишкамба [21, с. 127].

Тарчума: *“You’re still wet behind the ears, and here you are pretending to be thirty!” piped up Kori – Ishkamba [25, p. 302].*

Как видно из вышеуказанного примера, таджикское сказуемое проявляет устойчивость и сохраняется в английском предложении, обеспечивая при этом единство формы и содержания синтаксической конструкции.

При переводе данного выражения наблюдается подбор адекватного соответствия в английском языке – «*to be wet behind ears*» (досл.: стать мокрым по уши). Хотя в данном примере утрачены эстетические особенности, значения предложения в обоих языках соответствуют. Остальным сказуемым, выраженным соответствующими глаголами, подобраны смысловые аналоги.

Рассмотрим более сложные конструкции в английском языке:

As the sun set he remembered, to give himself more confidence, the time in the tavern as Casablanca when he had played the hand game with great negro from Cienfuegos who was the strongest man on the dock [24, p. 88].

Перевод: Пас аз ғуруби офтоб, пирамард барои шердил кардани худ, замонеро ба ёд овард, ки дар майхонаи Касабланка бо зангии азимчуссае аз Сйенфуегос, ки қавитарин мард дар бандар буд, сабқати дастхамонӣ карда буд [24, с. 89].

Хотя все лексические единицы английского языка переведены полностью на таджикский язык, отличие наблюдается в их структуре. Однако следует помнить, что полноценность процесса перевода должна быть учтена, так как встречаются случаи, когда при адекватном переводе и полном или частичном изменении структуры предложения сохраняется и адекватно передаётся содержание предложений. Следовательно, при адекватном переводе следует обращать больше внимания на смысловую составляющую предложения, а не на его структуру.

Пятая глава диссертации называется **«Особенности перевода средств художественной выразительности в связи с проблемами «непереводимости» на материале художественных произведений в таджикском и английском языках»** и состоит из 5 разделов.

Первый раздел пятой главы называется **«Средства художественной выразительности как явление «непереводимости»»**, в нем анализируются и рассматриваются СХВ как явление «непереводимости». В языке каждого народа и нации при выражении чувств и эмоций, описании, восхвалении и критике отражается ряд особых элементов под названием средства выразительности, которые не могут найти своего полного своеобразия в другом языке, потому что в этом некоторые элементы языка употребляются не в прямом, а в переносном смысле.

Перед переводчиком стоит необходимость передать различные СХВ, использованные в исходном тексте:

Модар *нӯги каловаи чигилишудаи аҳволи надарамро* ёфта буд. Аммо тафсилот мехост [21, с. 51].

Перевод: But now she knew *what line of questioning to pursue*: he had given her the clue she needed [25, p. 78].

В предложениях оригинала и перевода, в первой части предложения ФЕ *«нӯги каловаи чигилишуда»* (спутанный, запутанный, запутанное дело) как аллегория с ИЯ на ПЯ трансформируется как *«a line of questioning to pursue»* (досл.: линия допроса, которую нужно продолжить), которая в таких случаях

отражает значение ИЯ как «аз аҳволи касе нурра воқиф шудан» (досл.: быть полностью осведомленным о чем-либо состоянии). По сути, «сари (нӯги) калобаи касеро ёфтан» (быть полностью осведомленным о чем-либо состоянии) используется при нахождении решения проблемы.

В толковом словаре таджикского литературного языка словосочетание «нӯги калобаро ёфтан» используется в значении «киноя аз тариқи ҳалли масъалаи муғлакero ёфтан» (досл.: аллегория способа решения проблемы – букв. найти кончик запутанного клубка) [35, с. 197]. В словаре фразеологических единиц «сари калоба (-и корро) ёфтан» используется в значении «найти решение проблемы» [37, с. 44], данное выражение ещё имеет такой вариант: «сари чигилро кушодан» – «муаммо, масъалаи мушкилero ҳал намудан» (досл.: решить сложную проблему) [37, с. 75]. Таким образом, эквивалент исходного предложения на ПЯ выбран правильно.

Эту ситуацию можно наблюдать и в английском языке:

This appeal seemed to produce some effect, for two of the fellows began to look here and there among the lumber, but *half-heartedly*, I thought, and with half an eye to their own danger all the time, while the rest *stood irresolute* on the road [28, p. 48].

Перевод: Ин фарёд дуздонро қадре далертар кард. Ду нафар аз онҳо ба кофтуков кардани байни дарахтони чакалак даромаданд, аммо *бо дили ноҳоҳам*, базӯр-базӯр ҳаракат карда мекофтанд. Онон, чи тавре ки ба назари ман намуд, аз кофтуков кардан дида, зиёдтар фикри гурезро мекарданд. Дигарҳо *сари калобаашонро гум карда* дар миёнаи роҳ меистоданд [23, с. 39].

В данном предложении выражение «*stood irresolute*» – «сари калобаро гум кардан» (быть полностью осведомленным о чем-либо состоянии) имеет переносное значение и с исключением приведенного выше предложения «*a line of questioning to pursue*» (досл.: линия допроса, которую нужно продолжить) имеет совсем другой вариант - «*stood irresolute*» (досл.: стоял нерешительно). Во время перевода метафоры «*stood irresolute*» (дудила шудан) при передаче на ПЯ меняет свою форму переходит на аллегория «сари калобаро гум кардан»

(растеряться; запутаться в чём-л, попасть в трудное положение), которая подходит к данной метафоре по значению.

В приведенном выше примере также можно наблюдать метонимию «*half-heartedly*», которая передана в ПЯ в форме «*бо дили нохоҳам*» (нехотя, неохотно). В культуре таджикского языка вместо данного выражения часто употребляется другой вариант – «*дилу бедилон*» (неохотно, равнодушно, нехотя) и эти варианты могут заменять друг друга, так как в обоих языках они являются эквивалентами. В английском языке «*stood irresolute*» (досл.: стоял нерешительно) и «*half-heartedly*» (нерешительно) могут быть синонимами и в таджикском языке, имеют один и тот же вариант – «*дудила шудан*» (не решаться, сомневаться, колебаться).

Во втором разделе пятой главы под названием «**Подбор эквивалентов и аналогов**» анализируются случаи, в которых переводчики используют эквиваленты и аналоги при переводе СХВ.

Ман аз ҳамон вақт сар карда бисъёр тарсончак шудам, шаб ки торик шуд, ҳар чизе, ки ба назарам намояд, «дев» ё «ачина» гумон карда дар ларза меафтадам, азбаски Султонпошо маро аз нақл кардани ҳикояҳои деғу ачина тарсонда буд, ба пеши падару модари худ ҳам аз он воқеаҳо *лаб намекушодам* [21, с. 36].

Перевод: From then on, I became very cowardly. Night had hardly fallen when I'd be seeing devils and werewolves in every corner. But having been warned against saying anything by Sultan-posho, I decided *not to tell* my father or my mother [25, p. 58].

В предложении текста оригинала СХВ является метафора «*лаб накушодан*» (заговорить, начинать говорить), которая нашла свой аналог на ПЯ в форме «*not to tell*» (не рассказать), но следует отметить, что данная метафора в языке перевода потеряла свой стилистический и экспрессивный оттенок. Данная метафора в таджикском языке имеет другой способ выражения: «*лаб фуру бастан* – держать язык за зубами»

“The month when the great fish come”, the old man said. *Anyone can be a fisherman in May* [24, p. 18].

Перевод: Моҳи омадани моҳии бузург, -гуфт пирамард. *-Дар моҳи май ҳар бӯз хирман мекубад* [24, с. 19].

Во второй части этого предложения «*Anyone can be a fisherman in May*» нашла в переведенном тексте эквивалент в форме «*Дар моҳи май ҳар бӯз хирман мекубад*» (досл.: в мае каждая коза молотит), что использовано как аллегория. При переводе, хотя их смысл и близок друг к другу, между ними наблюдается различие по структуре. Собственно говоря, слово «*fisherman*» (рыбак) в переводе с английского означает «*моҳигир*» (рыбак), а с таджикского оно нашло своё отражение как «*буз*» (коза), что по-смыслу правильно. В словаре фразеологических единиц эта единица подобна единице «буз агар хирман мекӯфт ҳочати барзагов набуд» (если бы коза пахала гумно, не было бы нужды и в быке) [36, с. 716], что на самом деле может выражать это понятие.

Итак, становится ясным, что задача переводчика – не только передать содержание исходного текста, но и сделать содержание исходного текста более близким и релевантным для читателя языка перевода.

Таким образом, правильное использование переводческой трансформации при переводе художественных произведений приводит к адекватности переведенного текста. Важно отметить, что при переводе художественных произведений переводчик должен сохранять семантику и содержание исходного текста в переведенном тексте, что невозможно без использования переводческих трансформаций.

В третьем разделе пятой главы под названием «**Перевод средств художественной выразительности в составе фразеологических единиц**» анализируются ФЕ, в состав которых входят средства художественной выразительности. Известно, что ФЕ воплощают национальные особенности и различаются по своей лексико-грамматической структуре в пределах средств выражения двух рассматриваемых языков:

Чинифурӯш *ниёлаи чойро ҳанӯз холӣ накарда*, Қоришкамба даҳони худро аз нон пур кард, ки акнун *на нонро хоида метавонист ва на ҳарф зада* ва ӯ дар ҳамин ҳолат, аз тарси он ки чинифурӯш нони боқимондаро хӯрда намонад, як дасти худро ба бурдаи охирини нон, ки ба рӯйи бодбезак буд, гузошта, бо дасти дигараш ба чинифурӯш ишора кард, ки *зудтар ниёлро холӣ карда*, ба ӯ *чой кашида диҳад*, то ки вай нонҳои нимхоидаи дар лунчаш бударо бо ёрмандии чой фурӯ бурда тавонад [20, с. 11].

Перевод: While the ceramic seller *hadn't finished his tea*, Qori Ishkamba stuffed his mouth with so much bread that *he couldn't chew or speak properly*. Anxious that the ceramic seller might eat the remaining bread, Qori Ishkamba placed one hand on the last piece atop the fan and gestured with the other hand for the seller *to quickly empty his cup* and *refill it with tea*. This way, he hoped to wash down the half-chewed bread in his mouth [26, p. 43].

Если в таджикском языке ФЕ «*ниёлро холӣ кардан*» (досл.: опустошить пиалу (бакал) в тексте выражает метонимическое отношение и использована два раза, то в английском языке ФЕ «*hadn't finished his tea*» (досл.: не закончил пить своего чая) – не имеет метонимического значения. Другая ФЕ «*to quickly empty his cup*» (досл.: опустошить свою пиалу (бакал) в английском языке отличается от первой «*hadn't finished his tea*» экспрессивностью, являясь метонимической окраской.

Например, в ФЕ «*ниёлро холӣ кардан*» имеет значение пить до конца, и данная метонимия в культуре таджикского народа имеет особое значение «*чизеро холӣ кардан – освободить что-л.*». Другая ФЕ в данном предложении, имеющая метафорическое значение – это выражение «*ҳарф задан*» (досл.: произнести и букву), которое нашло выражение адекватного варианта в английском языке в форме «*to speak properly*» (собственно говоря). Но, безусловно, они не могут стать эквивалентами, так как таджикская ФЕ «*ҳарф задан*» - разговоривать, сказать что-то [37, с. 601] имеет более экспрессивный и эмоциональный характер, чем «*gap задан*», которая используется в обычном варианте.

Рассмотрим английский пример:

«Livesey», returned the squire, «you are always in the right of it. I'll be as silent as the grave» [28, p. 63].

Перевод: *Ливси, - гуфт арбоб дар ҷавоб, - ҳамеша гапи шумо ҳақ аст. Ман мурда барин хомӯш хоҳам буд* [23, с. 51].

В английском предложении эпитет «**grave**» (могила) в составе ФЕ означает «**гӯр, қабр, лаҳад; марг**» (могила, гробница, могила; смерть), который в таджикском языке трансформируется в форме «**мурда**» (мертвый). Однако оба выражения логически совместимы и выражают значение «*полного молчания*».

Четвертый раздел пятой главы под названием «**Перевод средств художественной выразительности в пословицах и поговорках**» включает анализ перевода СХВ в составе пословиц и поговорок (ПиП). ПиП и ФЕ представляют собой ряд единиц, воплощающих национальные особенности и употребляющихся в качестве устного творчества народа, а переводчики включают их в отдельную группу безэквивалентных единиц. Эти языковые единицы выражают переносное значение, а их состав богат СХВ.

Шавад обӣ, нашавад лалмӣ [20, с. 5].

Перевод: «Nothing ventured, nothing gained» [26, p. 35].

В данной притче в составе поговорки художественного произведения «шавад обӣ, нашавад лалмӣ» (пог. удастся –квас, а не удастся –кислые щи) употребляется национальный колорит, который не наблюдается в английской поговорке как «nothing ventured, nothing gained» (букв.: то что, не рискуется, не выигрывается). Английская поговорка «nothing ventured, nothing gained» имеет семантическое соответствие в таджикском языке с другой пословицей «**аз гунчишик тарсӣ, арзан макор**», которая имеет негативную окраску и выражает неодобрение. В английском языке в этом смысле используются такие пословицы и поговорки, как «**sink or swim**» (тонуть или плыть), «**do or die**» (сделать или умереть), «**or pan or lost**», (или пан или потерян) и «**double or nothing**» (удвой или ничего).

При переводе пословиц и поговорок также наблюдается их семантическая интерпретация на языке перевода, к которой переводчик прибегает в случае отсутствия или не нахождения подходящих эквивалентов:

Ба қавли Саъдӣ: «*Атои ӯро ба лиқои ӯ бахшидам*» – гуфтам ва аз ӯ чудо шуда, паси кори худ рафтам [20, с. 31].

Перевод: “As Sa` di has said: “To avoid hearing his unpleasant talk, I am willing to give up any benefits from it”. So, I`ll take care of my own affairs and leave him be” [26, p. 65].

В данном предложении пословица «*атои ӯро ба лиқои ӯ бахшидам*», которая является иронией по поводу *воздержания от дарения подарков и благословений человеку с кислым лицом*, переводится на английский язык как «*to avoid hearing his unpleasant talk, I am willing to give up any benefits from it*» (букв.: чтобы не слышать его неприятных слов, готов отказаться от любой выгоды), что не полностью передает смысл таджикской пословицы.

Проанализировав некоторые ФЕ и ПиП, можно сделать вывод, что, хотя в их структуре при переводе и могут наблюдаться изменения, передавать их следует корректно и полно, поскольку главная цель переводчика – точно воспроизвести оригинал и адаптировать его к переводному языку.

В пятом разделе пятой главы под названием «**Перевод средств художественной выразительности применительно к реалиям**» рассматриваются способы и методы перевода СХВ применительно к реалиям. Реалия — название предметов, событий, понятий, используемых в повседневной жизни, и отражают некоторых национальных обрядов, традиций и праздников, отличающееся от других языковых единиц своей национальной окраской и колоритом:

Ман гоҳо аз «*молҳои тиҷорати Раҳим*» ба ду пул қанд ё конфет харида, ба даҳон андохта, бар суфачаи дигар макида менишастам. Ин харидаи ман аз чиҳати эҳтиёчам ба ширинӣ набуда, балки барои шунидани суханони ба мазоқи ман аз қанд гуворотари ӯ буд [20, с. 20].

Перевод: Sometimes I would buy *a sugar or a konfet from Rahimi Qand's goods for two puls*, not because I needed the sweets, but to delight in hearing his words. His words were sweeter than the sugar itself [26, p. 54].

Реалия в составе литотной метонимии «*ба ду пул қанд ё конфет харидан*» (купить сахар-рафинад и конфеты за две деньги), которая транскрибирована (*konfet* и *puls*), и одна из них передана как словосложение (*a sugar*). Хотя данные выражения нашли отражение в ПЯ, способы использования их перевода было бы лучше сделать по-другому, опираясь на теорию перевода реалии. Слово «қанд – 1. твёрдое сладкое вещество, получаемое путём уваривания сока сахарного тростника и сахарной свёклы: конфеты в обёртке, белый сахар, кусковой сахар; сладость, сласти; 2. перен. сладость, удовольствие, наслаждение» [33, с. 655] в культуре таджикского народа используется не как «сахар» (*шакар*) или «*sugar*», а как «*қанди сафед*» (*сахар-рафинад*) или просто «*қанд*» (*кусковой сахар*), который имеет совсем другой перевод как «*lump sugar*» (*кусковой сахар, рафинад*) или «*refined sugar*» (*рафинированный сахар или сахар-рафинад*). В составе данной метонимии в переводе можно наблюдать другое выражение, которое переводчик считает реалией. Это слово «*конфет*» (*конфета*). Следует отметить, что, хотя данное слово экзотизмом в таджикском языке или калькировано с русского языка и имеет значение вида сладости, имеет место в словаре как «конфет – конфета» [32, с. 280] и принято как слово «*конфет*», но в языке перевода отразилось как «*konfet*» и имеет такое описание «*konfet – rus. sweets*» [26, с. 54], которое трудно понять читателю. Или в переводе слово “sweet” в общем могло бы заменить слово «*конфет*», хотя как переносное значение имеет перевод как «*душистый, добрый, мягкий и т.д.*». Здесь можно было бы использовать значение данной «*реалию*» как обычное слово «*sandy*» – *ам. любого сорта*

В самом деле, «*ду пул*», которое переводчик принял за реалию и перевел буквально, является ФЕ, которая употребляется в значении «ломаного гроша» (пули пучак), и ее не нужно переводить в ПЯ как реалию «*for two puls*» (за две деньги). Здесь переводчик воспользуется этой ситуацией и переводит на уровне

транскрипции, а в сноске дает пояснение в виде «*pul* – a copper coin of the Emir of Bukhara which was equal to one fourth of a kopeck or tin» (*пул* – сиккаи мисии амири Бухоро, ки баробар ба чоряк тин буд) [26, с. 54]. Это выражение, как правило, имеет в переводном языке другую форму – «ничего не стоящий», то есть покупка чего-либо за дешевые деньги, и было принято в качестве устойчивой единицы языка, распространенной в языке художественных произведений. Данное выражение, как литота в составе фразеологизма «дешево», то есть покупать что-либо за небольшие деньги, имеет совершенно иной перевод, который выражает смысл данного фразеологизма. В английском языке вместо этого выражения употребляется слово «*mite* [mait] *n* чень маленькая сумма, небольшое количество денег; 2) скромный вклад; 3) очень маленькое/хрупкое животное или предмет» [30, с. 527].

В английском языке можно наблюдать ту же ситуацию:

“Oh,” returned the fairy, “that does not signify! Here is *a talisman will remove all difficulties;*” and she held out a pretty gold ring. [27, p. 280].

Перевод: «Эй, – гуфт парӣ, – ин муҳим нест! Мана *ин тӯмор ҳамаи душворихои туро осон хоҳад кард*, ва ӯ ба ман ангуштарии тиллоiero дод [22, с. 263].

В английском предложении существует метонимия-реалия. Слово «*talisman*» является реалия в составе СХВ. Слово «*talisman*» означает русское «*талисман*», которое нельзя заменить таджикским «*тӯмор*». Хотя данное выражение в культуре таджикского народа используется как «листок бумаги с написанным на нем исламским дуа, завернутый в ткань, накрытый и всегда носимый с добрыми намерениями», следует отметить, что данное слово в словаре таджикского языка имеет такой перевод: «*тӯмор* – письмо, длинное письмо, письмо, завернутое в трубочку» [33, с. 382]. Переводчик, используя случай – суеверное представление – переводит его как «*тӯмор*». Поэтому, английское слово «*talisman*» не может заменить таджикское слово «*тӯмор*».

Анализ показал, что реалии – это слова и словосочетания, воплощающие национально-культурные особенности народа и создающие трудности для

читателя переводного варианта произведения. Поэтому существуют важнейшие средства и приемы перевода реалий, широко используемые в составе СХВ, правильное и уместное использование которых в огромной степени помогает в представлении культуры и цивилизации носителей исходного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании подвергнуты анализу и обсуждению лингвистический и переводческий аспекты СХВ на основе литературных текстов на таджикском и английском языках.

Следует отметить, что СХВ играют большую роль в создании художественных произведений. Они положительно влияют на национальное многообразие художественного произведения, раскрывая самые тонкие и значимые нюансы и тем самым обеспечивая смысл на всех языковых и литературных уровнях.

Художественные тексты являются результатом творческого процесса, в котором красочное воображение писателя, национальные и культурные особенности, цивилизация, обряды, обычаи, исторические факты, образ жизни, мышление и т. п. воплощаются посредством тонких, изящных и приятных образов. Дух народа, национальная самобытность, народные верования, неповторимая природа искусно и мастерски запечатляются автором на бумаге в художественных текстах с использованием этих средств выразительности. Вот почему понимание творческого потенциала автора является важной оценкой развития персидско-таджикско-английских литературных связей, которые приобрели особый статус и место в общественной сфере. Писатель, как основной субъект художественно-просветительской деятельности, выражает свои воображения на основе реальных образов.

Столкновение культур и цивилизаций, результатом которого является развитие и совершенствование литературы и великие литературные достижения, представляет собой процесс, посредством которого культура и цивилизация одной нации достигает значительного процветания.

Действительно, представляя культуру и цивилизацию народов, можно наглядно оценить важность перевода и переводческой деятельности, которые в современном мире играют непреходящую роль в обогащении литературных связей для опыта письма и творчества, как одного из способов соединения многоязычных народов и наций.

Анализ показал, что художественное изображение речи писателя осуществляется посредством различных художественных средств выразительности и является результатом познания и образного выражения реального мира.

В процессе исследования было доказано, что использование СХВ в произведениях таджикских и английских писателей занимает значительное место, а их сравнительное изучение с точки зрения перевода приводит к достижению целостного перевода. В составе СХВ слова и фразы приобретают новые семантические и стилистические коннотации, особенно метафорические, понимание и распознавание которых требует от переводчика визуальных, лингвистических и литературных знаний, а также хороших навыков перевода и умения их передавать.

Неоспоримым является тот факт, что СХВ обладают высокой экспрессивной окраской, что создает различные трудности для переводчиков при переводе, поскольку большинство из них содержат скрытые национально-культурные нюансы, и задача переводчика в этом плане – донести до читателя художественного произведения высокий эстетический вкус. Поэтому для достижения этой цели переводчик должен воплотить в переведенном тексте культурную и национальную аутентичность, эффективность, элегантность и красноречие оригинального текста.

Целью передачи СХВ в процессе перевода является сочетание специфических языковых и стилистических особенностей оригинала с его спецификой в переводном языке, что создает благоприятную основу для взаимодействия этих двух совокупностей языковых явлений при сохранении содержания исходного текста.

Стоит отметить, что специфика перевода литературных произведений усложняет процесс перевода и создает препятствия для полноценного перевода. В художественных произведениях проявляются особые черты СХВ, такие как метафора, ее типы, некоторые асимметричные единицы.

Таким образом, результаты исследования показали, что:

1. Специфика художественного стиля проявляется в использовании СХВ, что отличает его от других стилей языка. СХВ — важнейшие явления языка художественной литературы, обуславливающие своеобразие, выразительность и действенность высказывания **[2-А]**;

2. Анализ художественного перевода включает в себя и другие неязыковые, эстетические и значимые средства, имеющие большое значение для литературного жанра. Поэтому в исследованиях, посвященных художественному переводу, выделяют два аспекта: литературоведческий и лингвистический **[11-А]**;

3. Сходство стилистических и семантических значений слов в исходном тексте и переводе предполагает связь не только их субъективно-логической природы, но и их коннотативного значения, выражающего характер восприятия говорящего. Соответственно, при передаче коннотативного значения слова на языке оригинала ключевую роль играют его эмоциональный, стилистический и образный компоненты **[2-А]**;

4. В таджикском и английском языках для украшения речи используются художественные средства выразительности, т.е. тропы, которые при неправильном использовании могут исказить смысл высказывания **[6-А]**;

5. В толковых и специализированных словарях русско-таджикского, русско-английского, таджикско-русского и др. языков концепция и содержание средств художественной выразительности имеют разные тенденции, которые не являются точными, а для одного типа тропа считается целесообразным несколько вариантов перевода. Вариантные переводы, как правило, не выражают одну и ту же концепцию, поскольку при сравнении они создают препятствия для полного перевода **[37-А]**;

6. На основе мнений отечественных и зарубежных исследователей проведена классификация тропов, определены их средства и приемы выражения. Результаты анализа показали, что классификация художественных средств выразительности различна, а их количество и виды не одинаковы в таджикском и английском языках [11-А];

7. Метафора – это фигура речи, возникающая на основе сходств двух событий и по выражению схожая со сравнением или эпитетом, хотя между ними есть отчетливое и тонкое различие [13-А];

8. Семантические границы использования метафоры в английском и таджикском языках одинаковы, но между ними имеются структурные различия [12-А];

9. Точное и уместное использование эпитета в таджикском и английском языках основано на двуязычии русско-таджикской, таджикско-русской и других интерпретационных культур и его отличии от других художественных средств выразительности [7-А];

10. Различие между аллегорией, символом и намеком подтверждается вескими доказательствами и определяется их использованием. Хотя мнение исследователей в этой области по этому вопросу вполне обосновано, по нашему мнению, аллегория не является символом [15-А];

11. Значительный прогресс наблюдается в исследованиях ученых в области «притчи» и басни, включающих интересные идеи о ее специфических характеристиках, сущности, универсальности и функциях. Однако в двуязычных словарях при переводе этого слова имеется ошибки [17-А];

12. Метонимия как термин определяется в словарях как «киноя», однако понятие «киноя» является правильным переводом слова «аллегория», так как его толкование в таджикском языке соответствует слову «аллегория». Этот художественное средство выразительности в других источниках именуется как «троп», однако следует отметить, что согласно научным источникам, а также двуязычным и интерпретативным культурам, «маҷоз» — это не «метонимия», а

«троп». Мы, с другой стороны, предлагаем перевод метонимии как «искусство изящества» или «метонимия» [2-А];

13. Способ выражения синекдохи в английском языке аналогичен способу выражения в таджикском языке, но существуют различия в их классификации, которые выражены специфическим образом в таджикском и английском языках [2-А];

14. Антономазия используются как СХВ, в основе которого лежит замена имени собственного на нарицательное и наоборот. В его выражении отчетливо осознается роль культуры и цивилизации отдельных наций и народов [2-А];

15. Понятие перифразы как разновидности тропа имеет свою собственную сферу применения и используется для выражения мыслей изящным и элегантным способом. В перифразах наблюдается замена слов и словосочетаний описательными фразами с сохранением важнейших признаков слова [2-А];

16. Гипербола и литота также являются средствами художественного выразительности, используемыми для придания высказыванию красноречивости и элегантности. В английском и таджикском языках они выполняют эстетическую функцию, играя значительную роль в создании высокого образа, сатирического эффекта, юмористического выражения, тем самым делая высказывание выразительным и действенным [2-А];

17. Роль переводчика приобретает решающее значение при переводе СХВ, поскольку он должен досконально разобраться в системе, относящейся к тематике переводимого текста, и определить соответствующие эквиваленты на обоих языках [26-А];

18. Хотя перевод сохраняет национально-культурные особенности исходного текста, эстетические, идеологические, моральные и стилистические особенности автора произведения также должны быть сохранены [37-А];

19. Одним из самых продуктивных инструментов художественных произведений является многозначность слов. Значение слов в художественном произведении целиком и полностью зависит от результата творческой мысли

автора, требующей от читателя осмысленной оценки и вывода. Таким образом, лексические особенности художественного произведения представляют собой элементы, создающие благоприятные условия для полноценного перевода [5-А];

20. При переводе художественного текста переводчик должен не только выразить его смысл на литературном языке, но и сохранить его стилистические и семантические оттенки, поскольку полное понимание содержания произведения целиком зависит от таланта художественного переводчика [5-А];

21. Основная проблема художественного перевода состоит не только в передаче смысла, но и в выражении неповторимого стиля автора произведения, а его красота и различные художественные приемы, используемые в тексте, зависят от переводчика [19-А];

22. При переводе художественных средств выразительности могут возникнуть лексико-грамматические проблемы, которые можно разрешить с помощью лексико-грамматической трансформации, такие как конкретизация, генерализация, опущение и замена, антономический перевод, семантическая компенсация и тому подобное [19-А];

23. Главным фактором переводческих трансформаций является совместимость языковых различий, но перевод используется не только при отсутствии эквивалента или подходящего выбора, он может также иметь место при наличии эквивалентов и грамматических структур в исходном языке и языке перевода [14-А];

24. Безэквивалентные лексические единицы, такие как реалии, фразеологизмы, пословицы и поговорки и т.п., создают определенные трудности в процессе перевода, которые связаны с национальными особенностями носителей языка и заставляют переводчика при переводе таких языковых единиц обращать внимание не на их структуру, а на семантические особенности этих языковых единиц, чтобы правильно определить не только структурные, но и семантические соответствия в языке перевода [28-А].

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

На основании проведенного исследования предлагаются следующие научные рекомендации, направленные на совершенствование изучения теоретических и практических вопросов, связанных с СХВ, а также на развитие направлений языкознания, переводоведения и литературоведения:

1. Теоретические основы и выводы данного исследования предоставляют важную базу для решения проблем, связанных с лингвистическими и переводческими аспектами художественных средств выразительности на таджикском и английском языках, а также для проведения границы между этими средствами.

2. При изучении СХВ в разносистемных языках и определении путей и средств их перевода результаты настоящей диссертации следует рассматривать как достоверный научный материал.

3. Результаты данного исследования могут быть использованы в качестве материала в научно-исследовательской работе и при разработке программ или проработке вопросов, связанных с изучением СХВ, безэквивалентных лексических единиц, таких как реалии, ПиП, ФЕ в разносистемных языках, и выявлением их особенностей.

4. Для специалистов в области языкознания, переводоведения и литературоведения результаты исследования могут служить руководством при решении теоретических и практических вопросов, связанных с СХВ в таджикском и английском языках.

5. Диссертация может быть использована в качестве справочного пособия при преподавании языкознания, теории и практики перевода, теории литературы, сравнительной типологии, чтения и перевода художественной литературы, перевода и взаимосвязи литературы, фразеологии, лексикографии, лексикологии или развития двуязычных культур, учебников и учебных пособий.

6. По результатам диссертационной работы можно организовать занятия со студентами, аспирантами и докторантами (PhD) по социально-гуманитарным дисциплинам, используя ее как средство повышения выразительности.

7. Для исследователей, занимающихся сравнительными исследованиями в области сравнительного языкознания, сравнительно-исторического языкознания, перевода, особенно художественного перевода, литературы и литературной критики, данная работа может служить теоретическим и практическим материалом.

8. Изучение специфики СХВ, способы их выражения и в то же время выявление путей и методов их передачи в рамках таджикского и английского языков показало, что в изучении различных вопросов СХВ остается еще много аспектов, требующих отдельного исследования. Поэтому, учитывая важность художественных средств выразительности, мы можем приступить к анализу других аспектов этой темы.

9. На основе проведенного исследования установлено, что СХВ – это особые языковые единицы, имеющие переносное значение и широко используемые для придания речи выразительности и интересности, а значит, пробуждения эстетического вкуса у читателя в разговорной и литературной речи. Поэтому переводчикам и исследователям в области лингвистики, переводоведения и литературоведения необходимо учитывать эти нюансы при работе с художественными средствами выразительности и использовать представленные в диссертации результаты.

10. Подготовка данной диссертации считается весьма важной в реализации «Государственной программы совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года» и бюджетного проекта «Проблемы «непереводимости» в условиях расширения международных связей современного Таджикистана» (2024-2027 гг.), а ее научные достижения могут стать хорошим руководством для специалистов в данной области при выражении различных научных концепций.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

1. Монография

[1-М]. Сохибназарова, Х.Т. Назария ва амалияи воситаҳои тасвири бадеӣ. Монография / Х.Т. Сохибназарова. – Душанбе, 2024. – 232 с.

2. Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при

Президенте Республики Таджикистан:

[2-М]. Сохибназарова, Х.Т., Саидова, Д.М. Оид ба тарҷумаи баъзе рубоиёти Умар Хайём ба забонҳои русӣ ва англисӣ бо таваҷҷуҳ ба сохторҳои синтаксисӣ / Х.Т. Сохибназарова // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2020. – №7. – С. 76-81.

[3-М]. Сохибназарова, Х.Т. Оид ба хусусияти тарҷумаи воҳидҳои грамматикӣ бемуодил аз забони англисӣ ба забони тоҷикӣ ва баръакс / Х.Т. Сохибназарова // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2021. – №3. – С. 94-98.

[4-М]. Сохибназарова, Х.Т., Зарипов, К.А. Таҳлили дараҷаи мутобиқати воҳидҳои лексикӣ забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ (дар мисоли асарҳои С. Айнӣ) / Х.Т. Сохибназарова, К.А. Зарипов // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2022. – №1 (45). – С. 20-27.

[5-М]. Сохибназарова, Х.Т. Разновидность тропов и их общелингвистическая классификация в таджикском и английском языках / Х.Т. Сохибназарова // Вестник педагогического университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2022. – №6-1 (101). – С. 24-31.

[6-М]. Сохибназарова, Х.Т. Ташбеҳ ва нақши он дар тарҷумаи асарҳои бадеӣ (дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ) / Х.Т. Сохибназарова // Вестник педагогического университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2022. – №6-1 (101). – С. 81-86.

[7-М]. Сохибназарова, Х.Т., Мустафоева, М.Р. Ҷумла ва мавқеи он аз нигоҳи забоншиносон / Х.Т. Сохибназарова, М.Р. Мустафоева // Вестник

педагогического университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2023. – №1 (102). – С.16-20.

[8-М]. Сохибназарова, Х.Т. Проблемы использования художественной выразительности в таджикском и английском языках / Х.Т. Сохибназарова // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2023. – №1. – С. 103-110.

[9-М]. Сохибназарова, Х.Т. Взгляды учёных о художественной выразительности / Х.Т. Сохибназарова // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2023. – №2. – С. 158-164.

[10-М]. Сохибназарова, Х.Т. Терминологическое значение выразительных средств языка и способы их образования / Х.Т. Сохибназарова // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2023. – №3. – С. 134-137.

[11-М]. Сохибназарова, Х.Т. Лингвистическая природа метафор и способы их выражения в таджикском и английском языках / Х.Т. Сохибназарова // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2023. – №8. – С. 85-90.

[12-М]. Сохибназарова, Х.Т. Отражение видов метафор в таджикском и английском языкознании (на примере художественных текстов) / Х.Т. Сохибназарова // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2023. – №10. – С.183-190.

[13-М]. Сохибназарова, Х.Т., Давлатова, М.О. Баррасии тахвилоти тарчумонӣ ҳамчун омили номувофиқатии воҳидҳои луғавӣ ва мушкилоти он дар тарҷумаи бадеӣ / Х.Т. Сохибназарова, М.О. Давлатова // Вестник университета языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2024. – №2 (54). – С. 89-95.

[14-М]. Сохибназарова, Х.Т. Киноя ва нақши он дар тарҷумаи асарҳои бадеӣ (дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ) / Х.Т. Сохибназарова // Вестник университета языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2024. – №3 (55). – С. 73-80.

[15-М]. Турсунов, Ф.М., **Сохибназарова Х.Т.** Ономастика как феномен безэквивалентной лексики в переводе (на материале английского, русского и таджикского языков) / Ф.М. Турсунов, Х.Т. Сохибназарова // Вестник педагогического университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2024. – №3 (110). – С. 7-12.

[16-М]. **Сохибназарова, Х.Т.** Ташаккул ва таҳаввули санъати тамсил дар осори бадеии тоҷикиву англисӣ / Х.Т. Сохибназарова // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2024. – №6. – С. 47-53.

[17-М]. **Сохибназарова, Х.Т.** Санъатҳои бадеӣ ҳамчун падидаи тарҷуманопазирӣ / Х.Т. Сохибназарова // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2024. – №7. – С. 58-63.

[18-М]. **Сохибназарова, Х.Т.** Способы передачи средств художественной выразительности в переводоведение / Х.Т. Сохибназарова // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2024. – №8. – С.122-127.

3. Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

[19-М]. **Сохибназарова, Х.Т.** Грамматические трансформации при переводе сказуемого с английского на русском и обратно / Х.Т. Сохибназарова // Материалы международной научно-практической конференции “Роль перевода в современных условиях”. – Душанбе, 2017. – С.178-187.

[20-М]. Турсунов, Ф.М., **Сохибназарова, Х.Т.** Таносуби мафҳумҳои зарбулмасал, мақол дар забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ аз нигоҳи тарҷума / Ф.М. Турсунов, Х.Т. Сохибназарова // Материалы международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы перевода и языкознания в современных условиях”. – Душанбе, 2020. – С. 282-286.

[21-М]. Турсунов, Ф.М., **Сохибназарова, Х.Т.** Перевод и диалог цивилизаций / Ф.М. Турсунов, Х.Т. Сохибназарова // Материалы международной научно-практической конференции “Русский и иностранные языки: перспективы

преподавания в вузах Таджикистана с использованием современных образовательных технологий”. – Душанбе, 2021. – С. 9-17.

[22-М]. Сохибназарова, Х.Т. Безэквивалентные грамматические единицы в английском и таджикском языках и способы их передачи / Х.Т. Сохибназарова // Материалы международной научной конференции профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений России, Узбекистана и Таджикистана под названием “Актуальные проблемы межкультурных коммуникаций: сохраняя прошлое, создаём будущее”. – Самарканд, 2021. – С. 220-224.

[23-М]. Сохибназарова, Х.Т., Зарипов, К.А. Сермаъноии калимаҳо дар матни бадеӣ ва мушкилоти тарҷумаи онҳо / Х.Т. Сохибназарова, К.А. Зарипов // Материалы международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы языкознания и литературоведения в современное время”. – Душанбе, 2022. – С. 236-240.

[24-М]. Сохибназарова, Х.Т., Саидова, Д.М. Ақидаи олимони тоҷик ва хориҷӣ роҷеъ ба таносуби истилоҳии санъатҳои бадеӣ / Х.Т. Сохибназарова, Д.М. Саидова // Материалы международной научно-практической конференции “Русский язык в современном билингвальном пространстве”. – Душанбе, 2023. – С. 41-44.

[25-М]. Сохибназарова, Х.Т. Санъатҳои бадеӣ – омили барҷастаи офариниши унсурҳои “тарҷуманопазирӣ”-и забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ / Х.Т. Сохибназарова // Материалы международной научно-практической конференции “Язык – олицетворение исторической памяти прошлого и настоящего”. – Душанбе, 2024. – С. 343-346.

[26-М]. Сохибназарова, Х.Т. Аллегория и её способы выражения в переводе художественных произведений / Х.Т. Сохибназарова // Материалы международной научно-практической конференции “Современное востоковедение и перспектива его развития: проблемы языкознания в литературных связях”. – Худжанд, 2024. – С. 297-304.

[27-М]. Сохибназарова, Х.Т. Роҷеъ ба асосҳои назариявии «тарчуманопазирӣ» / Х.Т. Сохибназарова // Материалы международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы переводоведения: теория и методы исследования “непереводимости”. – Душанбе, 2024. – С. 12-16.

[28-М]. Сохибназарова, Х.Т. Роҳҳои ифодаи вожаҳои урфӣ-реалияҳо дар раванди тарҷумани асарҳои бадеӣ (дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ) / Х.Т. Сохибназарова // Материалы республиканской научно-практической конференции “Актуальные проблемы терминологии в разносистемных языках”. – Душанбе, 2017. – С. 13-19.

[29-М]. Сохибназарова Х.Т. Оид ба қорбандии баъзе воҳидҳои бемуодил дар раванди тарҷума (дар мисоли матнҳои бадеӣ) / Х.Т. Сохибназарова // Материалы республиканской научно-практической конференции “Актуальные проблемы социалингвистической и межкультурной коммуникации”. – Душанбе, 2018. – С. 179-184.

[30-М]. Сохибназарова, Х.Т., Мирзоева, Г.Х. Ташбеҳ ва усули тадриси онҳангом тарҷумани асарҳои бадеӣ / Х.Т. Сохибназарова, Г.Х. Мирзоева // Материалы республиканской научно-практической конференции “Актуальные проблемы перевода и лингвистики”. – Душанбе, 2019. – С. 141-148.

[31-М]. Давлатова, М.К. Сохибназарова, Х.Т., Фразеологические единицы соматизмом “hand”-“даст” в ассоциативном диапазоне таджикского и английского языков / М.К. Давлатова, Х.Т. Сохибназарова // Материалы республиканской научно-практической конференции “Вклад профессиональных переводчиков в развитие сферы туризма”. – Душанбе, 2021. – С. 89-93.

[32-М]. Сохибназарова, Х.Т. Усулҳои истифодаи воҳидҳои фразеологӣ ва қиссҳои устувор дар раванди тарҷумани асарҳои бадеӣ / Х.Т. Сохибназарова // Материалы республиканской научно-практической конференции “Вклад профессиональных переводчиков в развитие сферы туризма”. – Душанбе, 2021. – С. 13-17.

[33-М]. Давлатова, М.К., Сохибназарова, Х.Т. Тарчума ва нақши беназири он дар даврони Истиқлолият / Х.Т. Сохибназарова, М.К. Давлатова // Материалы республиканской научно-практической конференции “Формирования и развитие переводоведения за 30 лет государственной независимости”. – Душанбе, 2021. – С. 6-11.

[34-М]. Сохибназарова, Х.Т. Ташбеҳ ва роҳҳои интиқоли он аз забони англисӣ ба забони тоҷикӣ ва баръакс (дар мисоли асарҳои бадеӣ) / Х.Т. Сохибназарова // Материалы республиканской научно-практической конференции “Актуальные проблемы изучения и преподавания иностранных языков в условиях инновационного развития”. – Душанбе, 2021. – С. 29-34.

[35-М]. Турсунов, Ф.М., Сохибназарова, Х.Т. Роҷеъ ба муодилокии воҳидҳои луғавӣ дар тарҷумаи бадеӣ (дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ) / Ф.М. Турсунов, Х.Т. Сохибназарова // Материалы республиканской научно-практической конференции “Лингвистический и социальный аспекты перевода в условиях мультикультурализма образования”. – Душанбе, 2022. – С. 59-64.

[36-М]. Сохибназарова, Х.Т. Инъикоси истилоҳнигории маҷоз дар илми забоншиносӣ / Х.Т. Сохибназарова // Материалы республиканской научно-практической конференции “Проблемы таджикского перевода и переводоведения: состояние и перспективы”. – Душанбе, 2023. – С. 46-54.

[37-М]. Турсунов, Ф.М., Сохибназарова, Х.Т. Баъзе масъалаҳои тарҷуманопазирӣ / Ф.М. Турсунов, Х.Т. Сохибназарова // Материалы республиканской научно-практической конференции “Методы усовершенствования преподавания английского языка в средних общеобразовательных и высших профессиональных учебных заведениях”. – Душанбе, 2023. – С. 191-193.

[38-М]. Турсунов, Ф.М., Сохибназарова, Х.Т. Сравнения и их репрезентация в художественном переводе / Ф.М. Турсунов, Х.Т. Сохибназарова // Материалы республиканской научно-практической конференции “Таджикский язык в свете новых преобразований”. – Душанбе, 2024. – С. 37-41.

[39-М]. **Сохибназарова, Х.Т.** Таҳлили муодилокии баъзе вохидҳои фразеологӣ ва зарбулмасалу мақолҳо аз забони тоҷикӣ ба забони англисӣ (дар мисоли асари “Treasure Island”- и Стивенсон) / Х.Т. Сохибназарова // Материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава ТГИА имени Сотима Улугзода “Исследования актуальных проблем филологии и перевода в современное время”. – Душанбе, 2021. – С. 87-93.

[40-М]. **Сохибназарова Х.Т.** Санъати сухан дар раванди тарҷума / Х.Т. Сохибназарова // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических, исторических и философских наук. – Душанбе, 2017. – №1 (25). – С. 12-17.

[41-М]. Бобоалиева З.П., **Сохибназарова, Х.Т.** Чойгоҳи санъати тамсил дар осори бадеии тоҷику англис / З.П. Бобоалиева, Х.Т. Сохибназарова // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических, исторических и философских наук. – Душанбе, 2018. – №2-3 (30-31). – С. 57-60.

[42-М]. **Sohibnazarova, H.T.** Grammatical transformations of translating the predicate from English into Tajik and back / H.T. Sohibnazarova // Актуальная наука: Международный научный журнал. – Волгоград: НИЦ “Абсолют”, 2017. – № 4. – С. 81-85.

[43-М]. Турсунов, Ф.М., **Сохибназарова, Х.Т.** Тарҷумонӣ ва худшиносӣ / Ф.М. Турсунов, Х.Т. Сохибназарова // Журнал молодых переводчиков “Машъалафруз”. – Душанбе, 2019. – №1 (1). – С. 29-36.

[44-М]. **Sohibnazarova, H.T.** The structure and grammatical transformations of predicate from English into Tajik and vice versa / H.T. Sohibnazarova // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2020. – №4 (40). – С. 13-18.

РҶҶҲАТИ АДАБИЁТ

І.Адабиёти илмӣ

1. Атоулло, М.Ҳ. Бадоеъ-ус-саноеъ / М.Ҳ. Атоулло. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 222 с.

2. Арутюнова, Н.Д. Языковая метафора / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 147-173.
3. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М.: “Международ. отношения”, 1975. – 240 с.
4. Бобоалиева, З.П. Баррасии сабки матни асл ва мутобиқати он бо тарчума (дар мисоли тарчумаи осори Чингиз Айтматов ба забони тоҷикӣ). Монография /З.П. Бобоалиева. –Душанбе: ҚДММ “Нури моҳтоб”, 2019. – 144 с.
5. Гаффорова, Т.С. Воситаҳои забони тасвири бадеӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ (дар асоси “Ёддоштҳо”-и Садриддин Айнӣ): дис. ...номз. илм. филол.: 10.02.20/ Т.С. Гаффорова. – Душанбе, 2023. –189 с.
6. Жирмунский, В.М. Задачи поэтики. Задачи и методы изучения искусств / В.М. Жирмунский. –М.: Пб., 1924. – 242 с.
7. Зеҳнӣ, Т.Н. Санъати суҳан / Т. Зеҳнӣ. – Нашри 4. – Душанбе: Адиб, 2007. – 400 с.
8. Коломейцева, Е.М. Лексические проблемы перевода с английского языка на русский: Учеб. пособие / Е.М. Коломейцева, М.Н. Макеева. – Тамбов: Изд-во Тамб.гос.техн. ун-та, 2004. – 92 с.
9. Комиссаров, В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых / В.Н. Комиссаров. – М.: 1999. – 320 с.
10. Латышев, Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов – М.: Академия, 2003. – 192 с.
11. Латышев, Л.К. Курс перевода. Эквивалентность перевода и способы ее достижения / Л.К. Латышев. – М.: Международ. отношения, 1981. – 246 с.
12. Лисицына, В.О. Виды лексических трансформаций при письменном переводе / В.О. Лисицына, Э.К. Арутюнов // Международный журнал экспериментального образования. –М.: 2014. – №10. – С. 167-170.

13. Нозимова, Г.С. Пайдоиш ва таҳаввули тамсил дар адабиёти форс-тоҷик (асри X ва нимаи аввали асри XI). Монография. / Г.С. Нозимова. – Душанбе, 2016. – 212 с.
14. Рецкер, Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский / Я.И. Рецкер. – Л.: Просвещение, 1973. – 199 с.
15. Рыжкова-Гришина, Л.В. Художественные средства. Изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи / Л.В. Рыжкова-Гришина, Е.Н. Гришина. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 337 с.
16. Сперанский, М.М. Правило высшего красноречия / М.М. Сперанский. – Санкт-Петербург, 1844. – 226 с.
17. Фёдоров, А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы) / А.В. Фёдоров. – М., 2002. – 348 с.
18. Шарифов, Х. Балоғат ва суҳанварӣ / Х. Шарифов. – Душанбе: Ирфон, 2022. – 278 с.
19. Шевнин, А.Б. Теория и практика перевода: пособие для студентов филол. фак. ун-тов и фак. иностр. яз. пед. ин-тов / А.Б. Шевнин, В.С. Серов. – Элиста: КГУ, 1979. – 125 с.

II. Сарчашмаи мисолҳо:

20. Айнӣ, С. Марги судхӯр / С. Айнӣ. – Душанбе: ТҶБ “Истикбол”, 2011. – 156 с.
21. Айнӣ, С. Энциклопедияи насри муосири тоҷик: Ёддоштҳо (чаҳор қисм): Иборат аз як китоб / С. Айнӣ. – Душанбе: Сарредаксияи илмии Энциклопедияи Миллии Тоҷик, 2009. – 680 с.
22. Бронте, Ш. Ҷен Эйр / Ш. Бронте. – Душанбе: “Истикбол”, 2010. – 412 с.
23. Стивенсон, Р. Ҷазираи Ҷавохирот / Р. Стивенсон. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1952. – 257 с.
24. Хемингвей, Э. Пирамард ва баҳр: бо заб. англ. ва тоҷ. / Э. Хемингвей. – Душанбе, 2014. – 167 с.

25. Aini, S. Bukhara / S. Aini // Reminiscences; translated into English by Holly Smith. – Moscow: Raduga, 1986. – 389 p.
26. Ayni, S. The Death of the Userer. The Executioners of Bukhara / S. Ayni // Translated from the Tajik Persian with an Introduction and Notes by Abdusalom Mamadnazarov. – Dushanbe: “R-graph”, 2024. – 296 p.
27. Bronte, Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte. – Publisher, UBS Publishers Distributors (P), Limited, 1999. – 496 p.
28. Stevenson, R.L. Treasure Island / R.L. Stevenson. – GB.: BPC Paperbacks Ltd, 1993. – 183 p.

III. Фарҳанг ва донишномаҳо:

29. Литературный энциклопедический словарь / под. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.
30. Мамадназаров, А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ / А. Мамадназаров. – Душанбе: ЭР-граф, 2017. – 1016 с.
31. Современный словарь-справочник по литературе / Сост. И научн. ред. С. И. Кормилов. – М.: Олимп: ООО “Издательство АСТ”, 2000. – 704 с.
32. Таджикско – русский словарь: 70 000 слов и выражений / сост. В.А. Капранов, А. Отахонова и др. // Академия наук РТ. – 2-е изд., дополненное. – Душанбе, 2006. – 784 с.
33. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ. 1. / Мурат. Т.Н. Зехнӣ, В.А. Капранов, ва диг. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – Ҷ. 1. – 952 с.
34. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.2. / Мурат. Т.Н. Зехнӣ, В.А. Капранов, ва диг. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 948 с.
35. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ / зери таҳрири С. Назарзода., А. Сангинов., С. Каримов. – Душанбе, 2008. – Ҷ. 1. 950 с.
36. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехта. Ҷилди 1. /М. Фозилов. –Душанбе: Ирфон, 1960. – 952 с.
37. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехта. Ҷилди 2. /М. Фозилов. –Душанбе: Ирфон, 1964. – 802 с.

АННОТАТСИЯИ

кори диссертатсионии Соҳибназарова Ҳавасмоҳ Тиллоевна дар мавзуи “Таҳқиқи муқоисавии воситаҳои тасвири бадеӣ дар матни асл ва тарҷума дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ (чанбаҳои забонӣ ва тарҷума)”, ки барои дарёфти дараҷаи доктори илми филология аз рӯи ихтисоси 10.02.20 – Забоншиносии муқоисавӣ–таърихӣ, қиёсӣ ва муқоисавӣ) пешниҳод шудааст.

Калидвожаҳо: воситаҳои тасвири бадеӣ, тарҷумаи бадеӣ, хусусиятҳои луғавии матн, хусусиятҳои дастурии матн, маҷоз, истиора, ташбеҳ, киноя, тамсил, муболиға, тасғир, таҳвилоти тарҷумавӣ, тарҷуманопазирӣ, мушаххасгардонӣ, умумигардонӣ, талафу бадал, чуброн.

Дар диссертатсияи мазкур масоили марбут ба чанбаҳои забонӣ ва тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар матни асл ва тарҷума дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ мавриди таҳқиқ қарор дода шуда, усулҳои хоси тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ баррасӣ гардидааст. Мақсад аз навиштани диссертатсия нишон додани таҳлили муқоисавии фарогири чанбаҳои забонии воситаҳои тасвири бадеӣ аз нигоҳи тарҷума дар заминаи матнҳои адабии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ мебошад. Таҳқиқоти мазкур нахустин кӯшиш дар мавриди таҳқиқи чанбаҳои забонӣ ва тарҷумаи воситаҳои тасвири бадеӣ дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ мебошад. Дар диссертатсия хусусиятҳои хоси воситаҳои тасвири бадеӣ, дараҷаи мутобиқати ин воситаҳо ҳангоми тарҷумаи матнҳои бадеии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ нишон дода шудааст. Маводи назариявӣ ва амалии диссертатсия дар баргараф намудани мушкилоти луғавию дастурӣ дар раванди тарҷума дар забонҳои мавриди назар барои муҳассилини тоҷик метавонад кумак расонад. Натиҷаҳои дар диссертатсия ба дастомада назарияи воситаҳои тасвири бадеиро аз нигоҳи муқоиса ва тарҷума пурра намуда, барои таҳқиқоти минбаъда дар ин самт шароити мусоид фароҳам меорад. Маводи диссертатсия барои баргузории курсҳои назариявии грамматика, типологияи муқоисавии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ, курсҳои махсус ва барои корҳои илмӣ-таҳқиқотӣ хизмат намуда, метавонад дар рушду густариши таҳқиқоти муқоисавии забонҳо дар забоншиносии муқоисавӣ ва маърифатӣ, назария ва амалияи тарҷума, услубшиносӣ муҳим бошад.

Истифодаи мисолҳои диссертатсия ҳамчун воситаи аёнӣ дар назария ва амалияи тарҷума, луғатшиносӣ, услубшиносӣ ва забоншиносии муқоисавӣ аз манфиат холӣ нест.

АННОТАЦИЯ

Диссертации Сохибназаровой Хавасмох Тиллоевны на тему «Сопоставительное исследование средств художественной выразительности в тексте оригинала и перевода на примере таджикского и английского языков (лингвистический и переводческий аспекты)», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Ключевые слова: средства художественной выразительности, художественный перевод, лексические особенности текста, грамматические особенности текста, троп, метафора, эпитет, аллегория, притча, гипербола, литота, переводческая трансформация, непереводаемость, конкретизация, генерализация, опущение и замен, компенсация.

В диссертации рассматриваются вопросы, связанные с лингвистическим и переводческим аспектами средств художественной выразительности в тексте оригинала и перевода на примере таджикского и английского языков, а также обсуждаются конкретные приемы перевода образной речи. Целью написания диссертации является комплексный сопоставительный анализ лингвистического и переводческого аспектов художественных средств выразительности с точки зрения перевода на материале художественных текстов на таджикском и английском языках. Данное исследование является первой попыткой изучения лингвистического и переводческого аспектов и перевода художественных средств выражения на примере таджикского и английского языков. В диссертации показаны особенности средств художественной выразительности, степень сочетаемости этих средств при переводе художественных текстов в рамках таджикского и английского языков. Теоретический и практический материал диссертации могут помочь таджикским студентам преодолеть лингвистические и методические проблемы в процессе перевода на рассматриваемые языки. Полученные в диссертации результаты дополняют теорию художественных средств репрезентации с точки зрения сопоставления и перевода, создавая благоприятные условия для дальнейших исследований в этой области. Материалы диссертации могут быть использованы в теоретических курсах по грамматике, сравнительной типологии таджикского и английского языков, спецкурсах, в научно-исследовательской работе, а также могут иметь большое значение для развития и расширения сравнительного языкознания в сравнительно-когнитивной лингвистике, теории и практике перевода, стилистике. Использование примеров диссертации в качестве наглядного пособия в теории и практике перевода, лексикологии, стилистики и сравнительного языкознания не лишено своих преимуществ.

ANNOTATION

Dissertation by Havasmoh T. Sohibnazarova titled "Comparative study of means of artistic expression in the source and target texts on the example of the Tajiki and English languages (linguistic and translation aspects)", submitted for the degree of Doctor of Philological Sciences in the Specialty 10.02.20 - Comparative-historical, typological and comparative linguistics.

Key words: means of artistic expression, artistic translation, lexical features of the text, grammatical features of the text, trope, metaphor, epithet, allegory, parable, hyperbole, litotes, translation transformation, untranslatability, concretization, generalization, omission and substitution, compensation.

The dissertation examines issues related to linguistic aspects and translation of artistic means of expression in the source and target texts using the example of Tajik and English languages, and discusses specific methods of translating figurative speech. The purpose of writing the dissertation is a comprehensive comparative analysis of the linguistic aspects of artistic means of expression from the point of view of translation using the material of artistic texts in Tajik and English. This research is the first attempt to study linguistic aspects and translation of artistic means of expression on the example of Tajik and English languages. The dissertation shows the features of artistic means of expression, the degree of compatibility of these means in the translation of artistic texts from Tajik and English languages. The theoretical and practical material of the dissertation can help Tajik students overcome linguistic and methodological problems in the process of translation into the languages under consideration. The results obtained in the dissertation complement the theory of artistic means of representation from the point of view of comparison and translation, creating favorable conditions for further research in this area. The materials of the dissertation can be used in theoretical courses on grammar, comparative typology of the Tajik and English languages, special courses, in research work, and can also be of great importance for the development and expansion of comparative linguistics in comparative cognitive linguistics, theory and practice of translation, stylistics. The use of dissertation examples as a visual aid in the theory and practice of translation, lexicology, stylistics and comparative linguistics is not without its advantages.